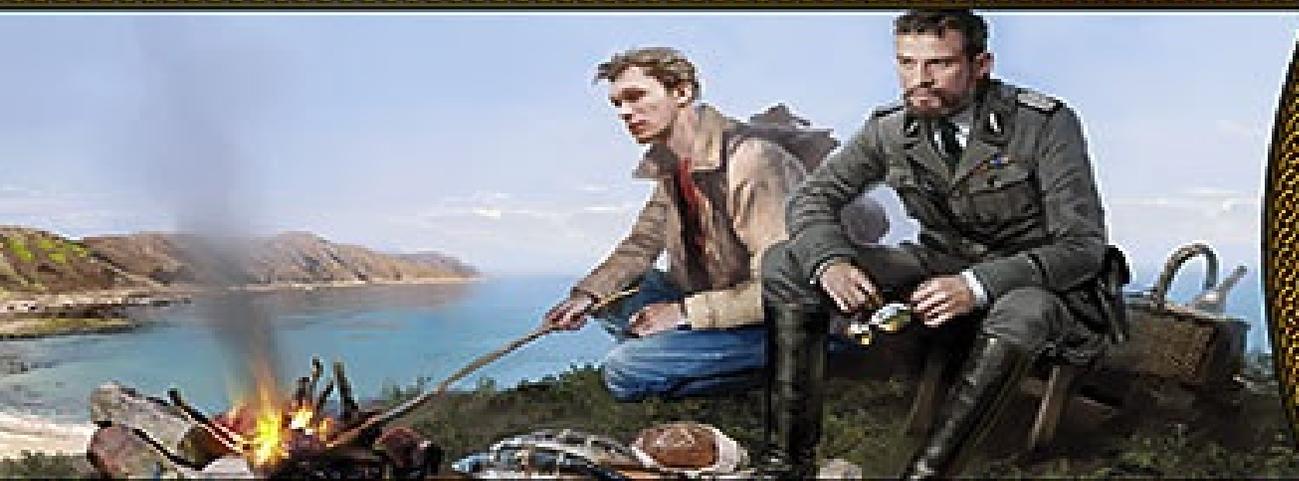

фантастическая
история

Андрей Величко

Остров везения

 ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Annotation

Едва получив возможность посещать прошлое, инженер Найденов сразу вынужден был впрячься во множество дел, при этом понимая, что оставшейся жизни не хватит даже на то, чтобы довести до ума хотя бы половину из них. Но не опускать же руки из-за такой мелочи! Тем более что потом потихоньку выяснилось – он успевает закончить практически все.

Однако на смену одним трудностям пришли другие, которые тоже вовсе не мешало бы преодолеть. Так что, с учетом прошлого опыта, Найденов решил, что в принципе он может и успеть, ибо каких только чудес не случается в жизни!

Но того, что время, силы и возможности у него появятся таким странным образом, да еще и в немалой степени благодаря пронырливости и обаятельности его дочери Насти, он предположить не мог. Хотя это не помешало ему, когда потребовалось, действовать в своей обычной манере – ну, будто он с самого начала все предвидел и теперь ему даже как-то немного скучно.

-
- [Андрей Величко](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)

- [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Эпилог](#)
-

Андрей Величко
Остров везения

Пролог

Пароход «Херсон» имел весьма почтенный возраст и богатую приключениями биографию. В далеком тысяча восемьсот девяносто третьем году он был спущен на воду в Англии, вскоре куплен Россией, а спустя три года вошел в состав Доброфлота. Впрочем, как грузовое судно он оказался не очень экономичен – слишком уж мощные у него были машины, что, в отличие от большинства тогдашних грузовозов, позволяло развивать скорость почти в двадцать узлов. Правда, его и покупали с целью в случае войны быстро переоборудовать во вспомогательный крейсер.

Этот час настал в самом начале тысяча девятьсот четвертого года. «Херсон» приобрел вооружение – четыре трехдюймовки плюс два торпедных аппарата, сменил имя на «Лену» и был объявлен крейсером. Однако никакой особой славой он себя не покрыл, потому как действовал не в составе черногорской эскадры адмирала Маслачака, а сам по себе, да еще подчиняясь непосредственно Главному морскому штабу. В общем, за всю первую половину войны он взял всего один приз, да и то мелкий, а потом четыре месяца ждал ремонта после случайной встречи с японским крейсером «Такачихо». Пользуясь преимуществом в скорости, «Лена» смогла уйти, но все-таки получила заметные повреждения.

После войны корабль был куплен лордом-протектором Курильского королевства – естественно, по дешевке, учитывая его плачевное состояние. И с восьмилетней рассрочкой платежа под смешные полтора процента годовых. После чего «Лену» кое-как подлатали во Владивостоке, и она, сменив имя на «Итуруп», своим ходом поковыляла в Германию, к месту уже настоящего капитального ремонта с заменой котлов.

После ремонта корабль, скорость которого теперь могла достигать двадцати трех узлов, использовался Курильским королевством для грузовых перевозок. Причем никто почему-то не жаловался на его низкую экономичность – она каким-то странным образом ухитрялась почти не влиять на прибыль от торговых операций лорда-протектора. А если и влиять, то исключительно в сторону увеличения. Англичане даже заявляли, что «Итуруп» участвует в контрабанде оружия из Китая в Индию и Ирландию, но доказать свои беспочвенные инсинуации так и не смогли.

Когда началась мировая война, «Итуруп» стал крейсером Первой курильской эскадры. Теперь он действовал куда результативней, чем во время Русско-японской, и до самого конца военных действий

находился в строю. Ну а когда настал мир, лорд-протектор продал корабль Израиллю. Правда, в собственности этого государства «Итуруп» пробыл всего несколько дней. Министр иностранных дел Израиля выкупил его у государства и преподнес в дар ДОМу. Проправительственные средства массовой информации утверждали, что это было сделано из-за избытка душевного благородства и большой любви к детям. Впрочем, ни для кого не секрет, что всегда найдутся желающие очернить любое проявление лучших черт в человеке. Поэтому некоторые желтые листки, не утруждаясь доказательствами, тут же написали, что приступ филантропии случился с Немнихером сразу после беседы с канцлером Найденовым, где тот, не особо стесняясь в выражениях, озвучил свое огорчение по поводу того, что милейший Арон Самуилович опять проворовался. И главное, ухитрился при этом нанести Российской империи косвенный финансовый ущерб. И что министр был до полусмерти рад, когда ему удалось так дешево замаять эту чреватую серьезными неприятностями историю.

Как бы там ни было, корабль еще раз сменил название и, вернувшись под российский флаг, снова стал «Херсоном». Впрочем, многие, не разобравшись, продолжали считать его израильским и произносили название с ударением на первом слоге. Мол, именно каким-то таким сыном Найденов и называл Немнихера во время беседы, причем это было слышно даже в коридоре.

Так как корабль был подарен все-таки ДОМу, а не его более секретной ипостаси – СИБу, то, понятное дело, основной декларируемой задачей «Херсона» стала перевозка детишек к месту отдыха и обратно. Причем нельзя сказать, что это было совсем уж беспардонным враньем. Вот, например, сейчас на борту находилось пятнадцать детей. И кроме них – полторы сотни морских пехотинцев. Ведь как неоднократно заявляло руководство Российской империи: дети есть наше будущее. И значит, их надо как следует охранять, особенно в столь беспокойном месте, как южная часть Тихого океана.

Командовала детьми, а точнее все-таки подростками, девушка по имени Настя. Впрочем, так фамильярно ее называли немногие. Для большинства же она была «ее высочество великая княжна Российской империи и наследная принцесса Ирландского королевства Анастасия Георгиевна Найденова-Романова». Для подчиненных – просто «госпожа ликтор».

В данный момент принцесса стояла на палубе и смотрела, как на горизонте постепенно вырастает силуэт острова Пасхи – последнего пункта, который следовало посетить во время текущего вояжа.

Глава 1

Настя в последний раз глянула в зеркало и убедилась, что мундир сидит безукоризненно. Пилотка заломлена под строго установленным углом, черный китель идеально облегает фигуру, черная же юбка достает точно до середины бедра. На ногах изящные сапожки из крокодиловой кожи, на талии широкий ремень с большим ПФМ в полуоткрытой кобуре. Сверкают серебряные нашивки и зеркальные очки. В общем, из зеркала на девушку глядел прямо-таки образцовый ликтор Службы имперской безопасности.

Принцесса хихикнула, вспомнив, как она впервые пришла домой в этой форме. Младший брат Андрейка тогда глубокомысленно изрек, что ей не хватает небольшой аккуратной бородки для полного соответствия устоявшимся канонам. И когда только успел слова-то такие выучить, шкет!

Настя немного поправила черный галстук. Вообще-то женская форма ликтора имела два варианта. Один – такой, в каком сейчас красовалась принцесса. У второго галстук отсутствовал, а вместо рубашки была блузка с глубоким декольте, и носительнице предоставлялось право свободного выбора варианта. Настя выбрала этот, с галстуком и рубашкой, потому как трезво оценивала свою фигуру и понимала, что декольтировать там пока еще практически нечего.

Так, одернула себя принцесса, хватит вертеться перед зеркалом. Катер уже спущен, и пора явить свою облеченную явными и тайными полномочиями персону администрации острова Пасхи.

Разумеется, принцесса немного волновалась. Официально ее миссия заключалась в инспекции Маркизских островов на предмет уточнения того, чем Россия может помочь их аборигенам. Причем это, само собой, была чистейшая правда. По итогам войны Франция оказалась не только разделена на три части, но и полностью лишена колоний. В основном они достались Германии, часть бывшей Французской Полинезии удалось спихнуть Японии, но вот от Маркизских островов у императора, даже при всемерной поддержке канцлера, отбрыкаться не получилось. Хорошо хоть они стали не полноценной колонией, а самоуправляемой территорией под протекторатом Российской империи. Вот, значит, задачей принцессы и было выяснить, насколько там реально появление хоть какого-то самоуправления. А также способно ли еще местное население прокормиться самостоятельно, или столетние усилия колонизаторов уже

привели к тому, что это невозможно.

Однако у принцессы имелась и еще одна задача, поставленная ей отцом в беседе тет-а-тет. Она была связана с тем, что власти Федерации не смогли сохранить в тайне свои контакты с другим миром. И раз уж тайна все равно накрылась медным тазом, было решено извлечь из этого максимальную пользу.

Люди Найденова вышли на контакт с китайскими властями двадцать первого века и предложили им арендовать место, где время течет примерно в тридцать, а то и в пятьдесят раз быстрее, чем в их мире. И построить там научный центр, а также завод по производству компьютерной техники. И клинику, чтобы можно было использовать лечебно-тонизирующие свойства порталов. Для начала в качестве такого места был предложен остров Янг неподалеку от Антарктиды, но китайцам он вполне обоснованно не понравился – слишком уж там холодно и ветрено. И значит, топливо придется в больших количествах непрерывно туда подвозить, да и само строительство сильно подорожает. Канцлер согласился и задумался о передаче им какого-нибудь курильского острова, но это годилось только в качестве запасного варианта. Больно уж в оживленном районе находились Курилы и достаточно близко как к России, так и к Японии с Китаем. К тому же там наличествовала сейсмическая опасность. В идеале нужен был предельно одинокий остров в малопосещаемом районе, да к тому же с подходящим климатом. Вот Найденов и отправил дочь глянуть на Маркизские острова с этой точки зрения. Впрочем, он сильно подозревал, что они все же не подойдут, а идеальным вариантом будет остров Пасхи. Правда, он никоим боком не относился к России, но это означало лишь то, что Анастасии следовало еще и сообразить, как в случае положительного решения о пригодности острова исправить это досадное упущение. И, разумеется, прикинуть, какие силы для этого понадобятся.

Официально же русская княжна и ирландская принцесса желала после завершения инспекции полюбоваться на знаменитые статуи острова Пасхи – с целью повышения культурного уровня и расширения исторического кругозора.

Казалось, что гостей встречает все население острова – во всяком случае, по берегам маленькой бухточки толпилось около сотни туземцев, а в центре стояли шесть европейцев. Катер, казавшийся огромным на фоне находящихся в бухте трех тростниковых лодочек и одной деревянной, уткнулся тупым носом в миниатюрный песчаный пляж, и на землю сошли сначала девять морских пехотинцев в полном вооружении, затем

переводчик с испанского, на котором принцесса говорила не совсем свободно, и, наконец, она сама.

От группы европейцев отделился средних лет человек в чилийском военно-морском мундире и представился губернатором острова лейтенантом Луисом Амадо Дюраном. В ответ Настя отбарабанила все свои титулы.

– О... – изумился чилиец, – вы дочь русского канцлера? Для нашего острова большая честь принимать столь высокую гостью. И, не побоюсь этого слова, столь же прекрасную. Чему мы обязаны этой неожиданной честью?

Принцесса кратко объяснила про статуи. Сама же, присмотревшись к аборигенам, не обнаружила в них ни малейших признаков сердечной привязанности к чилийцам. Да и то, что из шести белых четверо были с ружьями, говорило само за себя. Ведь не против же бронированного катера, вооруженного двумя скорострельными авиационными пушками, они их взяли! Кажется, в случае необходимости народно-освободительный порыв местного населения не заставит себя долго ждать.

Господин губернатор тоже не был всецело поглощен разговором. Любезности и комплименты он выдавал автоматически, а сам в это время лихорадочно размышлял, чем может лично для него обернуться столь неожиданный визит.

Собственно говоря, он знал всего один аналогичный пример. В самом начале девятого года на остров Гран-Канария прибыл канцлер Найденов. Просто отдохнуть, потому как никаких, даже самых захудалых достопримечательностей там не водилось. До этого визита губернатор Гран-Канарии был практически свободен в своих действиях – ну, разумеется, настолько, насколько ему позволяли откровенно нищенские финансовые возможности управляемой им территории. После визита даже такая свобода заметно сократилась, но зато сейчас губернатор входил в первую десятку богатейших людей Испании. В принципе лейтенант был совершенно не против, чтобы и с ним произошло нечто подобное, тем более что кто-то из русских уже сказал, что на самом деле свобода есть всего лишь осознанная необходимость. И уж ту самую необходимость, если ее цифровое выражение будет иметь более двух нолей после значащей цифры, да еще в рублях, господин губернатор был готов осознать немедленно и всеми фибрами души. Правда, оставался еще один вопрос. А вдруг девушка действительно приплыла сюда всего лишь полюбоваться на статуи? Ведь, в конце концов, русский канцлер человек отнюдь не бедный и вполне может позволить себе немного побаловать дочь.

Мало ли, вдруг она с детства интересуется всякими каменными истуканами.

Тогда, пожалуй, можно будет попытаться продать ей несколько статуй, решил лейтенант. Рубля по три за штуку. Они все равно валяются по всему острову, никто их не считал, а корабль у принцессы большой, и на корме у него есть мощный грузовой кран. Но, кажется, он что-то пропустил? Принцесса явно ждет ответа.

– Ваше высочество, смиренно умоляю меня простить, но я настолько потрясен вашей красотой, что просто теряю нить разговора. Вы изволили меня о чем-то спросить?

– Да, господин губернатор. Где можно расположиться мне и моим людям?

– Мой дво... – начал было Дюран, но потом подумал, что если он назовет эту халупу дворцом, то девчонка рассмеется прямо ему в лицо. Даже домом назвать и то будет слишком.

– Мое скромное жилище в полном вашем распоряжении, ваше высочество.

– Спасибо, но я не могу позволить себе так вас стеснять, – сморщила носик принцесса. – У нас есть палатки, и я прошу вас указать, где их можно ставить.

– Где вам будет угодно! Но позвольте дать небольшой совет? Не следует располагаться в непосредственной близости от селения. Туземцы – отъявленные воры и тащат абсолютно все, что им приглянется. Зато в небольшом отдалении есть прекрасная бухта под названием Анакена. Уверяю, вам там понравится.

Как раз на противоположном конце острова, припомнила карту Настя. Но бухта действительно неплохая, и, в конце концов, какая мне разница? И милостиво кивнула:

– С удовольствием воспользуюсь вашим советом, господин губернатор. Вы дадите мне на корабль провожатого, чтобы он показал, где это место?

К шести вечера «Херсон» встал на якорь перед Анакеной, а в семь обустройство лагеря было закончено. Большая палатка для Насти, две чуть поменьше – для ее помощников, и четыре стандартных армейских для охраны. Из техники на берег были переправлены четыре кроссовых мотоцикла, полевая кухня и самолет «Тузик». С пилотом такого веса, как принцесса, и с запасом бензина на сорок пять минут полета самолетику для взлета и посадки хватало пятидесяти метров, и морпехи уже нашли

подходящее место и начали расчищать его от камней, пообещав, что утром можно будет лететь.

Настя зашла в свою палатку, ослабила галстук и сбросила сапоги. Хотя она пока смогла рассмотреть малую часть острова, но увиденное произвело на нее удручающее впечатление.

Дело было в том, что в распоряжении канцлера оказались только две фотографии острова из этих времен, а все остальные были из двадцать первого века. И насколько же отличалось изображенное на них от увиденного! Там, например, бухта Анакена представлялась райским местечком. Большой песчаный пляж, по краям которого живописно располагались пальмовые рощи, зелененькая травка...

Здесь же пляж был куда меньше, никаких пальм не было и в помине, а вместо травки кругом расстилалась красная сухая земля с изредка торчащими меж камней чахлыми полусохшими кустиками. Все правильно, остров Пасхи сейчас переживал самый пик экологической катастрофы.

До прибытия первых аборигенов остров был полностью покрыт тропическими лесами. Однако переселенцы оказались деятельными, трудолюбивыми людьми – и начали массово выжигать лес под поля. Самые большие пальмы, которые росли только тут, а в других местах полностью вымерли, были пущены на корпуса каноэ. И, как будто сделанного было мало, пришельцы начали возводить статуи.

Сначала они сняли весь дерн со склонов горы, чтобы добраться до базальта. Потом для транспортировки истуканов потребовались веревки и бревна, причем во все возрастающих количествах.

В общем, к середине семнадцатого века деревья на острове исчезли полностью, то есть вообще все. Но хоть трава и кусты тогда еще оставались! Однако сейчас и их век подходил к концу. В Чили не придумали ничего лучше, чем разводить на несчастном острове овец! И теперь они его дожирали. В окрестностях Анакены, например, вполне можно было снимать фильмы из марсианской жизни – тут уже образовался более чем подходящий пейзаж.

Утром принцесса поднялась в небо. С воздуха остров выглядел ничуть не лучше, чем с земли, разве только было хорошо видно, что он такой унылый весь. Впрочем, не совсем – на восточной оконечности явно несколько хуже, чем везде. Растительность там отсутствовала полностью, и ветер гонял красные вихри.

Уже все слопали и вытоптали, бяши прожорливые, поняла Настя и направила самолетик к центру острова. Там еще росла трава, а на ней

паслись овцы. Ну я вам сейчас аппетит-то испорчу!

Настя двинула от себя сразу и сектор газа, и ручку. «Тузик» снизился до бреющего полета и на предельной скорости промчался над стадом. Такого не вынесли ни овцы, ни пастухи, все в панике кинулись в разные стороны. Напоследок пройдя над селением, принцесса повернула на северо-восток, к Анакене. Да, остров идеально подходил под те задачи, что поставил канцлер. Куда лучше любого из Маркизских. Те покрыты горами и ущельями, рельеф очень изрезан, и везде леса. Наблюдать с воздуха там будет очень трудно, да и строителям тоже придется несладко. Здесь же остров достаточно ровный, не считая трех гор по углам. Никаких ущелий нет, дороги можно прокладывать в любом направлении, а внедорожная техника и так пройдет почти везде. Есть отличное место для аэродрома с полосой не менее полутора километров. Ну а что здесь практически пустыня, несмотря на вполне достаточное количество осадков, – не страшно. Говорят, китайцы в двадцать первом веке стали даже еще более трудолюбивыми, чем были в двадцатом. Так пусть сажают пальмы, бамбук и прочие подходящие растения! Им же самим веселее будет. Но никаких овец! В конце концов, в море полно рыбы.

Теперь оставалось только сообразить, какие шаги надо предпринять прямо сейчас, чтобы остров оказался в нужных руках в ближайшее время. Инструкции канцлера были совершенно однозначны и не допускали двойного толкования. Насколько принцесса помнила, звучали они так:

«Доча, какие тебе еще нужны указания? В ДОМе всегда поощрялась разумная инициатива. Я тебе выделил средства и охрану. Татьяна Викторовна – корабль и почти половину предвыпускного курса полевых агентов со знанием испанского. И какая мне разница, каким именно способом ты выполнишь порученное? Привыкай к самостоятельности, я у тебя всю жизнь за спиной стоять не буду. Могу только еще раз напомнить, чтобы ты не забывала об экономии средств и о международном имидже нашей великой державы».

Если честно, то Настя до сих пор не до конца понимала, как можно объединить два эти требования. По отдельности-то нет ничего сложного – хоть навести такую экономию, что дальше будет просто некуда, хоть поднять имидж на недостижимую высоту, но это потребует немалых расходов.

Подумав, Настя решила, что надо определить некую сумму. Таковую, чтобы она была не слишком большой, но и не настолько скромной, чтобы пошли разговоры о скарденности русских. И уж потом решить, какую часть выделенных денег дать народу острова, какую – его администрации.

А также кому лучше выделить все оставшееся – правительству Чили или Одуванчику, чтобы он наглядно объяснил тому правительству, насколько оно было не право, без всяких на то оснований аннексируя остров, испокон веку принадлежащий великому народу рапануйцев.

Глава 2

Посадив «Тузик» рядом с лагерем, принцесса заметила, что за время ее полета там добавилась лишняя палатка, отличающаяся от прочих небольшим размером, ярко-зеленым цветом и куполообразной формой. Что говорило – супружеская пара Калюжных тоже перебралась с корабля на берег.

Морпехи, почти весь экипаж «Херсона» и две трети Настиных подчиненных считали, что это какой-то довольно известный писатель, отправленный Найденовым в экспедицию для того, чтобы собрать материал для очередного своего нового романа. Или даже сериала, чем черт не шутит. А так как он недавно женился, то взял с собой молодую жену, дабы совместить командировку в экзотические страны с медовым месяцем. Но Настя знала больше.

Известный писатель, говорите? Ну-ну, может, кому-то там он и известен. Но все равно название для пары совершенно неправильное. Это не писатель Калюжный со своей молодой женой, а живая легенда СИБа старший прокуратор Герда Паульсен со своим молодым мужем. Правда, теперь ее фамилия Калюжная, а имя Галина.

Настя помнила, как, изучая в спецшколе операции этой выдающейся полевой агентессы, представляла ее здоровенной мужеподобной бабищей, способной голыми руками ломать подковы и завязывать лом морским узлом. И каково же было изумление принцессы, когда Татьяна Викторовна познакомила ее с Гердой!

Перед Анастасией стояла среднего роста худощавая миловидная женщина, выглядевшая гораздо моложе своих тридцати трех лет. Не то чтобы ослепительная красавица, но все же ее слегка неправильные черты лица чем-то притягивали взгляд. Герда редко улыбалась, но, когда это все-таки происходило, женщина преображалась. Наверное, именно такой доброй и немного застенчивой улыбкой она провожала в последний путь своих многочисленных клиентов, чье дальнейшее существование чем-то мешало Российской империи. Настя с тех пор не раз ловила себя на том, что непроизвольно пытается копировать жесты, походку и улыбку Герды.

Никакой тайны для принцессы роль этой женщины не составляла. Отец не побоялся сразу доверить дочери важное и сложное задание, но не решился отправить ее в дальние страны совсем одну. За что, честно говоря, Настя была ему очень благодарна. Все-таки с Гердой куда

спокойнее, чем без нее, она в случае чего поддержит советом, а в самом крайнем варианте – и действием. Правда, в необходимости присутствия писателя принцесса не была до конца уверена. Мало ли, а вдруг он и про нее чего-нибудь напишет, красней потом. Впрочем, Настя быстро вспомнила – сколько всего, причем далеко не всегда комплиментарного, было написано про ее отца, и как он на все это чихать хотел, после чего успокоилась. Про нее столько при всем желании не накосячить. Наверное, писатель нужен для душевного комфорта своей жены, а он дорого стоит, так что пусть себе пишет что хочет.

Принцесса направилась к зеленой палатке, но Герда уже вышла ей навстречу.

– Как тебе показался остров? – поинтересовалась старший прокуратор.

– Гиблое место, каких еще поискать, – с чувством ответила Настя. – Идеально подходит под наши требования, как будто для этого и был создан. Я вот сейчас думаю, во сколько он обойдется России и кому в какой пропорции эти деньги выделить.

Далее принцесса ознакомила собеседницу со своим прикидками.

– Две тысячи этому провинциальному хлыщу, здешнему губернатору? – удивилась Герда. – Да он сам отдал бы не меньшие деньги, если бы они у него были, чтобы как можно быстрее покинуть эту глушь. По-моему, ему и семисот рублей за глаза хватит. Насчет же кому отдать оставшееся, Паше или чилийскому правительству, то мне кажется, что последнее немного предпочтительней. Просто потому, что таких денег, какие не стыдно будет предложить лорду-протектору, они не видели ни разу в жизни, не говоря уж о том, чтобы ими владеть. Ибо нищета голоштанная. Кроме того, дать денег Одуванчику придется вполне реально, а с Чили возможны и несколько иные варианты. Например, пообещать им оказать помощь в развитии туристического бизнеса. По-моему, даже до такой дыры должны докатиться слухи, насколько это выгодно.

Настя кивнула. Да, слухи насчет сверхдоходности туризма ходили весьма интенсивные, иностранный отдел ДОМа не жалел сил на их распространение. Потому как на самом деле и Канарские, и Гавайские острова работали прачечными по отмыванию полученных не совсем безукоризненными путями средств. Канарами в основном пользовался канцлер, а Гавайями – ее величество Мария Первая при всемерной поддержке Израиля, где она являлась бессменным президентом.

– Смотри. – Герда отломила от ближайшего куста палочку и начала чертить ею на песке. – Вот остров Пасхи. Вот Маркизские острова, вот архипелаг Питкэрн, где южно-тихоокеанская база Одуванчика. Если

где-то вот тут поставить еще одну точку, то остров Пасхи окажется внутри треугольника. И значит, несанкционированный доступ к нему станет весьма маловероятным. Здесь есть земля, архипелаг Хуан-Фернандес. И его не обязательно отнимать у Чили, достаточно просто организовать там туристический центр. Но вот как объяснить, с какого перепугу туда якобы попрут отдыхающие, я не знаю.

Настя ненадолго задумалась, вспоминая, что она знает об этом архипелаге. Решение нашлось почти сразу.

– Там же несколько лет жил Селькирк, прототип Робинзона Крузо! А его во всем мире знают. Вот, значит, надо быстренько переименовать место в остров Робинзона Крузо, а потом взять в руки роман и прямо по тексту создавать достопримечательности. Набросать на берегу всяких мачт и шпангоутов. Поставить частокол с палаткой на склоне холма, вырыть погреб. У Робинзона, кажется, там кошки жили? Я думаю, отец ими поделится. Опять же коз туда дрессированных и говорящего попугая – это будет место для мам с детишками. Для любителей ужасов надо соорудить кострище с человеческими костями и недоеденным мясом, а рядом – найти пещеру и сунуть туда чучело козла пострашнее. Ну а для прочих мужиков организовать стриптиз-бар «В гостях у прекрасной Пятницы».

– Насколько я помню, Пятница был мужчиной, – усомнилась Герда.

– Да какая разница! Посетителям в баре объяснят, что Англия всегда была пуританской страной, а уж в начале восемнадцатого века тем более. В силу чего Дефо просто не мог прямо написать, какого пола была Пятница и чем они с Робинзоном занимались на своем острове. Вот писателю и пришлось прибегнуть к иносказаниям.

– Интересно, – рассмеялась Герда, – ты не против, если я подкину твою идею Виктору? Он сможет сочинить неплохой сценарий.

Потянулись рабочие будни. Подчиненные принцессы дневали и ночевали в единственном поселке острова Ханга-Роа. Они знали испанский, трое имели некоторое понятие о рапануйском языке, а появление подростков, почти детей, и их искренний интерес к туземной экзотике не вызывали особых подозрений. Кое-какие нюансы они уже выяснили.

Поселок был обнесен изгородью, за которой местным жителям запрещалось ставить свои жилища, да и вообще их появление за пределами периметра не приветствовалось. Чилийцы объясняли эти строгости склонностью островитян к воровству овец, а ведь животные принадлежали

военно-морскому флоту. Узнав об этом, Настя тут же отбила радиogramму Одуванчику, у которого, как она знала, на его южно-тихоокеанской базе уже проявились небольшие продовольственные трудности, связанные с тем, что рыба хуже горькой редьки надоела строителям аэродрома на острове Хендерсон и РЛС – на Питкэрне. Пусть дядя Паша отправит сюда посыльное судно, решила принцесса. За овцами. Сейчас их воровство лимитировалось, если так можно сказать, естественными причинами. Аборигены крали столько, сколько могли незаметно съесть. С такими потерями чилийский флот еще как-то мирился, особенно после восстания, вспыхнувшего несколько лет назад как раз из-за излишних строгостей, коими власти пытались прекратить воровство. Но с появлением курильского заготовительного корабля ситуация радикально изменится. Рапануйцы начнут красть не столько, сколько влезает в их желудки, а столько, сколько сможет оплатить его светлейшее высочество лорд-протектор. А это уже совсем другие цифры, овец на острове хватит максимум на два рейса. И ценность Пасхи для чилийского флота начнет стремительно приближаться к нулю, а потом и вовсе станет отрицательной величиной. Ибо адмирал Маслачак в Тихоокеанском регионе был ничуть не менее известной личностью, чем Найденов в Европе. Потому как канцлер сидел где-то на другом краю земли, в снежной России, а лорд-протектор – вот он, совсем рядом. Его корабли могли появиться в любой момент, а самого Одуванчика можно было обвинить в чем угодно, кроме хоть в сколько-нибудь заметной деликатности.

Сама же принцесса каталась по острову на кроссовом мотоцикле в компании с Галиной Калюжной. Девушки осматривали статуи, а параллельно провели первые геодезические работы на месте будущего большого аэродрома. Кроме того, Герда тоже несколько раз слетала на «Тузике». Однако ее маршруты проходили на большей высоте и были строго прямолинейными – госпожа старший прокуратор проводила аэрофотосъемку.

Вскоре появился средних размеров корабль под курильским флагом, а через день губернатор напросился на прием к принцессе. Первым вопросом было: не знает ли ее прекраснейшее высочество, что за корабль стоит напротив Ханга-Роа?

– Знаю, – кивнула Настя, – это личная посыльная яхта дяди Паши. На ней есть хороший бассейн, теннисный корт и не то две, не то три пусковые установки для крылатых ракет среднего радиуса действия. Хотя, может, их четыре, я специально не интересовалась.

– Э-э-э... – растерянно проблеял губернатор, – а не будете ли вы столь

любезны разъяснить, кто такой дядя Паша? Прошу простить, но у нас тут не Европа, и личности, известные в ней, могут быть неизвестны здесь.

– Дядя Паша – это один хороший знакомый моего отца. Его светлейшее высочество лорд-протектор Курильского королевства адмирал Пол Маслачак. Неужели вы о нем ничего не слышали?

– Слышали, – обреченно вздохнул Луис Амадо Дюран. Губернатор ясно чувствовал, что у него со дня на день, а то и с минуты на минуту могут начаться большие трудности.

– Ну а раз так, то нам пора поговорить предметно. – С этими словами принцесса выложила на походный столик пачку денег. Довольно тонкую, но зато это были не чилийские песо и даже не американские доллары, а самые настоящие рубли.

– Как вы, наверное, уже поняли, отныне остров Пасхи не представляет для Чили интереса как поставщик мяса и шерсти. Правда, все это нужно господину адмиралу, но он как деловой человек наверняка предпочтет платить не чилийскому правительству и даже не вам, а туземцам. Если я не ошибаюсь, он это уже предпочел.

– За одну ночь исчезло триста пятьдесят голов, – горестно подтвердил губернатор, косясь на вожделенную пачку и пытаясь дистанционно сосчитать, сколько в ней купюр.

– Не расстраивайтесь, это только начало. В связи с чем у меня к вам есть деловое предложение. Вы отправите в Чили рапорт, в котором, не жалея красок, опишете сложившуюся ситуацию. Мол, ни сохранить овец, ни тем более оборонять остров у вас нет ни малейшей возможности. То, что вызвало у вас такой интерес, – это небольшой аванс. Если ваш рапорт произведет должное впечатление, то вы получите как минимум вдвое больше. Берите, не стесняйтесь. Но это еще не все. В том же рапорте вы напишете, что готовы организовать поставки продовольствия с архипелага Хуан-Фернандес в случае, если вас назначат тамошним губернатором.

– Но ведь там невозможно разводить овец, безуспешные попытки уже были.

– Зато коз – вполне возможно. Кроме того, в прибрежных водах есть много гигантских лангустов. Однако это далеко не главное.

Далее принцесса изложила губернатору свою идею относительно острова Робинзона Крузо.

– В случае если им будет руководить вменяемый человек, я готова вложить в проект свои собственные средства. Столько, сколько понадобится, ибо у меня нет сомнений в высокой доходности подобного

бизнеса, – закончила княжна.

– К сожалению, связь Чили с островом Пасхи осуществляется всего одним кораблем, приходящим сюда раз в год, и он был тут незадолго до вашего появления, – развел руками Дюран.

– Не волнуйтесь, ваше дело только написать рапорт, а его доставку по адресу обеспечу я, и это не займет много времени. Согласны? Отлично, никто не сомневался в вашем глубоком уме и трезвости оценки обстановки. Тогда сразу по возвращении домой садитесь писать и не думайте ни о каких овцах, это отвлекает от творчества. Все равно никакого влияния на их дальнейшую судьбу вы оказать не сможете. И кстати, не подскажите, почему на острове нет священника? Как-то это не очень похоже на обычную колониальную практику.

– Отец Алонсо умер полтора года назад, мир праху его. А нового с материка до сих пор не прислали. Очень жаль, это был весьма достойный человек, и вообще, без церковного руководства туземцы ведут себя заметно хуже.

– В таком случае, надеюсь, вы не станете препятствовать тому, что наш священник проведет тут несколько воскресных служб?

– Но ведь вы же... умоляю, не примите за оскорбление... но вы ортодоксы, а здешнее население исповедует католичество.

– Это будет самый настоящий католический батюшка, не сомневайтесь. В России действует свобода вероисповедания, причем не только на бумаге, но и по факту. Там можно встретить не то что католиков, лютеран и мусульман, но и вудуистов.

Анастасия говорила чистую правду. Среди выпускников духовного факультета Георгиевской высшей спецшколы ДОМа случались даже адепты Ктулху.

– И еще один небольшой вопрос, – продолжала принцесса. – Вы же понимаете, что военная служба тяжела сама по себе, а уж на корабле, вдали от твердой земли, и тем более. Морские пехотинцы моей охраны устали. Я уже подписала сорока человекам разрешение на полугодовой отпуск для восстановления сил, который они собираются провести на вашем прекрасном острове. Не беспокойтесь, жить они будут на месте моего лагеря, и мы снабдим их достаточными запасами, чтобы они не только не обременили местное население, но и могли оказать ему помощь в случае необходимости. Они не собираются ни во что вмешиваться – если, конечно, их на это не спровоцируют. Возможно, некоторые местные женщины захотят поправить свое материальное положение, а заодно скрасить солдатам тяготы одиночества. Не нужно им препятствовать. Все детали

на ближайшей же проповеди объяснит священник. Не беспокойтесь, наши морские пехотинцы абсолютно здоровы, за этим постоянно следят.

Ну вот и все, подумал губернатор, седлая коня для возвращения в Ханга-Роа. Разумеется, русские не собираются ждать, пока в Сантьяго примут какое-то решение. Хотя, наверное, у них есть основания предполагать, что оно в конце концов будет положительным. Единственное, что пока еще не очень ясно, – будет ли остров Пасхи аннексирован официально или тут произойдет что-либо иное.

Некоторое подобие ответа на этот вопрос Дюран получил через два дня. Среди туземцев вдруг возникли разговоры про какой-то референдум о восстановлении независимости острова Рапа-Нуи. В основном островитян интересовало, что это такое, поместится ли оно на центральной площади поселка и чего от него будет больше – вреда или пользы. Большинство склонялось в сторону второго предположения, мотивируя это тем, что неведомый референдум готовят русские, которые очень приличный народ, по щедрости не сравнить с чилийцами. И они дружат с теми, которые приплывали на белом корабле за овцами и обещали скоро повторить визит, а это вообще просто замечательные люди. Ведь они расплачивались ножами, ложками, кружками, рыболовными крючками, отрезами ткани и прочими необходимейшими в хозяйстве вещами, причем за хорошую овцу давали целых два предмета, а за очень хорошую и все три. На выбор!

Глава 3

– Как-то уж больно рано наша дочка стала взрослой, – вздохнула Мари.

– Ничего себе – рано! – удивился я. – Завтра пятнадцать лет исполняется человеку. В таком возрасте приличных принцесс уже всюю замуж выдают, и ничего. Жалко, конечно, что праздновать придется без нее, но тут уж ничего не поделаешь – положение обязывает. Андрей говорит, что Рекс согласен принять подарки, предназначенные имениннице. Опять же Гайдар командовал полком, будучи ненамного старше Насти. А учитывая, что женщины взрослеют раньше мужчин, да плюс то, что в непосредственном подчинении у нее сейчас всего четырнадцать человек, то и тем более.

– Может, именно из-за этого у Гайдара такой внук и вырос, – покачала головой Мари, уже успевшая основательно ознакомиться с историей мира, где я родился. – Нельзя в юном возрасте распоряжаться чужими жизнями, это обязательно скажется на психике.

– Во-первых, не факт, а во-вторых, наша дочка и не распоряжается. Если обстановка сложится так, что придется посылать кого-то на смерть или принимать решение о чьей-либо ликвидации, то командование примет другой человек, у него есть все необходимые письменные полномочия.

– Ладно, хорошо хоть, что она все успешно закончила. Надеюсь, ты не собираешься запрещать девочке немного отдохнуть после первого задания?

Я заверил, что это совершенно не входит в мои планы, пусть делает что хочет. А про себя подумал, сколь разные выводы мы сделали из одной и той же радиограммы, посланной нашей дочерью.

После отчета о выполнении задания Настя приписала, что на острове нашлось нечто интересное, требующее дальнейшего изучения, в силу чего она приняла решение продлить свое пребывание там еще на неделю. Мари решила, что Насте захотелось просто отдохнуть на тропическом острове перед долгой дорогой домой. Я же был уверен, что это не так. Если бы дочь хотела отдохнуть, то она сказала бы об этом прямо. И уж точно не стала бы из-за своих капризов задерживать корабль, команду и морских пехотинцев. Кроме того, остров явно представлял собой на редкость неудачное место для отдыха. Поэтому еще вчера на «Херсон» был отправлен кодовый сигнал, означающий, что я жду доклада от Герды.

Он пришел поздним вечером. Содержание его было таково:

По поводу задержки могу сообщить следующее. Решение о ней было принято Настей после беседы с местным шаманом, состоявшейся в процессе подготовки к референдуму о восстановлении независимости острова. Разговор шел в двойном переводе. Рапануйско-испанский перевод делал староста поселка Ханга-Роа, абориген. Испано-русский – я. С моей точки зрения, беседа не содержала ничего, что могло бы послужить причиной для принятия решения о продолжении миссии сверх обусловленного срока. На острове действует культ каких-то птицелюдей, к коим шаман отнес Настю, на основании чего потребовал от островитян оказывать ей почести и относиться к ее словам с максимально возможным вниманием. Думаю, это связано с тем, что Настя во время разведывательного полета иногда опускалась предельно низко и ее могли узнать. Предполагаю, что Настя вынесла из беседы что-то еще, потому как уже успела немного выучить рапануйский. На прямой вопрос она ответила, что точно сказать ничего не может, а только чувствует. Тем самым местом, прямо называть которое ей запрещает мама, говоря, что это неприлично для девушки ее возраста, тем более принцессы.

Ну что же, подумал я, если у дочки прорезалась интуиция, то это надо поощрить. И быстро написал текст радиограммы на «Херсон»:

Ликтору СИБа Найденовой-Романовой А. Г.

Утверждаю Ваше решение. Неофициально подтверждаю, что подобным ощущениям надо доверять. Официально же, в знак признания Ваших заслуг, и как канцлер, и как отец, отныне разрешаю применять упомянутое слово в любой обстановке, как устно, так и письменно, на следующих языках: русском, английском, немецком, французском, датском, испанском и рапануйском. Объяснения с мамой беру на себя. Поздравляю с пятнадцатилетием.

Г. А. Найденов,

государственный канцлер Российской империи.

Внимательный читатель мог заметить, что в список не попал ирландский язык, который Настя знала очень прилично. Все правильно, его я оставил как резерв на будущее. Должно же у девочки оставаться что-то, к чему надо стремиться!

Сразу после дочкиного дня рождения я собирался в очередной отпуск, на Канары, но теперь у меня неожиданно появилась мысль провести его в другом месте. Потому как доклад Герды давал пищу для размышлений.

Да, она из всех объяснений внезапно взлетевшего до небес авторитета Насти среди туземцев выбрала самое простое, посчитав его самым вероятным, – принцип Оккама старший прокуратор знала хорошо. И в большинстве случаев он подходит, но только не для тех людей и того места!

Я, пожалуй, мог бы узнать Настю, пролетевшую надо мной на бреющем полете. Так то я, за долгую жизнь достаточно насмотревшийся как на самолеты всех видов в любых позициях, так и на свою дочь. А чтобы туземцы, впервые в жизни увидевшие самолет, да еще и с ревом пронесшийся прямо над их макушками, смогли настолько хорошо запомнить пилота и потом однозначно описать его шаману? Очень даже вряд ли, потому как до такого разгильдяйства, чтобы летать без шлема и защитных очков, Настя дойти не могла. И не доходила, я уже успел специально поинтересоваться.

А это значит что? Правильно: то, что шаман с затерявшегося посреди Тихого океана острова обладает какой-то уж слишком выходящей за рамки допустимого прозорливостью. Вполне возможно, что Настя услышала от него какое-то косвенное подтверждение своих подозрений, в силу чего мне и не помешает отдохнуть не на Канарах, а чуть ли не на самом отдаленном от них островке. Однако такие телодвижения следовало согласовать с императором. Впрочем, для этого даже не пришлось ехать в Зимний, потому как его величество изволило почтить своим присутствием наш скромный семейный праздник. После которого мы и уединились в моем кабинете.

– Пиво будешь? – традиционно поинтересовался я у Гоши.

– Нет, – столь же традиционно ответил он.

– Тогда самообслуживайся, где здесь чай, а где кофе, ты давно знаешь.

И вот, значит, какие интересные мысли мне уже второй день подряд не дают покоя...

– Хочешь туда лететь? – догадался император. – Согласен, подпишу

приказ об удлинении очередного отпуска, ибо за две недели тебе туда и обратно никак не успеть. Тем более что у тебя с прошлого года остались неиспользованные отгулы, да и с позапрошлого, кажется, тоже.

– Почему же не успею – зря, что ли, я летаю на втором в мире турбовинтовом самолете? До Хабаровска «Аисту-М» лететь десять часов, оттуда до Гавайев – столько же. Там можно будет впихнуть в грузовой отсек дополнительные баки, такая возможность предусмотрена. Тогда керосина хватит до Пасхи и обратно.

– На нем что, есть аэродром, пригодный для посадки межконтинентальных лайнеров?

– Нет, но у меня же двести пятнадцать прыжков с парашютом. Будет двести шестнадцать, только и всего. А там глядишь, и курьерский катамаран подоспеет, на котором я вернусь обратно. Хоть и впритык, но за две недели успеть можно.

– Распрыгался! – возмутился Гоша. – А если ты ноги себе переломаешь, что будет?

– Тогда в следующий раз буду осторожнее.

– Нет уж, ты, пожалуйста, давай в этот. До Гавайев – воздухом, а там как порядочный человек по морю. Так оно будет безопасней, да и внушительней. Неприлично же, если канцлер великой державы свалится на аборигенов сверху, вместе с птичьим дерьмом!

– Ладно, уговорил. От Оаху до Пасхи поплыву на курьерском катамаране.

– Опять тебя куда-то заносит. Там же стоит «Кречет» – прекрасный новейший крейсер. И максимальная скорость у него всего на два узла меньше, чем у твоего курьера.

– Это сколько же он солярки сожжет? – усомнился я. – Причем если идти полным ходом, то на обратный путь ему не хватит, придется гнать танкер.

– Ничего, тебе Маша его рейс из своих личных денег оплатит. Тем более что она все равно посылает танкер к Одуванчику на Питкэрн, а там совсем рядом. А почему ты хочешь на Гавайи лететь через Хабаровск, а не через Тель-Авив? Через него вроде будет немного ближе.

Это император сказал, глянув на висевшую на стене карту.

– Ни фиги не ближе. На карту не смотри, она же в меркаторской проекции. Дома можешь по глобусу ниткой померить и убедиться. К тому же, если я вдруг без предупреждения явлюсь в Израиль, с Немнихером может приключиться инфаркт. Лечи его потом!

– Разве он уже успел еще раз?

– Мы с тобой считаем, что нет, а у него по этому вопросу может быть свое мнение. В общем, вылетать я собираюсь завтра утром.

– Давай заявление на удлиненный отпуск, подпишу. Думаю, трех недель тебе должно хватить.

Время в самолете летит быстро – особенно если сам он летит на восток. Вот только встал, толком не проснувшись, доехал до аэродрома, загрузился в не очень просторный салон «Аиста» – и можно снова спать. Потом проснуться, от души зевнуть, причем лучше не один раз, умыться, выпить чашечку кофе, подумать о чем-нибудь возвышенном – глядь, а лайнер начал снижаться для захода на посадку. Причем в Хабаровске уже скоро наступит утро следующего дня! Правда, дозаправка прошла в темпе, мы взлетели еще в темноте.

Передо мной встал извечный русский вопрос: что делать? Никаких сил спать больше не было. Выпить пива? Но до Оаху еще лететь и лететь, а на борту всего три бутылки. Все правильно, рейс-то планировался на Канары, поэтому и количество оказалось соответствующим. Вздохнув, я достал ноутбук и принялся изучать загруженные туда перед полетом материалы по истории острова Пасхи, потому как ранее интересовался только его географией, ландшафтом и климатом.

На Оаху я прилетел вечером, но уже предыдущего дня, потому как в полете пересек линию перемены дат. Врут злопыхатели, что у канцлера по семь пятниц на неделе! Максимум – по две, как сейчас, да и то не каждый год. В общем, я быстро перебрался на «Кречет», и он тут же отчалил.

Это был крейсер постройки восемнадцатого года, предназначенный в основном для действий в условиях мирного времени. То есть его задачей было не сражение с примерно равным по силе противником в составе эскадры, а гарантированное и произведенное с минимальными расходами уничтожение слабейшего. Или просто наведение на него достаточного страха, пока наглость этого самого «слабейшего» не перешла допустимые пределы. До сих пор в основном так и получалось. Для выполнения этих задач требовалась большая дальность и высокая максимальная скорость, ради достижения которых пришлось пожертвовать броней. Что, впрочем, компенсировалось довольно мощным вооружением, как пушечным, так и ракетным. Кроме того, крейсер имел на борту четыре вертолета.

Сейчас он спешил на юг со скоростью тридцать два узла, то есть почти шестьдесят километров в час, причем мог и быстрее, просто тогда начался бы ускоренный износ машин, а расход топлива вышел бы

за пределы разумного. Ничего, и так неплохо, первые мои самолеты летали как раз с такой скоростью.

Шум и вибрация от тринклеров неплохо ощущались даже в адмиральской каюте, но заснуть мне они не помешали. В конце концов, в узком и щелястом фюзеляже «Кошки» и гремело, и трясло куда сильнее, и ничего, в свое время спал как младенец. А тут мало того что тише, так еще и не дует.

Утром я вышел на палубу. Зрелище, конечно, было впечатляющим. «Кречет» несся, разрезая волны острым носом, и бурун взлетал примерно до моего уровня. Иногда, при встрече с особо крупной волной, брызги вообще поднимались выше мостика, а весь корпус корабля вздрагивал с каким-то утробным гулом. Да уж, при таком волнении курьерский катамаран вряд ли развил бы свои сорок узлов. Его и на тридцати болтало бы, как щепку в водопаде.

Мне не так уж часто доводилось плавать на кораблях, а столь далеко и с такой скоростью – вообще в первый раз. Впрочем, ничего особо интересного я не увидел. Ну океан со всех сторон, так с самолета он смотрится более величественным. Плыдем довольно быстро, со скоростью «Святогора», но уже «Пересвет» мог летать быстрее. Пойти, что ли, позавтракать, тем более что приглашали? До конечной точки маршрута нам плыть еще почти пять суток. И после завтрака можно почитать какую-нибудь книжку, дабы не сдохнуть со скуки. Например, новейшее творение Виктора Калюжного, мужа Герды. Он все-таки решился и написал фэнтезийный роман конкретно для нашего мира, причем, по его словам, произведение не было простым пересказом творений Толкиена. Хотелось бы знать, это к лучшему или наоборот?

«И как, интересно, примерно в этих местах когда-то плавал Магеллан? – подумал я, садясь завтракать в компании старших офицеров крейсера. – Со средней скоростью в десятки раз меньше, чем у нас, да еще и не зная, что за земли ждут его впереди».

Книжка оказалась довольно интересной, хотя, с моей точки зрения, порнографии, особенно межвидовой, там могло быть и поменьше. Или это называется эротикой? В общем, если оттуда убрать девять десятых бессмысленного и беспощадного траха, то книга от этого только выиграет, прикинул я, дойдя до последней страницы. Впрочем, описано ничего так, живенько. Но если не выкидывать похабщину, то название не очень подходит. Пресное оно какое-то. Лучше будет не «Сквозь тьму к свету», а, например, «Выблески тьмы». И кажется, командир говорил, что старший артиллерист неплохо играет в шахматы? Тогда не помешает немного

разветься, а то после этого произведения читать что-то совершенно не тянет.

Когда до финиша оставалось чуть больше суток пути, мне пришла радиограмма. Она состояла из буквенно-цифрового кода, означавшего – отправителем получены столь важные сведения, что он не может принять решение о передаче их по радио, пусть даже и по защищенному каналу. В конце стояли подписи не только Насти, но и Герды. Я быстро набросал ответный текст:

Буду у вас через тридцать часов. До моего прибытия ничего не предпринимать. Найденов.

Потом подумал, прикинул, после чего заменил «тридцать» на «двадцать пять». В конце концов, зря, что ли, крейсер возит вертолеты? Последний отрезок пути прекрасно можно будет преодолеть и по воздуху.

Глава 4

Вертолет сел неподалеку от лагеря пришельцев с «Херсона», подняв тучи красной пыли. Я вылез наружу, и на шее у меня повисла неизвестно откуда выскочившая Настя.

– Пап, как же ты вовремя!

– Дочь, соблюдай приличия, – попытался я воззвать к ее чувству долга, – ты же ликтор, то есть немалый чин, да и я тоже не хрен с горы, все-таки какой-никакой, а государственный канцлер. Ладно бы мы были одни, но тут ведь полно народу.

– Они ничего не видят из-за пыли, – объяснила Настя, – я специально не стала ждать, пока она оседет. Вот, кажется, уже пора.

Дочь приложила руку к пилотке и отрапортовала:

– Шеф, в процессе выполнения задания открылись обстоятельства, о которых я сочла возможным доложить вам только лично. Прошу в палатку, там уже обеспечена соответствующая охрана пятидесятиметрового периметра.

Вскоре я услышал от дочери, из-за чего началась такая буча.

Настю тоже, как и меня, царапнуло, что шаман сразу, только увидев, выделил ее среди прочих пришельцев. Кроме того, ей показалось, что говорил он все-таки не совсем то, что звучало в окончательном переводе Герды. Она собрала всех своих подчиненных, кто хоть как-то знал рапануйский, и повторила беседу. Общими усилиями удалось выяснить, что ее назвали не совсем птичечеловеком, а всего лишь им отмеченной. И еще кем-то, каковых слов не знал ни один из ее специалистов по местному языку, а староста не мог перевести на испанский.

Тогда Настя пригласила шамана в лагерь на берегу Анакены, поставила ему палатку рядом со своей и пять дней подряд беседовала с ним по четыре часа в день. В отличие от меня, дочь обладала хорошими способностями к языкам – тут она, похоже, не только пошла в мать, но и превзошла ее. В общем, скоро дочь более или менее разобралась, кем считает ее шаман.

– Так вот, папа, – просветила она меня, – я у тебя не просто княжна и принцесса, а отмеченная птичечеловеком, это раз. И ходящая между мирами, это два. Причем, как утверждал шаман, это взаимосвязано. Ты, что ли, тот самый человек-птица? А что, все сходится. Отметил меня,

из-за чего я тоже могу худо-бедно, но открывать порталы между мирами. Сам же ты – Гатчинский Коршун, то есть не головоногое и не ракообразное, а именно птица.

Но кодовый сигнал Настя послала не из-за этого, а только получив от шамана еще одно подтверждение его паранормальных способностей. Она спросила, кого он еще может вот так сразу определить, кроме птицелюдей и ходящих между мирами. И получила ответ, что еще можно увидеть родившихся в ином мире. Только они не так сильно выделяются среди прочих, тут придется смотреть очень внимательно.

Естественно, Калюжный был немедленно наряжен в форму морпеха и поставлен меж десяти настоящих, похожих на него телосложением. Шаман его опознал, причем без особых затруднений.

– Если на богом забытом острове посреди океана знают одну из самых охраняемых тайн империи, то это явно выходит за пределы моих полномочий и требует разбирательства на гораздо более высоком уровне, – закончила Настя.

– Ты совершенно права, – подтвердил я. И подумал, что китайцам, похоже, все-таки придется строить научно-технический центр не здесь, а на каком-либо из Маркизских островов.

– Где сейчас шаман?

– В Ханга-Роа, я его отпустила.

– Как думаешь, там не все помрут от страха, если мы прилетим туда на вертолете?

– Наверное, не все, но зачем зря жечь бензин и расходовать моторесурс? Да и не в поселке же с ним беседовать. Достаточно будет пустить сначала одну красную ракету, потом еще две, и его сюда быстро принесут.

– Это как? – не понял я.

– На носилках, ногами вперед. Он же старенький, ему ходить трудно, вот я и подарила ему списанные медицинские носилки. Теперь на большие расстояния его носят четверо самых здоровых аборигенов, а еще четверо бегут рядом, чтобы в случае необходимости сменить уставших.

Настя взяла ракетницу и вышла из палатки.

Шамана принесли часа через полтора. Кстати, он оказался не просто шаманом, а верховным жрецом острова. К его прибытию был накрыт стол, но прямо сразу жрать, в соответствии с титулом, он не стал. Вместо этого старичок, только увидев меня, бодро спрыгнул с носилок, вытянул в мою сторону левую руку, правой же начал бить себя то в грудь, то по макушке.

И быстро что-то залопотал. Я обернулся к Насте.

– Верховный жрец Ока Иу приветствует сошедшего на землю Рапа-Нуи одного из двух первых посвященных, – перевела Настя и с нескрываемым удовлетворением полюбовалась на мою ошарашенную физиономию. – Ему очень лестно видеть того, кто общался с самим человеком-птицей, – продолжала дочь. – Да, он еще говорит, что ты из другого мира, и выражает надежду, что духи предков будут к нему столь милостивы, что когда-нибудь позволят лицезреть второго посвященного, который родом из этого.

Я глянул на носильщиков. Они, сгрузив шамана, сразу отбежали метров на пятьдесят, так что вряд ли могли много услышать. Но все равно надо будет свести к минимуму любые контакты аборигенов с теми европейцами, у которых нет допуска по форме «два ноля». Дочери же было сказано:

– Переведи ему, что мы с пониманием относимся к его надеждам и готовы организовать ему встречу со вторым посвященным. Для этого потребуется всего лишь сначала на крейсере добраться до Гавайев, которые, насколько я успел выяснить, местные почитают как прародину, а потом на «Аисте» долететь до Питера. Обратная дорога – тоже за наш счет и по первому его требованию.

– Ока Иу согласен, – перевела Настя.

– Тогда пусть его покормят и уносят обратно, а ты расскажи мне про референдум, – предложил я в целях отвлечься от всякой паранормальщины, а то ведь на ней мозги могут невзначай и свернуться в трубочку, если превысить допустимую дозу.

– Явка девяносто девять и две десятых процента, – отрапортовала дочь. – За – девяносто восемь и шесть. Голосовавших против не было. Международные наблюдатели никаких нарушений не зафиксировали, что подтверждено их подписями в соответствующем протоколе.

Разумеется, на «Херсоне» присутствовали и они. Первый был от Гавайской Социалистической Республики. Там он занимал должность первого заместителя министра обороны, а в настоящий момент проходил стажировку в нашей морской пехоте, дослужившись уже до ефрейтора. Второй был шведом, потомственным алкоголиком и состоял в каком-то дальнем родстве с Бернадоттами. Этот с момента отплытия с Гавайев безвылазно сидел в своей каюте. И наконец, имелся и более колоритный персонаж – ирландский наблюдатель. Он происходил из какого-то настолько древнего рода, что Мари без возражений подписала указ о возведении его в пажи ее королевского высочества. Она даже намекнула

мне, что это не такой уж плохой кандидат в мужья нашей дочери. Разумеется, не сейчас, а как минимум года через четыре. Я в принципе был не против, но при условии, что за предоставленный ему срок этот рыжий семнадцатилетний оболтус научится хоть чему-нибудь полезному. А то сейчас он умеет только хвостом таскаться за Настей – разумеется, не всегда, а только когда это ему позволяет. И смотреть на нашу дочку широко открытыми и безнадежно влюбленными глазами.

Впрочем, Мари, выслушав мое мнение, заявила, что от принца-консорта ничего более сложного и не требуется. Это она может точно сказать, у нее муж как раз принц-консорт.

– Лучше бы ты смотрел на меня так, как Патрик на Настю, чем весь последний визит хлестать пиво с Кейсментом! Хотя, возможно, именно вследствие этого он потом и подписал мои бумаги не читая.

Я, помнится, тогда честно попытался посмотреть на супругу требуемым взглядом, но, судя по ее реакции, особого успеха не достиг. Наверное, потому, что именно в тот момент вспомнил, какая это дрянь – ирландское пиво. Однако хватит воспоминаний, пожалуй...

– Дочь, из приведенных тобой цифр я делаю вывод, что один человек не участвовал в референдуме, а один воздержался при голосовании.

– Да. Не участвовал губернатор по моей личной просьбе, подкрепленной тремя рублями. Ты же сам говорил, что стопроцентная явка может вызвать ненужные инсинуации. Из этих же соображений один из чилийцев воздержался.

– А почему не абориген?

– Ему пришлось бы сначала долго объяснять, что означает требуемое и как его произвести, а у меня люди и так намаялись с подготовкой. Проще было дать рубль первому же попавшемуся чилийцу. В общем, не волнуйся – голосование действительно было абсолютно честным.

Когда «Кречет» уже появился в пределах видимости, я на катере отправился в Ханга-Роа с целью засвидетельствовать свое почтение местному губернатору. Потому как следовало решить, какими средствами обеспечить молчание его и прочих чилийцев, а то вдруг и они что-то поняли из выступлений шамана?

Разумеется, Герда была в любой момент готова к новому заданию, а обстановка вроде не подразумевала никаких трудностей в процессе его исполнения, но я хотел сначала попробовать разругать ситуацию сам и не столь радикальными методами. В конце концов, наши корабли представляют в этой дыре Россию. И так как присутствие здесь еще и Гоши было бы для местных слишком жирно, то мне предстояло выполнить часть

его работы. В частности, немного побыть милостивым и доброжелательным. Это, говорят, даже не вредит здоровью – ну, разумеется, если подобным не злоупотреблять.

К поселку крейсер и катер подошли практически одновременно. «Кречет» в знак приветствия развернул орудия в сторону берега, а я в сопровождении Герды сошел на пляж и представился губернатору, который теперь никак не мог решить, куда ему коситься. На пушки крейсера, на Герду, которая уже успела подарить ему свою фирменную улыбку, или на мой парадный мундир?

– Ваше превосходительство, – торжественно произнес я, – позвольте выразить вам искреннюю благодарность за теплый прием, оказанный моей дочери.

После чего, не слушая бормотания губернатора о том, что визит столь благородной, высокопоставленной и прекрасной дамы для него великий праздник, всучил ему пятьдесят рублей. Затем продолжил:

– Вас не должно волновать, что в свете результатов недавно прошедшего референдума должность губернатора острова Пасхи упраздняется. Однако совсем оставлять аборигенов без руководства нельзя, и, значит, во главе острова должен встать какой-то монарх. Например, король. Предлагаю вам занять этот пост и как минимум три года не покидать остров, направляя его народ на пути к процветанию.

Про себя же добавил: за это время компетентные люди с запасом успеют разобраться, кто ты таков и чего от тебя можно ждать.

– Ваше высочество, я польщен, – приосанился губернатор, – дозволено ли мне будет спросить, какими правами предполагается наделить короля острова Пасхи.

– Самыми обширными, – честно ответил я. – Вам будет предоставлено право не только ношения короны, но и получения должностного оклада в рублях. Может быть, со временем добавится еще что-нибудь.

Когда бывший губернатор, а отныне его величество услышал размер оклада, все его разочарование мгновенно испарилось.

– Понятно, что у всякого уважающего себя монарха должен быть двор, – продолжил я. – Вот список придворных должностей, предложите занять их своим людям. Не думаю, что возникнут какие-либо трудности, ведь цифры напротив каждого наименования – это оклады. Ну а если кто-то все же не оценит всех положительных моментов предоставленных ему перспектив, обращайтесь к госпоже Калюжной. Она обязательно поможет.

– Ваше высочество, – поднял глаза от списка собеседник, – но ведь должностей тут больше, чем у меня людей!

– Разве здесь кто-то уже отменил совместительство? В России оно разрешено почти без ограничений.

– О да, конечно. Но распространяется ли это правило на королей? Я, например, мог бы взвалить на свои плечи еще и ношу министра двора. Или обер-шталмейстера.

– Почему «или»? – проявил широту души я. – «И» будет смотреться ничуть не хуже. Но, сколь ни приятна мне беседа с таким выдающимся государственным деятелем, как ваше величество Луис Амадо Первый, вынужден откланяться – увы, дела. Желая вам всевозможных успехов на трудном, но почетном королевском поприще.

Ужинали в Настиной палатке вчетвером – мы с дочерью и Герда с мужем. Который выбрал момент и поинтересовался, нашлось ли у меня время ознакомиться с его творением.

– Вполне, – отвечив я, отхлебывая холодное пиво. – Очень неплохо, но почему они там у вас все такие озабоченные? Ладно, когда человек с орчихой, это еще куда ни шло. Когда хоббит с овцой – тоже, она же в конце концов оказалась заколдованной принцессой-дроу. Но вот сцена любви гномихи и огра у меня, скажем прямо, не пошла. А уж эльфа с драконихой – и подавно. Он что, работал с альпинистской страховкой? А то ведь иначе можно просто провалиться, как мне представляется. Финал же взаимоотношений Горлума с кольцом и вовсе совершенно лишний.

Писатель в растерянности оглянулся на Настю – мол, как же можно такое при ребенке? Дочь хихикнула – она знала, что выглядит моложе своих лет, но, естественно, не комплексовала по данному поводу. Да и училась она не где-нибудь, а в спецшколе ДОМа. Правда, не на том факультете, чтобы дело дошло до практики, но теорию обсуждаемых процессов она не так давно сдала на «отлично».

Когда гости ушли, дочь поинтересовалась:

– Пап, а ты не знаешь, с чего это Виктора иногда так заносит? Ведь хороший же писатель, не конъюнктурщик.

– Так ведь Герда постоянно мотается по командировкам, профессия у нее такая, – объяснил я. – А муж, значит, страдает. Изменять такой женщине – это надо иметь очень особый склад характера, вот ему и лезет в голову всякая... всякие... ну, в общем, то, что написано в книге.

– Со стороны Герды это жестоко, – вздохнула Настя. – Можно, я с ней поговорю?

– О чем? Чтобы разрешила мужу гулять налево?

– Пап, ну как же так можно! Еще неизвестно, кого он там найдет, да и вообще это будет разврат. Нет, пусть сама подберет скромную женщину, которая поможет мужу легче переживать тяготы временных разлук.

– Это вне компетенции канцлера, – открестился я от столь экстремистской инициативы. – Решай сама. В крайнем случае можешь посоветоваться с Татьяной Викторовной.

– Скажи, пап, а вы с мамой женились по любви? – сменила тему дочь.

– Разумеется, а как же иначе! Правда, сошлись по расчету – тогда нам обоим требовалась политическая поддержка друг друга. Пожили вместе года два, там и любовь пришла, а за ней свадьба. Куда ж ей деться, любви, если расчет был правильный.

Глава 5

Обратный путь занял неделю, потому как мы особо не торопились. В принципе, конечно, можно было вернуться в Питер через два портала, ибо мы с Настей представляли уже вполне сработавшуюся пару, но зачем? Ладно, на исчезновение шамана, может быть, никто особого внимания и не обратил бы. Однако канцлер с дочерью – это все-таки люди несколько иного уровня. Могли пойти слухи, причем, что огорчительно, и среди лиц, не обладающих соответствующим допуском. Так что мы спокойно погрузились на «Кречет», добрались на нем до Оаху, где пересели на «Аист».

Гоша встречал нас на аэродроме – естественно, неофициально.

– Небось специально добирался так не спеша! – попенял он мне. – А не подумал, что император тут мучается неудовлетворенным любопытством – чего ты там раскопал такого, что нельзя передать по радио?

– Пожалуйста, любуйся. – Я показал на жреца, одетого в подержанную офицерскую шинель старого образца, без знаков различия. Почему-то из всей предложенной ему одежды он выбрал именно ее. Но зато категорически отказался как от обуви, так и от головного убора.

– Это еще что за чучело? – удивился император.

– Это не чучело, как, не разобравшись, изволило выразиться ваше величество, а духовное лицо довольно высокого ранга. Настя, будь добра, позови сюда его преосвященство.

Узрев Гошу, шаман впал во вполне ожидаемый экстаз.

– Господин Иу говорит, что он безмерно счастлив видеть посвященного лично человеком-птицей, родившегося в нашем мире, – затараторила дочь. – Он не смел надеяться, что ему выпадет такое счастье, и теперь может спокойно умереть.

– Может, не надо прямо сейчас? – на всякий случай поинтересовался я. – А то ведь он нам еще не все рассказал, да и сам многого не видел. Того самого иного мира, например.

Что удивительно – шаман, услышав перевод, явно испугался.

– У них, кажется, что иной мир, что тот свет, – вещи неразличимые, – пояснила Настя.

– А, так насчет умереть это он в порядке украшения речи? Тогда его надо накормить и обустроить. Доча, это на тебе. Мне он сегодня больше

не понадобится.

За время пути жрец успел рассказать довольно много.

Итак, когда-то очень давно на его острове жили два народа – короткоухие и длинноухие. Первые работали, вторые руководили. Разумеется, короткоухие считали, что их заставляют работать слишком много, но в целом обстановка была стабильной. Эти народы поклонялись разным божествам.

Главным богом короткоухих считался человек-птица. Легенды гласят, что именно он показал далеким предкам дорогу на остров и помог тут обустроиться на первых порах. А потом, как и положено богу, удалился по каким-то своим делам, понять которые слабый человеческий разум не в силах. Но несколько поколений назад он вторично сошел с небес на остров Рапа-Нуи.

Поначалу этого никто не понял. Просто откуда-то вдруг появился никому не знакомый человек – никто не видел, на чем он приплыл. Потом его появление вызвало неудовольствие среди жрецов длинноухих, но два из них вдруг умерли, причем довольно мучительно, а остальные признали, что чужак может делать все, что ему вздумается. Он поселился неподалеку от Анакены и жил одиноко, привечая, впрочем, короткоухих, которые иногда его посещали. Более того, довольно часто он помогал им – дарил железные орудия мужчинам и яркие ткани женщинам. Некоторые благодарили и уходили, а некоторые, сообразив, что это не совсем обычный человек, а может, и не человек вовсе, поселились неподалеку и стали ему друзьями. Когда они поняли, что он и есть человек-птица, он отобрал из них троих и начал учить их особым обрядам. С тех пор все жрецы острова ведут род от этих троих – в том числе и он, Ока Иу.

Под конец пришелец сказал:

– Люди острова Рапа-Нуи, среди вас оказались те, кто смог воспринять от меня высшие знания. Но, к сожалению, не все. Никто из вас не может быть посвящен. Зато мои ученики смогут увидеть посвященных, а также тех, кто родился не в этом мире. Первым нужно оказывать всяческое почтение, а ко вторым, если они придут одни, без посвященных, следует относиться с опаской. Среди них могут быть очень плохие и страшные люди.

После чего птичеловек покинул остров, причем опять никто не видел, как именно он это сделал.

Вскоре после его исчезновения короткоухие подняли восстание и истребили всех длинноухих. Естественно, что жизнь на острове, и до того

не очень похожая на райскую, стала гораздо хуже. Вплоть до людоедства.

Ясное дело, подумал я. После всякой революции, если ею не руководят старшие и съевшие не одну собаку на подобных делах товарищи, начинается бардак и разруха. Например, желающие могут вспомнить, что всегда происходило в любой африканской стране после освобождения от гнета белых колонизаторов. Причем в большинстве стран оно продолжается до сих пор, хотя времени с момента освобождения прошло более чем достаточно. А вот в Ирландии нашего с Гошей мира национально-освободительная революция как-то обошлась без особо разрушительных излишеств.

Насколько я помнил, Хейердал считал, что упомянутое жрецом восстание произошло между открытием острова Роггевеном в тысяча семьсот двадцать втором году и визитом туда капитана Кука в конце восемнадцатого века. А ведь по словам жреца, этот птичечеловек потом посвятил во что-то и меня, и Гошу! Однако силен пернатый, притом в любом случае. Если он это сделал обычным порядком, то его долголетие вызывает уважение и легкую белую зависть. Если же путем перехода между мирами, то тем более – у нас с Гошей так пока не получалось. Вот только припомнить в своей биографии хоть что-то, что можно было интерпретировать как встречу с птичечеловеком, не говоря уж о посвящении, я не мог.

А вот у Гоши, когда он узнал подробности, это получилось почти сразу.

– Это было в Аббас-Тумане примерно за полгода до того, как мы с тобой познакомились, – рассказал император. – Врачи прописали мне каждый день по сорок минут гулять перед обедом. И во время одной такой прогулки я встретил незнакомца. Если ты помнишь обстановку в поселке, то согласишься, что это довольно редкое событие, тем более зимой. Он как-то странно на меня поглядел и пошел дальше. Я некоторое время размышлял, откуда он тут взялся, потом глянул на свои часы и удивился – оказывается, с начала прогулки прошло сорок пять минут. А казалось, что не больше пяти. Я спрашивал у врача и полицейского, не встречались ли им незнакомцы. Получил совершенно однозначный ответ – не было их в Аббас-Тумане с начала зимы, и все тут. А потом начались сны, в которых я видел твои гонки на мотоциклах.

– Ты его хоть как-то запомнил?

– Не как-то, а довольно неплохо, – пожал плечами Гоша. – Могу даже попробовать нарисовать.

– Нет уж, лучше не надо. Пейзажи ты действительно рисуешь почти

как Малевич, а вот портреты к числу твоих сильных сторон не относятся. Лучше скажи, ты в Зимний сильно торопишься? Вот и замечательно. Я тогда сейчас вызову бригаду специалистов, они в составлении фотороботов спецы не чета нам с тобой.

Гоша проникся и отнесся к составлению фоторобота очень ответственно – так, что одного вечера на это не хватило. Я тем временем тоже пытался вспомнить, не случилось ли со мной перед знакомством с Гошей чего-либо странного. Но никаких пропавших минут вроде не припоминалось.

Ближе к ночи мне вспомнился один эпизод. Это было весной, кое-где в затененных местах еще лежал снег. Я тогда готовил свой мотоцикл к сезону, и вдруг увидел скутер, выехавший из соседнего межгаражного проезда. Он подъехал ко мне, и водитель спросил, где здесь бокс номер такой-то. Я ответил, скутер развернулся и уехал в указанном направлении. Вот и все. Что же мне тогда все-таки показалось странным?

Уже отчаявшись ответить на этот вопрос, я вдруг вспомнил. Звук мотора! Ко мне скутер подъехал, работая на переобогащенной смеси, я в таких делах не ошибаюсь. А уехал на нормальной! При этом водитель не только не слезал со своей табуретки, но даже не глушил движок.

На следующий день ко мне явился Гоша и принес три портрета.

– Здесь – портрет того незнакомца, – выложил он на стол первый лист. – Сходство полнейшее. Здесь – как он мог выглядеть лет за двадцать до того. А здесь – через те же двадцать лет после.

Я внимательно всмотрелся в третий портрет, хотя с первого взгляда узнал в нем того самого скутериста.

– Искать его в нашем мире, пожалуй, поздно, – предположил Гоша. – Все-таки прошло двадцать два года. А в том мире – всего полтора. Правда, я не очень представляю себе, как его можно будет найти даже там.

– Зато твой канцлер очень даже представляет, – заверил я его величество.

И никакого бахвальства в моих словах не было.

Незнакомец приехал на китайском скутере, каких по Москве бегают тысячи. Но тут есть одна маленькая тонкость. Она в том, что одну и ту же модель в Китае выпускает множество заводов. И они хоть совсем немного, но все же отличаются – надо просто знать, где и что смотреть. Так вот, модель была весьма распространенной – копия тайваньской «кобры». А вот завод – нет. Скутерами фирмы «Джалинг» тогда торговали всего два магазина в Москве. Причем этот скутер был совсем новый, две тысячи восьмого модельного года. Таких вообще завезли всего десятка два.

И значит, не представляло особого труда выяснить, кому и когда был продан каждый из них.

Уже собираясь прощаться, Гоша вспомнил:

– Да, у меня появился еще один вопрос. Я правильно понял, что в течение нескольких поколений эти жрецы проводили над своими преемниками какие-то обряды, чтобы те могли видеть посвященных и иномирцев? Если так, то надо попросить твоего гостя, чтобы он провел необходимое над кем-нибудь из наших. Способность видеть пришельца лишней точно не будет.

– Уже спрашивал, он не умеет, – вздохнул я. – Сразу после того, как его в семнадцать лет инициировали, на острове разразилась эпидемия оспы. Все жрецы умерли, не успев передать ему суть обряда. Он – последний, кто может видеть.

– Тогда, может, пусть он остается у нас?

– Я не против, но держать его здесь силком или обманом нельзя – того и гляди помрет. Надо сделать так, чтобы он захотел этого сам. Над данной задачей уже работают.

Когда император покинул Гатчину, я сел обдумывать то, чем завтра предстояло озаботить Танечку. Впрочем, первый шаг понятен – узнать имя того, кто приезжал ко мне в гараж на скутере. Точнее, одно из имен, потому что не важно, как именно этот персонаж оставил у нас с Гошей именно такие воспоминания. То ли он скакал между мирами куда свободнее, чем мы, – ведь попадать в разные времена одного и того же мира у нас не получалось. То ли просто давно жил на свете. Тоже, кстати, вариант. Почему не быть уникаму, по долголетию легко переплюнувшему всех Вечных жидов, вместе взятых? Но и в том, и в другом случае смена имен и документов должна быть для него привычным делом.

Танечка с интересом выслушала рассказ о произошедшем на острове Пасхи, в курортном поселке Аббас-Туман и обычном московском гаражном кооперативе.

– Это внушает оптимизм, шеф, – удовлетворенно кивнула она, когда я закончил. – Потому как вряд ли ваша с его величеством способность открывать порталы стала следствием какой-то случайной мутации. Вы сами уже высказывали гипотезу, что тут отметилась какая-то высшая сила, что лично у меня вызывало уныние. А тут вдруг выясняется, что сила-то она, может, и сильная, но далеко не такая уж высшая. Вон как наследила! И раз уж она допускала проколы, то вряд ли дело ограничилось только этими двумя. В связи с чем у меня будет просьба. Я, конечно, понимаю, что возможность идентифицировать иномирца – вещь полезная. Но пока

мы их и так неплохо отслеживаем чисто бюрократическими методами. Поэтому давайте все-таки вернем шамана на родину. Не сразу, разумеется, а только после того, как он подружится со специально для этого выделенными сотрудниками. Кстати, как мне кажется, Настю не помешает тоже включить в их число. Тем более что по результатам недавно произведенной операции я собираюсь присвоить ей старшего ликтора.

Я кивнул – это Татьяна имела право делать своей властью. Моя утверждающая подпись требовалась только при производстве в прокуратуры и выше.

- Шеф, есть еще один вопрос.
- Слушаю.
- Насколько это все срочно?
- Примерно второй уровень.

Это означало, что данное расследование проводится с той скоростью, с которой это не мешает делам первого и нулевого уровней. Действительно, зачем устраивать дикую спешку? Жили мы с Гошей больше двадцати лет, не зная, отчего это вдруг у нас начали получаться порталы, и еще проживем сколько надо. Хотя, конечно, временами будет грызть любопытство.

– Тогда возьмите последние материалы по Курилам. Ничего катастрофического или даже неожиданного там нет, но в качестве чтения на сон грядущий вполне годится.

С момента, когда было принято решение о создании еще одного Курильского королевства, на сей раз в двадцать первом веке, у нас прошло четыре года. А там – всего полтора месяца. Но дело уже сдвинулось с мертвой точки, несмотря на то что властям Федерации без нас было чем заняться.

Насколько я понимал, у них возникли две взаимосвязанные проблемы. С одной стороны, в ближайшее время потребуется провести рокировку премьера и президента, а для этого нужна близкая к стопроцентной поддержка чиновничества, иначе могут возникнуть трудности. С другой – для обеспечения этой поддержки надо было расширить пределы допустимого воровства, потому как иного пряника власть не имела. Вот тут и вставала следующая проблема: хорошо наворовавшийся чиновник неизбежно задумается – а зачем ему вообще нужен президент? Не какой-то абстрактный, а конкретно этот. В конце концов, в новейшей истории были примеры гораздо более близких к идеалу правителей. Брежнев, например, в последние годы своего правления. Или этот недавно почивший всенародно избранный алкаш, особенно когда он уходил в «государственные дела» на месяц или больше.

Однако, несмотря на эти трудности, власти проявили в курильском вопросе немалую активность. Наверное, после того, как я убедительно доказал Никонову, что утечка сведений о нашем мире произошла именно от них. И поставил в известность о своих грядущих контактах с Китаем. А потом заметил, что Япония нашего мира испытывает к их Японии родственные чувства.

Тут я был абсолютно правдив, как, впрочем, почти всегда. Чувства наличествовали, и довольно сильные. Наверное, примерно такие испытал бы какой-нибудь слесарь с Уралвагонзавода, узнав, что его единственный сын подался в пассивные гомосексуалисты, да еще испытывает от этого огромное удовольствие. Хорошо, если рука папаши потянется только к ремню, но ведь возможен куда более плачевный для непутевого отпрыска вариант.

Так вот, наша Япония испытала настоящий шок, узнав, что здесь их незадачливые двоюродные потомки ухитрились проиграть войну именно тем, у кого она ее с блеском выиграла! А потом эти недостойные и вовсе отказались от признания божественной сущности императора, что вообще не лезло ни в какие ворота. И теперь, по моим сведениям, в руководстве империи Ямато руки тянулись отнюдь не к ремню.

Однако японская тема была только прелюдией к моему главному аргументу, который я выложил на стол перед Никоновым. Это был паспорт гражданина Российской Федерации.

Рожу Петра Сергеевича, открывшего документ, надо было видеть. Я же пояснил:

– Он абсолютно подлинный и выдан вполне официально. Ну а то, что при выдаче не обратили внимания на некоторые небольшие странности типа даты рождения, криминалом не является. В конце концов, нигде не написано, что кандидатом в президенты не может быть человек, родившийся в тысяча восемьсот семьдесят девятом году. Надеюсь, вы не сомневаетесь, что подписи он сможет собрать без всякой нашей помощи? И уж тем более без вашей. Так вот, что бы там ни говорили злопыхатели, моя власть в Российской империи далеко не абсолютна. И я просто не смогу запретить Иосифу Виссарионовичу участвовать в грядущих выборах. Единственный вариант – это если он откажется сам. По секрету могу сказать, что он согласен на какой-нибудь достаточно высокий пост в Курильском королевстве вашего мира, но для этого оно как минимум должно существовать.

– А... а... а Владимир Ильич? – икнул Никонов.

– С ним я пока на эту тему не разговаривал, ибо мне кажется, что его

шансы на убедительную победу будут все-таки меньше. Но все же спасибо за перспективную идею. Наверное, участие в предвыборной кампании столь блистательного публициста и оратора станет отнюдь не лишним.

Ну и перед расставанием я добавил представителю Федерации еще немного пиццы для размышлений:

– Не советую тянуть, потому как господин Джугашвили уже успел вполне легально, с регистрацией снять комнату в Москве. И даже подал заявление о приеме на работу в одно из трамвайных депо.

Глава 6

Пословица «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится» справедлива для всех слоев общества, но наиболее ярко ее, как правило, подтверждают власти. Постоянно живущие в Федерации наверняка могут привести массу примеров того, как какая-нибудь проблема назревала годами, а никто наверху даже и не чесался. Потом ее прорывало, и вот тут-то и начиналась активность. Да и то, как правило, с опозданием на два-три дня. И с соответствующими результатами.

Хотелось бы, конечно, встать в гордую позу и сказать, что уж в нашей-то империи такого не может быть, потому как не может быть никогда... но увы. Хотя большинство читающих эти строки там не были ни разу в жизни, все равно столь бесстыдно врать нехорошо. Не мой это метод, скажем прямо. Поэтому говорю честно: подобное случается и в нашей России. Как, например, вот только что случилось.

Так уж вышло, что авиация у нас начала развиваться раньше автомобильного транспорта и делала это быстрее его. К тому же одним из первых пилотов мира был наследник престола Георгий Александрович, без которого все планы по спасению России накрывались медным тазом. Еще одним – ваш покорный слуга. Он, между прочим, тоже довольно ценная личность – во всяком случае, по моему скромному мнению. Да и племяннице Машеньке, ныне ее величеству Марии Первой, биться было совсем необязательно.

В силу вышеперечисленных причин безопасности полетов всегда уделялось повышенное внимание, я за этим следил лично. А когда надоело, создал специальный НИИ безопасности полетов, который ел свой хлеб далеко не зря. Во всяком случае, аварийность у нас была самая низкая в мире. На втором месте по безопасности полетов по вполне понятным причинам пребывала Черногория. На третьем – Германия, ну и так далее.

Однако с наземным транспортом получилось не столь замечательно. Возможно, начало этому положило первое небесно-дорожное происшествие, когда в тысяча девятисотом году второй в мире самолет столкнулся с первым в России автомобилем. Тогда совершенно явно был виноват летчик, и выводы были сделаны только для авиации.

Прошло совсем немного времени, и автомобилей стало больше. Для них приняли правила движения, потом раза три их корректировали, так что в принципе они, эти самые правила, были не так уж плохи.

Вот только контроль за их исполнением немножко хромал, а наказания за нарушения и вовсе не вызывали у нарушителей никакого душевного трепета. Так уж получилось, что у нас всегда находилось куда направить карающую десницу государства и без нарушителей правил уличного движения. Именно уличного, ограничивать их область применения только дорогами мы не хотели.

Так вот, лично я давно собирался разобраться с положением дел в области соблюдения правил, но все как-то откладывал. Пока резонансное ДТП не показало, что откладывать больше нельзя.

На Невском, прямо на мосту через Фонтанку, лоб в лоб столкнулись Гучков с Пуришкевичем. Оба, естественно, ехали по осевой. Каждый превысил скорость как минимум вдвое. Ни один не был пристегнут, хотя ремни в машинах имелись. Гучков скончался на месте, Пуришкевич – в больнице, несмотря на усилия врачей. Кроме того, обломками автомобилей были задеты трое случайных прохожих, один из которых получил травмы средней тяжести, и поврежден сам мост.

Нет, поймите меня правильно – в принципе ничего против я не имел. Если бы они отъехали от города километров на двадцать, хорошенько разогнались и таранили бы друг друга на совершенно пустой дороге, я бы им только поаплодировал. Даже если бы это действие произошло на мосту – оплатил его ремонт из личных средств. Хотя, конечно, если бы столкнулись Милюков с Родзянкой, было бы еще лучше. А идеал – это классический пример, когда к нерегулируемому перекрестку подъезжают одновременно четыре автомобиля. И – хрясть!

Но посреди города, в двух шагах от царской резиденции, да с разрушениями и чуть ли не жертвами среди мирного населения – это уже перебор. Гоша подумал именно так и даже назначил по данному вопросу какую-то комиссию. Заявив, что это его дело, а не мое, так как все произошло непосредственно под его окнами. Комиссия работала всего два дня, после чего родила какие-то предложения, на обсуждение которых меня и пригласил император.

Без особой спешки направляясь в Зимний, я подозревал сразу две вещи. Первая – что предложения комиссии, рожденные столь ударными темпами, окажутся сильно недоношенными. Вторая – что обед будет диетическим, то есть одновременно и мизерным, и несъедобным, потому как Маша снова решила, будто у нее появились лишние килограммы.

Понятное дело, я был готов к обеим этим неприятностям. Поэтому вез с собой не только свои предварительные выводы по правилам, но и большой пакет бутербродов с бужениной, красной рыбой и котлетами

по-киевски.

Проходя под телекамерой у входа в малый обеденный зал, я потыкал пальцем в пакет. Светодиод на камере мигнул, что означало – дежурный меня понял. Как всегда, Маша слегка, самую малость опаздывала, но мы с Гошей легко прощали ей эту маленькую слабость. Во-первых, королева-императрица – женщина, причем довольно красивая, а во-вторых, у нас же было неотложное занятие – до ее прихода следовало успеть сожрать как можно больше бутербродов. В основном Гоше, я-то сообразил подкрепиться еще в машине.

Светодиод на камере мигнул еще раз. Гоша подал мне недогрызенный бутерброд, я сунул его в пакет и отнес на подоконник, за штору, успев вернуться на свое место за пару секунд до появления Маши.

– Давно пора навести порядок на дорогах, – заявила ее величество, оглядывая стол. Да, посмотреть тут было на что. Жаркое, например, выглядело почти как настоящее, так сразу и не догадаешься, что на самом деле оно из моркови. Впрочем, насчет жиденького супчика, с которого начала племянница, или гречневой каши, сваренной на дистиллированной воде без масла, соли и сахара, что была подсунута императору, особых подозрений не возникало.

Специально для меня на столе стояли три бутылки пива. Впрочем, зная, какова становится племянница во время очередного приступа борьбы за здоровый образ жизни, я не сомневался, что оно безалкогольное.

– А то у нас скоро станет совсем как там, – продолжила свою мысль Маша. – Мне даже стыдно велосипедный спорт пропагандировать. Какие, на фиг, велосипеды в Питере или Москве? Сшибут же к чертям, причем сразу. А они не только экологически чистые, но и очень полезные для общего физического развития. Вот, значит, я и обратила внимание на инициативу одного человека в моем департаменте. Тем более что тут приключилась такая авария, о которой третий день по всем углам болтают. Дядя, почитай, Гоша уже ознакомился.

Творение Машиного ценного кадра начиналось с преамбулы. В которой утверждалось, что в среднем богатые нарушают правила не только чаще бедных, но и значительно наглее, а также с более тяжкими последствиями. У меня, кстати, имелись точно такие же сведения, и суть моего предложения была незамысловатой как мычание.

Сейчас наказания укладывались в цифровой ряд 1, 2, 5, 10, 25, 50 и 100. Это были суммы штрафов в рублях. Я же предполагал просто и незатейливо заменить рубли на проценты годового дохода. Тогда

восторжествует справедливость, то есть богатые начнут платить столь же значительные по их меркам суммы, что и бедные. А то ведь для меня, например, сто рублей – это гораздо меньше, чем «тьфу». Ладно, у меня есть совесть, и я езжу по дорогам общего пользования как человек. А как быть тем, у кого ее нет? Только платить побольше, ничего столь же эффективного тут не придумаешь.

Однако оказалось, что подобные мысли являлись ничем не обоснованным пессимизмом. Машин человек придумал, а спешно собранная императорская комиссия его придумки завизировала.

Суть предложения была в полном отказе от денежной составляющей при обеспечении порядка на дорогах. За незначительные нарушения предлагалось отправлять людей на принудительные лекции. А за серьезные – пороть. По мнению автора проекта, именно так должна была выглядеть социальная справедливость. Потому как зависимость между величиной состояния и толщиной шкуры на заднице если и есть, то она обратная, а не прямая. Впрочем, в исключительных случаях, подкрепленных либо ходатайством общественности, либо медицинской справкой, порку могли заменить принудительными работами, но на весьма приличные сроки.

– Не годится. – Я с сожалением отодвинул бумаги. – При всех положительных сторонах такого подхода в нем есть и определенные минусы. Например, такой – Полозова я пороть не дам и на принудработы тоже не отпущу. А он лихачит так, что у него даже сейчас на штрафы иногда уходит процентов десять всех доходов. Правда, с его опытом и реакцией это безопасно, он так уже двадцать лет ездит, и ни одной аварии.

– Выделить орденосцев в отдельную категорию, к которой будут применяться не телесные наказания или принудительные работы, а твоя процентная шкала штрафов, – предложил император.

– Тогда они все подадутся в водители всяких шишек, – усмехнулась Маша. – Шеф дает водиле пятисотенную и говорит: гони! При его зарплате пятьдесят рублей в месяц это вполне компенсирует возможные штрафы.

– Машенька, а как у нас называется денежное вознаграждение за неисполнение или ненадлежащее исполнение должностных обязанностей? – ласково поинтересовался я у племянницы. – Правильно, взяткой. Думаю, что уже после первой пары огребших червонец с конфискацией желающих как сунуть пятисотенную, так и принять ее станет существенно меньше.

– Может быть, очень даже может, – кивнула королева-императрица. –

Но только у меня есть еще одно дополнение. Для велосипедов должна быть совсем другая шкала наказаний, гораздо мягче. Потому что велосипедист, даже нарушая правила, рискует только собственной жизнью и здоровьем. В отличие, например, от тех козлов, которых нынче так пышно хоронят. Это еще хорошо, что они друг в друга вмазались, а ведь вполне могли и просто в людей! Но все равно там кто-то пострадал и кроме них.

– Зачем брать частный случай? – задумался я. – Проблему надо рассматривать в общем виде. Величина ответственности должна быть в прямой зависимости от вреда, который сможет нанести транспортное средство прочим участникам движения. То есть от произведения массы автомобиля на квадрат его максимальной скорости. И пожалуй, тут не помешает еще один повышающий коэффициент, выражающий степень защищенности. Потому как лихачить на мотоцикле – это дурость, а на бронированном лимузине – подлость. Самому-то почти ничто не угрожает! Нет уж, вот тут я согласен полностью – пороть таких надо безжалостно.

Сказано это было с чувством, потому как именно тогда я попробовал приготовленного для меня пива. М-да, разбавлять безалкогольное – это что-то новое. Но бессмысленное – вкус от добавления воды менее противным не стал.

Гоша наконец-то осилил порцию каши, с вожделием глянул в сторону подоконника и уточнил:

– Может, прямо сейчас заодно и решим вопрос с обязательным страхованием ответственности? А то ведь давно пора.

– Ваше величество, – вздохнул я, – чего это тебя все так и тянет ограбить своих подданных? Мне просто интересно, это последствия трудного детства сказываются или что-то еще? Потому как ОСАГО есть грабёж и ничего более. Как еще назвать принудительное изъятие денег при необязательности полного возмещения ущерба? Вот объясни мне, с какой такой стати лично я вдруг должен платить свои кровные копейки каким-то паразитам-страховщикам. Я же ничего не нарушал, не нарушаю и не собираюсь. А если соберусь когда-нибудь, так у меня своих денег хватит возместить любой ущерб, даже если помну твой лимузин для парадных выездов.

– Если помнешь новый мой, то может и не хватить, – уточнила Маша.

– Так все равно такие деньги никакой страховщик за меня платить не будет. Поэтому я предлагаю – пусть автовладелец в момент прохождения техосмотра подписывает обязательство в случае ДТП по своей вине в трехдневный срок оплатить ущерб в пределах... ну, скажем... десяти

тысяч рублей. Учитывая, что очень неплохой «Руссо-Балт Стандарт» стоит всего три тысячи, а «Престиж» – шесть с половиной, этого более чем достаточно. Если же кто-то решит, что ему впадлу ездить на машине стоимостью меньше миллиона, – да на здоровье! У нас, блин, свобода, что бы там ни клеветали враги. Сам покупай, сам ездь, за свой счет отремонтируй, даже если ты совсем не виноват в том, что тебя стукнули. Ибо не фиг нагло подчеркивать имущественное неравенство, от этого в обществе может вырасти социальная напряженность. Тем более что какую-то денежку такой тип получит – как раз чтобы хватило отремонтировать машину за десять тысяч.

– Не все смогут с чистой совестью подписать обязательство на подобные деньги, – заметила Маша.

– Правильно, вот тут и начинается настоящая свобода выбора. Предположим, у человека нет таких денег, но он уверен в том, что не будет ничего нарушать. И подпишет бумагу. Тогда, если вопреки его уверенности страховой случай все же наступит, ущерб возместит государство. А несостоятельного должника оно законопатит добывать золото или алмазы и не выпустит, пока тот полностью не погасит долг, включая проценты и расходы на собственную транспортировку и охрану.

Однако такая перспектива вдохновит далеко не всех, вот тут-то и нужна возможность обратиться в страховую компанию. Сугубо добровольно, никакая принудилка здесь и рядом не лежала. За какой-то взнос компания возьмет на себя взаимоотношения клиента с государством. Именно с ним, а не с пострадавшими в аварии! Им все равно государство заплатит, только за возмещением своих расходов оно теперь обратится не к клиенту, а к страховой компании.

– А почему ущерб не может возместить непосредственно страховщик? – поинтересовалась ее величество.

– Машенька, – всплеснул руками я, – и четверти века не прошло, а ты уже все забыла! Вспомни, как в седьмом году тебя притер какой-то джип. На твоём «Дерби» только пара царапин, зато комбез в клочья и со шлема всю аэрографию стесало. Так вот, оплатили тебе только царапины на скутере. И это тебе еще повезло – мне, например, в подобной ситуации вообще ни хрена не заплатили. А все потому, что страховая компания – организация коммерческая, то есть в первую очередь пекущаяся о своих доходах. Нет уж, пусть платит государство, а компания, если ее совсем жаба задушит, потом с ним судится, доказывая, что выплаты были избыточными.

– Теперь весь проект придется переписывать, – вздохнул император. –

Может, свалить это дело на Думу?

– Имело бы смысл, если бы мы сами не знали, что писать. А раз знаем, то зачем раньше времени привлекать эту говорильню? Когда понадобится, она утвердит. Если же предоставить ей свободу, то на выходе мы получим как раз то самое, что есть в Федерации, потому как побудительные мотивы что для той Думы, что для нашей одинаковые.

– Вот те раз, – удивился император, – а я-то считал, что у нас Дума все-таки стала малость попримечнее, чем там. Ведь уже шестой созыв! Зря, что ли, ты из первых пяти столько народу пересажал, неужели оставшиеся на свободе так ничему и не научились?

– Разумеется, главное они запомнили крепко-накрепко. Оно состоит в том, что позволить себе спор с императором или канцлером может только кристально чистый думец, от самого момента рождения и по настоящее время даже близко не подходивший к нарушению никакого закона. А в остальном – парламент как парламент, не лучше и не хуже всяких прочих. Когда не задеты лично его шкурные интересы, он может даже иногда принимать решения в интересах народа. С чем, кстати, совсем плохо в Федерации. Тамошняя Дума, может, иногда и хотела бы порадеть о народе, но она просто не знает, как это сделать. Нет у нее механизма обратной связи, есть только механизм лоббирования. То есть она может выражать либо интересы отдельных группировок крупного капитала, либо свои собственные. В отличие от той, наша способна иногда думать и о народе, но это не важно. Потому как средний парламентарий, за очень небольшими исключениями, в случае когда задеваются его личные интересы, сам по себе способен отстаивать только их и ничего больше. Все остальное – исключительно под дулом пистолета. Так вот, вопросы поведения на дорогах вплотную касаются любого думца. И значит, если над каждым из них не будет маячить дамоклов меч Конституционного суда или моего комиссариата, то они примут документ, отражающий интересы лиц с доходами, как у среднего думца, и с общественным положением, как у него. То есть правила станут такими, чтобы именно этим людям было наиболее комфортно ездить, а от остальных потребуются всего лишь им не мешать. В Федерации процесс уже пошел именно в этом направлении. Правда, он не закончен, но это просто потому, что скоро выборы и, значит, надо поосторожнее с непопулярными мерами. А потом можно будет развернуться вовсю. И штрафы поднять до такой величины, чтобы они стали неподъемными для обычного водителя, не допущенного к кормушке. И много чего еще из той же самой оперы. Мне иногда даже бывает любопытно – а что они там еще ухитрятся придумать? Ну а наших мы

пожалеем. Ни к чему им ломать свои неокрепшие мозги на таких этически сложных проблемах. Что дадут, пусть то и утверждают, можно даже и не совсем единогласно. Кстати...

– Тебя что, опять посетила какая-то идея? – с интересом спросил Гоша. – Тогда, может, разнообразить сервировку стола пивом? На сухую выслушивать идеи канцлера иногда бывает затруднительно.

И выжидательно перевел взгляд на супругу.

– Алкоголик, а еще император, – на автомате отреагировала Маша, но потом махнула рукой. – Ладно, гулять так гулять, пусть несут три бутылки. Мне тоже интересно, что придумал дядя Жора.

Дождавшись, пока стол украсится соответствующей посудой, я изрек:

– А вот не учинить ли нам в Госдуме имущественный ценз? Или, точнее, доходный.

– Сам же был против, еще когда мы только-только собирались вводить парламент! – не поняла всей глубины моего озарения Маша.

– Молодой был, глупый, опять же даже у меня иногда случаются приступы инерции мышления, да и обстановка тогда была другая. И вообще, цензы бывают разные. Обычно под этим подразумевается минимальный уровень стоимости имущества и величины доходов, только превысив который человек может избирать или быть избранным.

– Предлагаешь сделать наоборот? – с ходу сообразил его величество.

– Вот именно. Семьдесят процентов населения Российской империи имеют совокупный доход менее двухсот рублей в год. Значит, и семьдесят процентов депутатских мест должны быть зарезервированы для кандидатов, у которых он не выше! Потому как мировоззрение человека от благосостояния зависит уж всяко не меньше, чем от национальности или вероисповедания. Я специально интересовался биографиями олигархов в Федерации, так вот, в своей небогатой молодости почти все были более или менее приличными людьми. Да и вообще, давно подмечено, что сытый голодного не разумеет. Вот, значит, и надо дифференцировать места в Думе по доходам. Примерно как в театре – двести мест для самых бедных. Десятков пять для среднего класса, несколько штук для миллионеров. И одно для миллиардеров, пусть в нашем органе народовластия будут представлены все социальные группы.

– Мне туда нельзя, я же член императорской фамилии, – напомнила Маша. – А других миллиардеров, насколько я помню, в России нет. Да и не тянет меня в этот гадючник.

– Нужно смотреть в будущее. – Я указал пальцем в потолок. – Сейчас нет, а потом появятся. Например, Мося Альперович выйдет на пенсию

и вернется на родину. Пусть тогда избирается на здоровье, я первым за него голосовать побегу.

– Действительно, далеко не каждый миллионер готов самоотверженно отстаивать интересы малоимущих в ущерб своим собственным, – кивнул Гоша. – Зато можно точно сказать, что никакой обладатель умеренных доходов никогда просто так интересы миллионеров блюсти не станет. Не боишься, что твоих нищевродов покупать начнут?

– Наоборот, жду с нетерпением, на Вилюе скоро стартуют работы в новом карьере. У нас же стараниями вашего покорного слуги очень высока гражданская активность народа. Другими словами, наличествует развитая культура доноса. Если покупать начнут сразу всех, то это незаметно не сделаешь, тут мои надзорные службы и сами справятся. А если потихоньку, по одному, то те народные избранники, кого пока еще не купили, все прекрасно увидят и мигом настучат, одариваемый даже и денег толком сосчитать не успеет к моменту, когда за ним придут.

– Хм... дядя, а ты не помнишь, каков у нас в России процент бомжей – на представительство в Думе хватит?

– Машенька, ты гений, мне вот почему-то такая красивая идея в голову не пришла. Их же много не надо, двух-трех вполне хватит для создания должной концентрации ароматов. Разве что можно будет заранее затеять мелкий ремонт в зале заседаний, дабы депутаты сидели поплотнее. Поближе, так сказать, к истокам. Мигом так озаботятся борьбой с бедностью, что нам, вот попомните мои слова, их еще и сдерживать придется.

Глава 7

За прожитые в Российской империи восемь лет Александр Кобзев вроде бы не совершил никакого карьерного роста, в отличие от своего товарища по межмировому переходу Виктора Ивановича Кисина. Этот успел стать деканом, член-корреспондентом Российской Императорской академии наук и даже признанным основателем марксизма-кисинизма, а Саша не рос в должности, по-прежнему оставаясь старшим лаборантом объекта «Заря». Впрочем, рос сам объект. Начать с того, что теперь это уже были «Зори», причем довольно многочисленные. Кроме исходной под Гдовом, теперь в ведении Александра находились: «Заря Востока», расположенная в Бресте; «Горная Заря» – примерно там, где в родном мире Кобзева была Караганда; «Атлантическая Заря» в Забайкалье; «Заря пустыни» на острове Ниичаво, бывшем Ниихау, что в составе Гавайского архипелага, но в Гавайскую Социалистическую Республику не входит.

И наконец, в ближайшее время список «Зорь» должен был пополниться еще одной – «Арктической». Эта будет находиться не в Антарктиде, как можно было решить, исходя из названия, а всего лишь на острове Пасхи.

Именно туда сейчас и шел грузопассажирский пароход «Смоленск», а Саша занимал на нем шикарную трехкомнатную каюту. Если честно, то он предпочел бы куда более скромную, но на современном крейсере, а не предоставленные в его распоряжение хоромы на этом допотопном корыте. С пробегом – или как там оно называется у моряков, проплывом или проходом? – не меньше чем в десяток кругосветок. Ведь уже в Русско-японской войне «Смоленск» активно участвовал, будучи далеко не новым. Да и во время мировой корабль тоже не отсиживался по нейтральным портам. Правда, капитальный ремонт он прошел в Германии и совсем недавно, но все равно у Александра имелись вполне обоснованные подозрения, что почтенный ветеран от такого шторма, который сейчас бушевал в Тихом океане, очень даже может и утонуть. Тем более что капитан даже не пытался развернуть свой корабль носом к волнам, а продолжал курс на остров Пасхи – правда, уменьшив скорость до десяти узлов. И теперь крены «Смоленска» иногда доходили до пятнадцати градусов. Вообще-то маленькая яхточка, на которой старший лаборант часто катался по Чудскому озеру, при хорошем ветре без особых последствий кренилась и до тридцати, но Саша сильно подозревал,

что пароход водоизмещением в двенадцать тысяч тонн – это все-таки не трехтонная яхта. И ему даже пятнадцати градусов может оказаться вполне достаточно. Особенно если сместится груз в трюме, а его там немало.

«Смоленск» вез первую партию машин, материалов и оборудования для постройки на острове Пасхи аэродрома, способного принимать стратегические бомбардировщики или межконтинентальные пассажирские лайнеры, то есть с полуторакилометровой бетонированной полосой. Об этом знали все, в данный момент находящиеся на борту. Имелась и вторая задача, несколько более секретная, хотя и первая не отличалась особой открытостью. Кроме аэродрома на острове должен был появиться объект «Арктическая Заря».

Дело было в том, что, согласно теории Арутюняна, доработанной и расширенной Капицей, точность прицеливания при межмировом забросе от координат места старта не зависела. И практика это подтверждала, но только в тех случаях, когда за пультом сидел не Кобзев. Однако в этом случае точность, во-первых, получалась в среднем несколько выше максимально возможной по теории. А во-вторых, она явно зависела от того, откуда именно происходил заброс.

Френкель уже третий год пытался разработать свою теорию, объясняющую эти факты, но пока продвинулся не очень далеко. Нет, какое-то объяснение, причем уже с математическим аппаратом, у него было. Однако предсказать места повышенной точности оно пока не могло. Кроме того, теория Френкеля отличалась избыточной заумностью – настолько, что ее не мог толком понять даже Арутюнян, не говоря уж о самом авторе.

Места для почти всех «Зорь» выбирал сам Кобзев, руководствуясь исключительно своей интуицией. И только координаты «Арктической Зари» были заданы лично государственным канцлером. На вопрос «почему именно там» Найденов ответил:

– Мне кажется, что пока вам это знать рано. Постройте объект, запустите установку, составьте свое мнение о новом месте. И только потом вскройте пакет, который будет отдельно доставлен на остров, – там объясняются все мои соображения.

Несмотря на опасения старшего лаборанта, «Смоленск» нормально перенес шторм и прибыл к острову Пасхи с опозданием всего в несколько часов, вечером вместо утра по плану. Поэтому высадка была отложена, до темноты все равно не успеть, а бухта Анакена в этот день не очень годилась для ночной стоянки. Ведь никакой защиты кораблю она обеспечить не могла, а ветер дул с северо-востока. Поэтому «Смоленск»

встал на ночь в бухте Вайху на юге острова, где предполагалась разгрузка оборудования для постройки аэродрома.

С утра ветер, не изменив направления, только усилился, поэтому разгружать Сашину аппаратуру тоже пришлось здесь, несмотря на то что место для «Зари» было выделено на восточном склоне горы Теревака, то есть неподалеку от Анакены. Впрочем, по дороге, которую когда-то построили аборигены для транспортировки своих статуй, бульдозер, как было обещано Александру, дотащит трейлер с оборудованием объекта часов за пять-шесть. Поэтому Кобзев решил потратить свободное время на мотоциклетную экскурсию по острову.

Почти ничего неожиданного он не увидел. Все та же красная земля, желтая трава и кое-где чахлые кустики, как на фотографиях, сделанных первой экспедицией. Впрочем, одно отличие нашлось быстро – на берегу около поселка Ханга-Роа стояла одинокая каменная статуя. При том что еще полгода назад все истуканы острова валялись как попало, стоящих не было ни одного, что отмечали все исследователи, начиная с середины девятнадцатого века и заканчивая Анастасией Найденовой.

Вскоре выяснилось, что на побережье рядом с Анакеной стоит еще одна, причем раза в полтора крупнее, а скучающие морские пехотинцы посвятили Александра в тайну восстания статуй.

Оказывается, месяца два назад остров изволил посетить его светлейшее высочество лорд-протектор Курильского королевства собственной персоной. И он решил, что это событие надо как-нибудь увековечить, для чего поинтересовался у туземцев, не смогут ли они поднять и поставить какую-нибудь из валяющихся статуй. Что удивительно, аборигены согласились, потребовав четыре бревна, пятьдесят метров прочной веревки и десять пиастров авансом. Причем, как вскоре выяснилось, аборигены удвоили требуемые количества всего, чтобы потом поторговаться, но Одуванчик, изумленный малостью заказанного, тут же предоставил все просимое. И через одиннадцать дней одинокая статуя, снабженная соответствующей табличкой, гордо стояла на краю поселка.

Узнав про такие дела, возбудились морские пехотинцы, которым уже основательно надоело безделье, хоть и часто прерываемое учениями. И один из них, бывший такелажник из Новороссийска, предложил поставить в Анакене своего истукана, гораздо крупнее, чем воздвигнутый в честь Одуванчика. Сказано – сделано, причем ресурсов потребовалось вполне соизмеримое количество – три бутылки водки, стальной швеллер, сто двадцать метров стального троса и пароход «Херсон» в качестве

буксира. На следующий день после начала работ истукан занял предназначенное для него место. Правда, прибежавшие аборигены сказали, что стоит он неправильно – надо лицом в сторону острова, а не океана, как поставили русские. На что такелажник, дыхнув перегаром, гордо ответил, что так было раньше. Но теперь новая жизнь приходит на остров с севера морским путем. Именно туда и глядит статуя, поэтому не мешайте людям культурно отдыхать после работы, тем более что вам все равно пить нельзя – ослабленные колониальной эксплуатацией организмы не выдержат.

Что интересно, на этом история не кончилась. Неугомонные аборигены заявили, что статуя все равно неполноценная. Мол, раньше у нее была шляпа, которая при падении двести лет назад раскололась на три куска. Два – вон они валяются, а третий укатился в море. А у той, что стоит в Ханга-Роа, никакой шляпы отродясь не было.

Морпехи ответили, что шляпа – это не проблема, и начали возводить на голове статуи какое-то сооружение из досок. Аборигены вякнули было – шляпа должна быть каменной, а не деревянной, но им объяснили, что это всего лишь опалубка, а головной убор будет бетонным. И не какая-то там пляжная шляпа, а нормальный шлем морского пехотинца.

Место, где предстояло установить основную аппаратуру объекта, Александру не очень понравилось – правда, не из деловых, а из чисто эстетических соображений. Оно находилось на южном склоне горы Теревака и отличалось на редкость унылыми даже для острова Пасхи видами. Океан оттуда не просматривался вообще, хотя до него было три километра. Зато валяющиеся статуи – куда ж тут без них! Две неподалеку, и еще четыре совсем старых у подножия горы, эти уже наполовину вросли в землю.

От созерцания подобных сюрреалистических картин Саша начинал чувствовать смутную неприязнь к предкам нынешних робких и зашуганных островитян. Эти предки, словно какие-то злые волшебники, ухитрились превратить все замечательное, чем когда-то был так богат остров, в каменных истуканов. Своими руками и в кратчайшие по историческим меркам сроки трансформировав рай на земле в заповедник мертвых камней.

Вместо каждой гигантской пальмы, которые росли только тут и больше нигде на Земле, – гигантский базальтовый болван. Вместо тутового дерева или малайской дикой яблони – средний болван, где-то в пределах десяти тонн весом. Вместо нелетающих птиц-пастушков, но только размером с хорошего индюка каждая, – совсем маленькие

болванчики из серого туфа.

Саша даже подумал, что неплохо было бы открыть портал где-то на тысячу лет назад, взять за шкирку пару-тройку вождей только что высадившихся в бухте Анакена будущих аборигенов и показать им современный остров. С размаха тыкая носом в каждую встречную статую и приговаривая – берегите природу, мать вашу! Уроды, блин.

Однако аппаратура «Зорь» порталов открывать не могла не только на тысячу лет назад, но и вообще никуда. В ее силах было лишь забрасывать в иные миры объекты массой до тонны. Но это потом, а пока саперы закладывали первый заряд в место будущего котлована под бетонный бункер.

По нормативам на развертывание объекта отводилось две недели, так что на тринадцатый день после высадки Саша произвел пробное включение аппаратуры, отправив в двадцать первый век миниатюрный маяк-передатчик. Запуск прошел штатно, однако у старшего лаборанта сложилось мнение, что с выбором места Найденов все-таки ошибся. Кажется, оно не отличалось никакими особыми свойствами, то есть точность запуска из него если и окажется выше теоретической, то совсем ненамного. Однако это следовало проверить экспериментально, для чего было проведено еще четыре запуска, причем два из них – объектов предельной массы. Снова никаких приятных неожиданностей, и теперь оставался последний эксперимент, после чего объект можно будет сдавать в штатную эксплуатацию, – так называемый выстрел прямой наводкой. То есть в место, аналог которого в здешнем мире находится в пределах прямой видимости от места старта перебрасываемого объекта.

Точка финиша располагалась примерно в полукилометре от Анакены, на берегу совсем небольшой бухточки с каменистыми берегами. Саша сходил туда, а потом посмотрел снимки, где была изображена эта же бухточка, но в двадцать первом веке, куда предстояло отправить маяк-передатчик.

В отличие от Анакены, которую там начали приводить в приличный вид и неплохо в этом преуспели, организовав отличный песчаный пляж и насадив вокруг него пальм, выбранная бухточка-мишень была практически одинаковой в обоих мирах. Разве что в двадцать первом веке там росло не три куста, а три с половиной, и редкая трава была самую малость позеленее.

Перед запуском аппаратуру следовало слегка перестроить, а потом подождать, пока наблюдатель, заранее засланный в двадцать первый век и уже в качестве туриста добравшийся до острова Пасхи, настроит свои

фото– и кинокамеры, а это, учитывая разницу в скорости течения времени, могло занять несколько дней. И кроме того, экспериментами Саши заинтересовалось хоть и не его прямое, но все-таки начальство – куратор проекта освобождения острова от колониальной зависимости, старший ликтор Анастасия Найденова. Она даже попросила разрешения присутствовать при забросе «прямой наводкой».

Решение, кто будет находиться в операторском отсеке в момент включения аппаратуры, пребывало в компетенции старшего лаборанта. И он склонялся к тому, чтобы разрешить дочери канцлера присутствовать, хотя сейчас операторская находилась в одном бункере с самой установкой – так всегда делалось во время первых запусков на новом месте. Находясь рядом, Саша лучше чувствовал работу аппаратуры, хоть и не мог объяснить почему.

И вот наконец настал момент запуска. Саша в последний раз проверил настройки, уточнил по радио, что наблюдатель в двадцать первом веке готов, и за пару минут вывел клистроны на режим. Теперь оставалось только подкорректировать частоту и фазу осцилляций тока, и можно нажимать кнопку...

– Ой! – потрясенно сказала Настя.

Саша с трудом удержался от развернутого нецензурного комментария. Впрочем, кажется, принцесса сделала то же самое и с ничуть не меньшим трудом. Потому как назвать запуск штатным не смог бы и самый закоренелый оптимист. Что-то подобное Александру однажды уже довелось ощутить – восемь с небольшим лет назад, когда кусок лаборатории вдруг перенесся в Забайкалье тысяча девятьсот четырнадцатого года.

Глава 8

Дверь в довольно тесную операторскую имела круглый иллюминатор из закаленного стекла. Перед пуском в нем можно было увидеть склон горы Теревака, незаметно переходящий в желто-коричневую равнину. А теперь там качались какие-то развесистые листья, а за ними иногда мелькало что-то тоже зеленое, но другого оттенка.

Настя, прекратив рассматривать доступный созерцанию кусочек какого-то нового мира (а то, что их куда-то закинуло, сомнений не вызывало), повернулась к Саше.

– Я старше по званию, меня специально учили действовать в экстремальных обстоятельствах, – начала принцесса. Потом глянула на старшего лаборанта и не удержалась: – Кроме того, у меня сейчас физиономия не такая потрясенная. В силу чего принимаю общее командование на себя. Обещаю в вопросах, касающихся техники, внимательно прислушиваться к вашему мнению. Вопросы, возражения есть? Нет? Тогда переходим ко второму пункту повестки дня. Предлагаю перейти на «ты» – сейчас не время для китайских церемоний со всякими высочествами и милостивыми государями. И наконец, что у нас со связью?

– Ничего, – ответил несколько деморализованный напором молодой принцессы Александр. – По всем каналам, в том числе и открытым, полное молчание.

– Значит, нас далеко закинуло, – пробормотала Настя, оглядывая внутренности операторской. – Подальше, чем вас с Кисиним в свое время. И не смотри на меня, как на привидение, – допуск у меня даже немного повыше, чем у тебя. Аварийный комплект где?

Все установки, использующие эффект Арутюняна, всегда снабжались так называемым аварийным комплектом. Потому как если одну из них, самую первую, однажды закинуло очень далеко и во времени, и в пространстве, то не исключено, что и с какой-нибудь последующей случится что-то подобное. Или даже хуже, считал Найденов и потому приказал, чтобы операторские, во-первых, делались герметичными, рассчитанными на попадание не только в океан, но даже в открытый космос. А во-вторых, были снабжены набором всего необходимого – пищи, воды, одежды, инструментов и оружия.

– Ты на нем сидишь, – пояснил Александр Насте.

– Так, неплохо, – заметила та, открывая крышку. – Ну, полярные

тулупы нам тут точно не понадобятся... Сколько градусов снаружи?

– Двадцать шесть. Давление семьсот шестьдесят три, у нас семьсот пятьдесят. Мы что, сейчас пойдем на разведку?

– В какой-то мере. Причем на себя я возьму активную часть, а ты останешься здесь как резерв и чтоб было кому меня спасать в случае чего. Ага, нашлись рации. Возьмем уоки-токи, радиуса в пятнадцать километров для первого раза вполне достаточно.

Настя прикрепила чехол с рацией к поясу своих камуфлированных джинсов и повесила через плечо небольшой пистолет-пулемет Токарева.

– Не волнуйся, первый выход будет совсем коротким.

С этими словами принцесса повернула кран рядом с дверью. Раздалось шипение – это сравнялось давление снаружи и внутри капсулы. Затем девушка, приоткрыв дверь, выскользнула наружу.

Отсутствовала она восемь с половиной минут. Вернувшись же, заявила:

– Поздравляю, точность заброса получилась просто идеальной. Прямотаки метр в метр, куда целились! Ну а что в нужное место попал не только снаряд, но и вся установка с операторской до кучи, это можно рассматривать как мелкий побочный эффект. Мы на острове Пасхи, в Анакене, как раз в том месте, где была размечена точка ожидаемого финиша. То есть в пространстве все сошлось замечательно. А вот со временем допущена небольшая неточность. Тут сейчас не двадцать первый век и даже не двадцатый, а самое большее десятый. Никаких аборигенов сюда еще не приплывало. Блин, какую же, оказывается, красоту уничтожили эти долбо... в общем, долбители камней! Так прямо всех и поубивала бы. Выйди полюбуйся, даю тебе десять минут на первую экскурсию. Только пистолет на всякий случай возьми. Насколько я в курсе, стрелять ты все-таки немного умеешь.

Выйдя из кустарника, в котором теперь оказалась установка с операторской, Александр наконец узнал место. Так и есть, левый край бухты Анакена, где небольшая каменная осыпь. Она тут и сейчас есть, но только с весьма существенным дополнением: здесь в океан впадает ручей, сбегаящий с северного склона Тереваки. Чистый такой ручеек с прозрачной водой – по меркам острова Пасхи, натуральное чудо. Ведь здесь ручьи в виде мутных потоков появляются только во время дождя и исчезают максимум через полчаса после того, как дождь кончится.

Однако ручьем чудеса не ограничились. Как уже говорилось, установка оказалась в кустах или небольших деревцах примерно трехметровой высоты. А чуть дальше от берега начинался смешанный лес,

в котором выделялись огромные даже по российским меркам деревья. Может, они были поменьше, чем гигантские секвойи Калифорнии или эвкалипты Австралии, но все равно поражали. Особенно по контрасту с тем, что росло на этом же месте в будущем. Да и не факт, что это самые высокие деревья на острове! Может, на внутреннем склоне Тереваки они еще больше. Но и эти, конечно, впечатляют, подумал Саша, подходя к ближайшему дереву.

Совершенно явная пальма, только очень большая. Диаметр ствола метра три, не меньше. А высота – как минимум пятьдесят метров. Ствол прямой и, кажется, совсем не сужается в верхней части, где в листьях кроны шумит ветер. Вот случился порыв посильнее, от утолщения в верхней части ствола отделилась какая-то точка и, увеличиваясь в размерах, полетела вниз. Плюх!

Александр с опаской смотрел на плод, шлепнувшийся метрах в трех от него. Ох и ни фиги же себе! Сюда, пожалуй, без каски лучше не соваться, да и в ней придется соблюдать осторожность.

Плод при падении раскололся, и было видно, что он весьма похож на персик. Вот только размером примерно с арбуз. А косточка внутри – с хороший кулак. Но, кажется, бомбы дважды в одну воронку не падают?

Утешая себя этой мыслью, но все равно остро чувствуя отсутствие на голове хоть самого захудалого шлема, старший лаборант метнулся под пальму, схватил ту половинку плода, что была с косточкой, и опрометью кинулся обратно, пока сверху не прилетел очередной подарок. Кобзев когда-то читал, что от падений кокосовых орехов на головы гибнет больше народу, чем от нападений акул, львов и крокодилов, вместе взятых, а эти снаряды, пожалуй, будут посерьезней банальных кокосов.

Тут Александр сообразил, что подобное строение плода подразумевает, что какой-то зверь должен сожрать его целиком, соблазнившись сочной мякотью, и семечка в его желудке совершит путешествие, необходимое для расширения ареала произрастания пальмы. Однако ну и зверюшка вырисовывается! Как минимум это что-то вроде крысы размером с корову. Или птички с габаритами, более приличествующими жирафу.

С трудом удерживаясь от перехода на бег, Саша поспешил к наполовину зарывшейся в землю установке. Нет уж, тут не с пистолетиком, а с гранатометом нужно ходить! Впрочем, его, кажется, в аварийном запасе нет. Но зато ручной пулемет есть, это Саша помнил точно.

– А ничего так абрикосики, – заметила Настя, отрезав небольшой

кусочек от принесенного Сашей плода и попробовав его. – Но помногу их есть нельзя – они, кажется, с градусами. Впрочем, это, наверное, от перезрелости. Если не ждать, пока плоды упадут, а самому слазить за ними наверх, то, наверное, они будут более съедобными. Никаких же огромных зверей в прошлом острова Пасхи не было. Вообще никаких млекопитающих или рептилий, только птицы. Самая большая из них весила килограммов десять и была нелетающей. Подобная птичка, только гораздо меньше, и сейчас встречается в Южной Америке. Но уже редко, потому что она очень вкусная. А у нас тут они вообще непуганые, я уже краем глаза одну видела, но стрелять пока не стала из соображений сохранения тишины. Зачем шуметь на весь остров? Вот только ничего с глушителем в аварийный запас не положили, это серьезная недоработка. Ладно, лук можно неплохо сделать и из свежей, несущеной древесины. Например, кусты, где мы оказались, – это так называемое торомиро. Они еще кое-где сохранились на острове двадцатого века – я лично видела две штуки. В общем, лук из них получится отличным.

Саша с некоторым беспокойством ждал – когда же наконец до девчонки дойдет, что их положение очень серьезное и они, скорее всего, надолго, если не навсегда, застряли на этом острове, будь он хоть трижды райским и населенным соответствующими птицами. Даже если удастся построить корабль, на котором не страшно будет выйти в океан, то куда плыть? Вокруг в лучшем случае девятисотые года от Рождества Христова. Или еще более древние времена. Запускать же установку снова – далеко не факт, что снова получится общий перенос, и уж тем более ничего нельзя сказать о его конечной точке. Окажешься в недрах какой-нибудь звезды, так и вспомнить в последний раз не успеешь, каким прекрасным местом был остров Пасхи. Не случится ли с принцессой истерики, когда она все это как следует прочувствует?

Насте в этом смысле было проще – она точно знала, что ее спутник, в свое время оказавшийся в почти такой же, но еще более тяжелой ситуации, не растерялся и вел себя вполне достойно. Сейчас же все-таки второй раз, а не первый. Запасы полезных для выживания вещей просто несравнимы – тогда, можно считать, Кисин с Кобзевым оказались в ином мире чуть ли не голыми и босыми.

Кроме того, и помимо перечисленного Настя имела основания считать, что поводов особо расстраиваться пока нет. И так как она чувствовала беспокойство Саши на свой счет, то решила его немного успокоить.

– Пожалуй, пора обсудить наши дальнейшие планы, – начала принцесса. – Пункт первый – произвести детальную разведку острова.

Да, он выглядит нетронутым, но это еще не повод считать, что мы на нем одни. Мало ли, вдруг аборигены высадились не в Анакене, а на другом конце острова, где-нибудь в бухте Вайху. И сейчас потихоньку обустройства, точат топоры перед началом вырубки леса. На детальную разведку уйдет никак не меньше трех дней, а если учесть, что ее придется проводить с осторожностью, то кладем неделю.

Честно говоря, это был единственный пункт Настиного плана, который она действительно собиралась выполнить. Все остальные пункты подобным свойством не отличались, о чем принцесса уже начала потихоньку сожалеть, озвучивая их.

– Если окажется, что мы на острове одни, то следует приступить к постройке корабля, способного как минимум добраться до Южной Америки, а вообще-то – и до Европы. Возражения не принимаются, подобная задача уже решалась. В вашем мире жил такой интересный дядечка по имени Эрик де Бишоп. В конце тридцатых годов он застрял где-то на Филиппинах, не имея денег добраться домой, во Францию. Так вот, Эрик нашел еще одного такого же бедолагу, обуреваемого тоской по родине на фоне пустых карманов. Вдвоем они меньше чем за год построили кораблик, на котором потом благополучно добрались до Европы. Причем у них не было таких замечательных инструментов, как у нас. И материалы они искали по помойкам или в лучшем случае тащили плохо лежащие, воровато оглядываясь при этом. А у нас – великолепный, совершенно не тронутый аборигенами остров, весь покрытый разнообразнейшими лесами.

– И куда мы на нашем корабле поплывем?

– Как куда? Разумеется, в Византию. Сейчас у нее должен быть самый расцвет, а социальные лифты в этой стране всегда действовали на удивление эффективно. Знаешь, кто там ухитрялся пробираться в императоры? Навскидку: наемный солдат, конюх, мелкий меняла... в общем, та еще публика. Не вижу никаких причин, почему бы трон не занять настоящей потомственной принцессе, тем более из другого мира.

– А мне чем там заняться? – сдерживая смех, поинтересовался Саша.

– Если к тому времени сумеешь меня очаровать, то возьму в императоры. Не в полноценные, само собой, а в консорты. Ну а если не сумеешь, помогу пробраться в патриархи. Они там не простые, а вселенские, тоже неплохая должность. Глядишь, успеешь поучаствовать в процессе крещения Руси, войдешь в перечень святых. Но это будет еще не скоро, а пока пьем чай с печеньем и приступаем к разведке. Да, еще один вопрос. Я знаю, что контейнеры порталов объектам «Заря» не положены.

Но, может, именно эту, «Арктическую», им укомплектовали?

– Нет, – вздохнул Александр.

Контейнер портала, или в просторечии «капешка», мог бы стать единственной надеждой невольных путешественников во времени на возвращение домой. Это если бы он был, но его не было. Ведь всего их имелось весьма ограниченное количество, и, судя по всему, на «Зори» контейнеров просто не хватило.

Кобзев тряхнул головой – ему показалось, что Настя восприняла ответ с удовлетворением. Неужели ей так надоело в том мире, что она предпочитает пуститься сначала в опасное плавание по океану, а потом и вовсе лезть в змеиное гнездо византийского двора? Да нет, не может такого быть, подумал старший лаборант.

Тут он был прав – такого действительно быть не могло. И, естественно, не было. Но и не прав одновременно, ибо Настя действительно была обрадована отсутствию контейнера перехода. Потому как в случае его наличия портал между мирами мог открыться в любой момент и помимо Настяного желания, а у нее имелись основания считать это не самым оптимальным вариантом.

– С чего начнем разведку, начальник? – решил сменить тему Кобзев.

– С подъема на гору Теревака. В двадцатом веке я туда ходила, это пять с половиной километров по горизонтали и пятьсот метров по вертикали. Времени потребовалось полтора часа туда и час обратно. Здесь может понадобиться больше, все-таки лес, но вряд ли намного, это далеко не джунгли, как на Маркизах. До темноты с запасом успеем и сходить туда, и вернуться. А с вершины горы видно весь остров. Вот и осмотрим его на предмет следов человеческого присутствия. Если они есть и их специально не прячут, то может получиться. Ну а потом – по результатам первичного осмотра.

Лес на склоне горы напоминал Александру тот, что он как-то раз видел на Буковине. Большие деревья с толстенными стволами и здоровенными кронами, практически закрывающими небо. И никакого подлеска! Идти по такому – одно удовольствие. Куда приятней, чем по тем же местам в двадцатом веке, потому что под ногами не камни, а мягкая трава, нет всепроникающей пыли и не палит солнце. А Теревака – это, строго говоря, не гора, а большой холм. На его вершину можно просто дойти, причем без особого труда.

Впереди бодро вышагивала Настя со своим пистолетом-пулеметом и морским биноклем. Небольшой рюкзачок с какими-то веревками и крючьями, захваченный на случай, если для обретения должного обзора

придется лезть на дерево, Саша у нее отобрал, сказав, что для него, в отличие от принцессы, это вообще не вес. Та не возражала.

Кроме Настиного рюкзака Александр нес сухой паек, флягу с водой, хороший фотоаппарат из двадцать первого века и мосинский карабин. Палатку, имевшуюся в аварийном запасе, решили не брать – климат острова Пасхи позволял прекрасно обходиться без нее, даже если в разведке придется задержаться.

По мере приближения к вершине лес менялся. На средних высотах он состоял в основном из гигантских пальм, потом между ними стали появляться средних размеров дерева с плодами, напоминающими ежевику.

– Это здесь такой тутовник, – пояснила Настя. – Ягоды не только вполне съедобные, но и довольно вкусные. Раз уж ты такой длинный, что достаешь до ягод, нарви, пожалуйста, и на мою долю тоже, а то мне за ними придется подпрыгивать.

И наконец, ближе к вершине, пальмы исчезли вовсе. Лес стал совсем редким, и состоял он в основном из деревьев, чем-то напоминающих дубы или буки. Не очень высоких, метров тридцать-сорок самое большее, но с толстенными кряжистыми стволами, в которых при желании можно было выдолбить неплохой дом, и развесистыми кронами диаметром метров по пятьдесят.

– Альфитония унабивидная, – продолжала демонстрировать эрудицию Настя. – Только очень большая, в двадцать первом веке она больше похожа на кустарник. Ее сок – отличное противовоспалительное, болеутоляющее и жаропонижающее. Неплохо помогает при артрите и ревматизме. И мы, собственно говоря, уже на вершине. Хорошо, что лезть придется не на пальму, а на альфитонию. Посторожи внизу, я быстро.

Действительно, уже через полчаса Настя спустилась с дерева.

– Облом, – прокомментировала она. – Недолго у нас получилось робинзонить в одиночестве. На месте поселка Ханга-Роа явно кто-то живет. Виден дымок, и это точно не лесной пожар – не с чего тут ничему загораться, – а костер. Возвращаемся к установке, но сначала мне надо ненадолго отойти. Раз уж тут нет кустов, то вон за то дерево. Провожать меня, ясное дело, не нужно.

Настя зашла за средних размеров альфитонию, но там повела себя не так, как можно было предположить. Она села на землю, привалившись спиной к стволу, вытянула ноги, опустила руки вдоль тела, закрыла глаза и расслабилась.

Глава 9

Вообще-то, если сосредоточиться и поставить себе именно такую цель, я могу как-то чувствовать не только открытия порталов, но и межмировые перебросы по методу Арутюняна. И Гоша тоже может, просто мы не всегда на этом сосредотачиваемся, все-таки император и канцлер – это довольно занятые люди, если кто не в курсе. Однако в ночь с двадцатого на двадцать первое сентября тысяча девятьсот двадцать второго года все бумаги были заранее убраны в сейф, никаких посетителей не было уже с семи вечера, и я сидел, потягивая пиво и прислушиваясь к своим ощущениям, ибо чуял нутром, что запуск с острова Пасхи может оказаться весьма интересным. И ровно в два часа ночи стало понятно, что нутро меня не обмануло. Запуск получился о-го-го какой! По ощущениям, он отличался от обычного примерно так, как на слух выстрел из пневматического пистолета на улице отличается от грохота ПФ в комнате. Я в обалдении покрутил головой. Кажется, мне уже приходилось ощущать нечто подобное – это когда в наш мир прилетел кусок подвала с Кобзевым и Кисиным внутри.

Зазвонил телефон. Кто хочет со мной поговорить, я уже знал. Во-первых, для сообщений с острова Пасхи было еще слишком рано. А во-вторых, на этот аппарат можно было позвонить только из малого императорского кабинета.

– У тебя все, можно ложиться спать? – сварливо поинтересовался Гоша.

Он тоже чувствовал моменты перебросов, и если это было, когда его величество изволили почивать, то на него потом нападала бессонница.

– Да, спокойной ночи, – пожелал я императору. Сам же, положив трубку, откинулся в кресле и прикрыл глаза. Лично для меня, похоже, ничего не только не кончилось, но еще толком и не началось. Так, кажется, если совсем расслабиться, то можно увидеть внутренность операторской объекта, ее узнать нетрудно. А вот и Кобзев, сидит у пульта с обалделым видом.

Затем поле зрения сместилось, и перед моим мысленным взором предстали качающиеся на ветру листья. Потом в просветах между ними мелькнул песчаный пляж и море, резкость картинки скачком увеличилась, и в голове возник прищептывающий бас:

– П-п-ааап, уу-ууу нн-нааасссс с К-коо-обзее-евым-мм ввсссёёё в п-

поорядкеее...

Примерно так выглядела мысленная трансляция из двадцать первого века, когда там был только один порталоткрыватель, а здесь – остальные три. Время у нас в этом случае текло в два раза быстрее, но мы уже привыкли к подобным эффектам. Но то-то и оно, что картина все-таки получалась не совсем такая, как в предыдущих случаях. В частности, там, откуда меня вызывала Настя, время текло хоть и медленнее нашего, но все-таки не в два раза. Примерно где-то в один и восемь, прикинул я. Настя же сообщила, что собирается уточнить обстановку в месте прибытия, на что может потребоваться до четырех часов их времени. Потом попросила меня ничего пока не предпринимать и отключилась.

Вот ведь мерзавка малолетняя, начал было мысленно возмущаться я. Тут за нее родители волнуются, а она, видите ли, желает передавать только проверенную информацию!

Однако быстро сообразил, что дочь в какой-то мере права. Мари пока ничего про нее не знает, а мне действительно как-то не очень беспокойно. Будем надеяться, что Настя правильно оценивает обстановку и им сейчас ничто не угрожает. Но, конечно, весь завтрашний день надо быть наготове, то есть никаких серьезных дел планировать нельзя. Мало ли, вдруг там что-нибудь изменится, и придется, открыв портал, срочно бежать на помощь во главе взвода десантников. Который, кстати, надо вызвать сюда и посадить в полной готовности где-нибудь неподалеку.

Я глянул на часы – с момента происшествия шла уже тридцать пятая минута, а доклада с острова Пасхи все нет и нет. Этому могло быть только одно объяснение – там не могли решить, какими словами объявить мне о бесследной пропаже дочери. Я позвонил на узел связи и велел простейшим шифром передать на остров: *«Приказываю прекратить панику и доложить обстановку по форме три-а»*. Учитывая, что в таком случае и шифровка, и дешифровка потребуют времени, да и само составление доклада тоже, часов пять на сон у меня точно было.

Поспать пять часов мне все-таки не дали, расшифрованный доклад лежал у меня на столе в семь утра. Зевая, я проглотил чашку кофе и прочитал, что, вообще говоря, произошло на острове Пасхи. Так вот, ничего неожиданного и почти ничего интересного в том докладе не обнаружилось. То, что объект «Арктическая Заря» исчез, я уже и так знал. То, что на месте его образовалась зона вакуума радиусом около пяти метров, подозревал, причем почти со стопроцентной уверенностью. Некоторый интерес вызвал тот факт, что исчезновение объекта удалось заснять на видео, причем не только в нормальном свете,

но и в инфракрасном, через тепловизор. Впрочем, эти записи представляли интерес не для меня, а для Арутюняна, Френкеля и Капицы, так что я распорядился доставить их в Питер обычным порядком, без дикой спешки.

Кроме того, исчезновение сферического объема из тела скалы обнажило какое-то доисторическое окаменевшее дерево, которое, по словам тамошнего электрика, на досуге увлекающегося археологией, могло вызвать настоящий ажиотаж среди палеоботаников. Вот это представляло интерес уже и для меня – теперь будет еще одна причина, по которой кто-то вдруг заинтересуется островом Пасхи. А то ведь не всем же ломиться туда поглядеть на статуи! Вот я, например, их уже видел, а доисторическое дерево – еще нет.

После прочтения доклада мне оставалось только сидеть и ждать вестей от Насти, чем я и занялся под вторую чашку кофе. Да уж, теперь можно спокойно отбросить подозрения, что с островом что-то не так, – в том есть уже полная уверенность. Может, еще раз попытаться почитать книжку Хейердала?

Помнится, в молодости «Путешествие на «Кон-Тики» у меня прошло на ура, а находящееся в том же томе «Аку-Аку», как раз про данный остров, я даже не дочитал до конца. Просто потому, что так толком и не понял, что такое это самое двойное аку. Нет, конечно, когда в середине книги Тур с аборигенами начали спорить, у кого больше аку-аку, у меня сразу родилась стройная и непротиворечивая гипотеза, что именно имеется в виду. Но, подумав, я от нее все-таки отказался. Потому как книга была издана еще при Фурцевой, а эта дама ни за что не пропустила бы в печать произведение, в котором фигурируют такие вещи.

За подобными размышлениями время прошло как-то незаметно, и я был даже несколько удивлен – надо же, как скоро! – когда около десяти утра вновь прорезалась Настя.

Теперь она держала контакт заметно дольше, чем в первый раз, мы успели нормально побеседовать. Первым делом я попросил ее озвучить всю имеющуюся информацию относительно места и времени попадания.

– Это остров Пасхи, – заявила дочь. – Как раз то самое место на краю Анакены, куда, только в двадцать первом веке, целился Кобзев. Насколько я смогла измерить, точность получилась практически абсолютная. А время – никак не позже десятого века нашей эры. Никаких аборигенов тут еще себя не проявило. И, по косвенным признакам, не раньше века пятого.

– Твои дальнейшие планы? – поинтересовался я.

Дочь рассказала про дымок на месте поселка Ханга-Роа и планы завтра сходить на разведку.

– Ты не допускаешь, что костер разожгли специально? Чтобы не бегать по всему острову за такими, как вы, а они сами туда заявились.

– Допускаю и план разведки составлю исходя именно из этой предпосылки. Прошу разрешения включить в него и твою помощь в самом крайнем случае, когда мои возможности будут полностью исчерпаны.

– Включай, – согласился я и спросил, сколько времени у них прошло с момента первой связи. Получив ответ, быстро вычислил соотношение – один к один восемьдесят два. Прямо по поговорке – ни два ни полтора!

– Мне это тоже показалось странным, – подтвердила Настя. – И у меня есть два предположения. Первое – это такой особенный мир, в котором все не так, в том числе и соотношение скорости протекания времени. Второе – мир обычный, но в нем есть какой-то свой порталоткрыватель, только не полный, как мы, а половинный. Что он может уметь, я пока не думала. Однако из-за возможности его существования я предлагаю воздержаться от открытия порталов сюда, за исключением крайней необходимости. Сейчас ее, как мне кажется, нет. Возвращаться в наш мир, не проведя даже предварительную разведку в этом, считаю совершенно преждевременным.

Если бы такое предлагала не моя дочь, я бы согласился сразу. Ну а тут пришлось сделать это спустя примерно минуту раздумий. Понятно, что ею движет не только чувство долга, но и желание немного пожить самостоятельно на диком острове аж в другом мире, ну и что? У меня в ее возрасте небось оно было бы не меньше. Да и не в ее, честно говоря, тоже. Единственное, что вызывает опасения, – откуда взялся дым в Ханга-Роа? Так Настя и собирается первым делом прояснить именно этот вопрос. В общем, пусть дочь немного погеройствует вдали от родительского присмотра, решил я.

Потом мы условились о времени следующей связи, и Настя разорвала контакт. Как мне казалось, его поддержание требовало от нее гораздо больше сил, чем от меня. Я, например, мог бы спокойно поболтать еще часок.

После беседы с отцом принцесса пару минут посидела под деревом, потом встала и подошла к уже начинающему беспокоиться Александру.

– Все, возвращаемся к установке, у нас там еще немало дел.

– С тобой все в порядке? – на всякий случай поинтересовался Саша. – А то больно уж ты долго.

– Нормально, – отмахнулась Настя, – а насчет долго... не все уже успели побывать в иных мирах, как ты, и поэтому – я говорю абстрактно и отвлеченно! – некоторых, например, может посетить диарея. От страха

и прочих переживаний.

Спуск с горы, как и следовало ожидать, прошел быстрее подъема, и менее чем через час Настя с Александром уже были перед бронированной дверью объекта «Арктическая Заря».

– Значит, по плану у нас сейчас разбивка лагеря и торжественный ужин в честь беспримерного попадания. Все это будет приблизительно в полукilометре отсюда, за Анакеной, а объект еще придется слегка замаскировать. Впрочем, он переместился удачно, из-под земли почти ничего не выступает, да и кусты тут довольно густые. Вытаскивай из аварийного сундука продукты и палатку, охранная сигнализация на самом дне, она нам пригодится.

– Это еще что такое? – удивился Кобзев, извлекая на свет божий две небольшие картонные баночки.

– Кофе, – оторвалась от изучения инструкции к датчику движения принцесса. – «Бодрость Арабика» и «Бодрость Мокко». Арабика – она в основном из ячменя, желудей там совсем немного, а мокко – наоборот, да еще с цикорием. Рекомендую именно его – он, с мой точки зрения, вкуснее.

– Ну а это я даже боюсь предположить, из чего сделано, – вздохнул Саша, с сомнением рассматривая пачку с надписью «Чай вологодский отборный, высший сорт».

– Не знаю, у нас в семье чай пьет в основном мама, а она консерваторша и никакого, кроме индийского, не признает вовсе. Собрал продукты и посуду? Тогда потащили, нам желательно успеть все приготовить до темноты.

– А почему ты решила, что ночевать лучше в палатке? Здесь, конечно, тесновато, но зато куда безопасней.

– Поэтому мы и будем спать тут. А лагерь с явными следами проживания в нем нужен для привлечения интересующихся, если они вдруг появятся. Вот я и говорю, что надо спешить. Нам же еще разводить большой костер, ужинать, мусорить вокруг лагеря, ставить охранную сигнализацию и возвращаться обратно. И, если плодами наших трудов кто-нибудь заинтересуется, электроника нам об этом сообщит.

Старший лаборант с принцессой вернулись на объект, когда уже начало темнеть.

– Тебе, пожалуй, лучше ложиться здесь, на ящике, – прикинула Настя. – А я помещусь в закутке за вакуумной камерой. Тем более что мне еще не помешает перед сном немного позаниматься шитьем – моя одежда не очень подходит для имеющихся условий.

– Что с ней не так? – удивился Александр, глядя на камуфляжный полувоенный костюм, обтягивающий тоненькую фигурку принцессы.

– Все. Непонятно? Ладно, смотри.

Настя надела зеркальные очки, берет, достала из кучи с оружием и снаряжением широкий ремень со штык-ножом в ножнах, перепоясалась им, потом повесила через плечо пистолет-пулемет, закатала рукава и поинтересовалась:

– Как, похожа я на бедного, несчастного потерявшегося ребенка? Которого любой нормальный взрослый захочет приласкать и защитить от невзгод.

– Не очень, – усмехнулся Саша.

– Да, и мне тоже так кажется. А надо, чтобы было наоборот, причем не только для европейца, но и для полинезийца или там древнего перуанца, если это они приплыли в Ханга-Роа. Вот я и попробую из имеющихся тряпок соорудить нечто более соответствующее потребному внешнему виду.

– Тогда надо еще лицо испачкать и провести по щекам дорожки от слез, – включился в формирование образа Кобзев. – И, если ты будешь в короткой юбочке или шортах, не помешают поцарапанные коленки.

– Согласна, но морду недолго привести в соответствие перед самым выходом, а с коленями ты, пожалуй, прав. Тогда я выйду минут на пять, пока вокруг еще совсем не стемнело.

В свой следующий выход на связь, почти через сутки по нашему времени, Настя сообщила, что они с Кобзевым отправляются на разведку к месту, где вчера был обнаружен дым. И значит, новый сеанс связи будет сразу после получения хоть какой-нибудь информации, но, когда это произойдет, дочь, естественно, сказать не могла и просила меня по возможности несколько часов не отвлекаться ни на что важное, чтоб, значит, всегда быть готовым и поддержать связь, и открыть портал в случае чего. Если, конечно, добавила дочь в конце, это позволит международная и внутренняя обстановка. Я в ответ заметил, что, мол, пусть они только попробуют не позволить, и на этом наш разговор закончился. И тут же, чуть ли не секунда в секунду, сработал закон подлости, то есть позвонил директор информбюро Бешкеревич и начал набиваться на прием. Причем на прямой вопрос – насколько срочно его дело – он ответил, что оно, по его мнению, ждать более полусуток не может. Решив, что уж этого-то посетителя можно будет в случае необходимости просто мгновенно выкинуть из кабинета, ничего ему не объясняя, я назначил директору

на одиннадцать утра.

Мой личный опыт давно привел меня к убеждению, что у чиновников, при всех их индивидуальных различиях, есть и общие черты, обусловленные спецификой их нелегкой профессии. Даже у меня что-то эдакое иногда нет-нет да и промелькнет! Эти черты – желание почаще что-нибудь запрещать, пусть даже по мелочи. Это раз. Плюс стремление переложить на кого-нибудь ответственность за свои действия, это два. Так вот, Константина Аркадьевича привели ко мне оба этих желания сразу. Ему вдруг очень захотелось закрыть к хренам свинячьим одну желтую газетенку, но ответственность за это не совсем безупречное с точки зрения общественного мнения деяние он хотел свалить на меня.

– Дорогой Костя, продолжительный мир на вас вредно действует, – ласково заметил я собеседнику. – Я ведь еще отлично помню, как вы работали во время японской войны. Да и в черногорской, несмотря на ее краткость, тоже неплохо отметились. Даже во время мировой и то было чем гордиться! Несмотря на один прокол – впрочем, вовремя исправленный. Какой вы демонстрировали полет мысли! Горный орел обзавидуется. А сейчас? Нет, какой-то полет, наверное, все-таки есть. Но совсем низенький, как у крокодила. Я, конечно, понимаю ваше желание прикрыть этот гнусный листок. Но зачем действовать так грубо? Ведь наша страна уверенно движется по пути, извините за неприличное слово, демократизации общественной жизни. А вы – закрыть. Мы с вами кто – какие-нибудь держиморды, чтобы так грубо душили свободу слова? Нет уж, сами пусть закрываются по доброй воле, а потом публично благодарят, что так дешево отделались. Вот о чем вам надо было подумать перед визитом сюда! Ну а теперь, значит, давайте попробуем решить эту проблему вместе.

Суть была в том, что эта газета вчера запустила не очень, мягко говоря, корректный опрос – стоило ли во время прошедшей войны идти на такие жертвы, в том числе и среди мирного населения, обороняя Брест? И не лучше ли было бы при приближении первого же вражеского солдата просто сдать его, и дело с концом?

Разумеется, это была стандартная грязная технология, когда внутри вроде бы правильного вопроса содержится утверждение как минимум не бесспорное. А иногда и заведомо лживое. Далекое не факт, что в сданном без боя Бресте потери среди мирных жителей были бы меньше. Достаточно вспомнить, какими они были в Варшаве, которую никто толком не оборонял. Но только почему главред и его присные решили, что подобными технологиями умеют пользоваться только они? У меня,

например, в случае нужды это получалось ничуть не хуже. Вспомнить, что ли, прошедшие дни?

– Костя, напомните мне, кто сказал: «Какой мерой мерите, такую и вам будут мерить»?

– Иисус Христос, а записал его слова евангелист Матфей.

– Ну вот, и кто мы такие, чтобы спорить со столь уважаемыми людьми? Значит, не позднее завтрашнего утра в паре наших газет запускаете примерно такой опрос. Мол, как по-вашему, дорогие сограждане, как следует бить руководство и сотрудников запутавшегося в провокациях грязного антироссийского листка – просто руками или сначала ногами, а потом с применением нашедшихся на месте воздаяния тяжелых предметов самого разного назначения? И параллельно с этим – в каком-нибудь академическом журнале небольшую аналитическую статью, посвященную подобным журналистским технологиям. Согласны? Тогда подождите минутку, вам надо кое-что послушать, потом пойдете готовить материалы. А я, пожалуй, звякну кому следует, чтоб проследили за изъявлением народного гнева. Мало ли, кто-нибудь может додуматься и до использования первого же попавшего фонаря, а это для первого раза будет, пожалуй, перебором.

Однако Алафузов, с которым я поделился возникшими у меня опасениями, уточнил:

– Да, но для редактора и его первого зама это не первый раз. И даже не второй. Кампанию вокруг Путилова помните? Так вот, эта парочка отметилась еще там, и тогда же их в первый раз предупредили.

– Блин, и как же в таких условиях можно сохранить веру в человечество? Тогда, конечно, неуместный идеализм нужно отбросить. Пошлите кого-нибудь на третий оперативный склад, я распоряжусь, чтобы им выдали пару ящичков фишмановки. И в столовой дворца возьмите какой-нибудь закуски – икры там черной и красной по бочонку, ананасов, рябчиков, еще чего-нибудь. Пусть, значит, когда неустановленные личности будут вершить свое черное деяние, весь райотдел полиции, на чьей территории приключится столь прискорбное событие, уйдет в запой. Мы их, конечно, потом примерно накажем – напомните мне, чтобы я не забыл выделить нужное количество бесплатных путевок на Канары.

Положив трубку, я обернулся к Бешкеревичу.

– Разумеется, вы поняли, что я велел подготовить вовсе не операцию прикрытия. Если бы нужно было представить дело так, что мои службы здесь вовсе ни при чем, то так оно и было бы реализовано. Наоборот, это операция по привлечению дополнительного внимания к инциденту.

И вот как я представляю себе ее развитие.

Сидят, значит, полицейские за столом под белоснежной скатертью, культурно дегустируют водочку ценой в месячный оклад офицера за бутылку, закусывают икрой, балычком и прочими излишествами, и тут в отделение забегают какой-нибудь господин и начинает орать «убивают!!!».

Замначальника – потому как реакция самого начальника это будет слишком жирно – не торопясь отставляет рюмку, промокивает губы салфеткой и интересуется:

– Где?

Получив ответ, он впадает в задумчивость, а потом спрашивает:

– За что это они его этак, вы не знаете? И кстати, выпить не желаете? Это же фишмановка «экстра», ее, почитай, в свободной продаже и вовсе не бывает. Под крылышки рябчика идет просто замечательно.

И так далее. Так вот, от вас требуется, чтобы этот господин смог потом с должным возмущением описать все увиденное. Разумеется, он не должен состоять у вас в штате – совсем наоборот. То есть надо будет создать условия, чтобы в нужное время он оказался в нужном месте. Сможете? Как это «зачем»? Да затем, чтобы в будущем подобные дела развивались уже по другому сценарию. Даже если какие-то недоумки случайно и учудят что-то хоть отдаленно похожее, то вы и руку до телефонной трубки донести не успеете, как они уже прибегут к вам извиняться.

Глава 10

Принцесса Анастасия, хоть и закончила четырехгодичный курс обучения в Георгиевской спецшколе ДОМа, полноценным полевым агентом так и не стала. Слишком уж широкий круг предметов ей пришлось изучить, и, как водится, избыток ширины привел к недостатку глубины. Впрочем, так и было задумано, учитывая характер могущих возникнуть перед принцессой задач. Но сейчас это привело к тому, что девушка занималась тем, чего никогда не позволил бы себе нормальный полевой агент, пусть даже и с минимальным опытом. Она болтала в разведывательном рейде, каковой образ действий допустим лишь в исключительном случае, когда необходимо поддержать боевой дух напарника. И абсолютно не важно, что до места расположения предполагаемого противника оставалось еще восемь километров. А если он не совсем идиот и тоже озабочен получением дополнительной информации? Но, не принимая в расчет подобную возможность, Настя делилась с Александром возникшими у нее мыслями.

– Если вдуматься, то остров Пасхи представляет достаточно корректную модель развития человечества в целом. Смотри сам. Измученные долгим океанским путешествием, голодные, а может, и вовсе умирающие путешественники высадились на берег чудесного острова. И оказались буквально в раю. Тут было все, что необходимо для счастливой и безбедной жизни. Температурный режим – как будто специально подогнанный под человеческие потребности. Самая высокая температура, которую удалось зафиксировать за двести лет наблюдений, – двадцать девять градусов. Самая низкая – тринадцать. В лесах как минимум два десятка растений со съедобными плодами. В море, кроме изобилия рыбы, еще и прорва морских ежей, мясо которых очень питательно, и икра помогает от всех болезней, включая рак и импотенцию. Для охоты не нужен даже лук – ту птицу, что мы ели вчера вечером, я подбила камнем с первой попытки. В общем, можно жить, почти не зная забот. Но именно что «почти». Пока население невелико, где-то в пределах ста человек, беспокоиться вообще вроде бы не о чем. Но если заранее не принять мер, то у тысячи уже могут возникнуть трудности. Они станут очень серьезными у пяти тысяч человек, а потом придется пройти точку невозврата: напрячь все силы, задействовать все, что еще осталось от природных ресурсов, и открыть путь для продолжения экспансии.

На архипелаг Хуан-Фернандес, например, или вовсе на побережье Чили, хоть там уже и были свои аборигены. Или принять жесткие меры по ограничению рождаемости вкупе с драконовскими установлениями по охране окружающей среды, обязательными для всех одинаково, от последнего бедняка и до самого верховного вождя. Такой сценарий был реализован на острове Чатем и показал свою относительную жизнеспособность. Если бы туда не приплыли европейцы, то аборигены Чатема существовали бы до сих пор. Или, наконец, вести себя так, как туземцы острова Пасхи и жители планеты Земля. Мол – ерунда, всего еще много, хватит не только на наш век, но и детям останется! Какая еще тут может быть охрана лесов, когда место под очередную загородную резиденцию нужно столь уважаемым людям? И как можно сокращать потребление нефти, хотя оно наносит непоправимый вред источнику всего живого – Мировому океану? Причем, что интересно, для поддержания среднего уровня жизни, достигнутого аборигенами Пасхи или всем человечеством в общем случае, губить природу совсем необязательно. Это требуется для поддержания гораздо более высокого уровня абсолютного меньшинства. Которому нужны не только ресурсы в непредставимых для среднестатистического человека количествах, но и удовлетворение своих, если так можно выразиться, духовных потребностей. Типа кошмарных каменных истуканов острова, на которых мы уже успели насмотреться в двадцатом веке. Или кучи затратнейших проектов, нужных в лучшем случае для повышения престижа, а чаще только кажущихся такими, а на самом деле являющихся прикрытием для банального воровства. Аборигены Пасхи уже прошли свой путь. Если бы не европейцы, остров к двадцать первому веку скорее всего был бы необитаем. Человечество в вашем мире тоже миновало точку невозврата. В нашем – еще нет. Перед ним открыты все три дороги: оставить все как есть и в течение нескольких поколений уничтожить свою среду обитания; принять жесткие меры по сокращению потребления и ограничению рождаемости; или, наконец, направить все имеющиеся ресурсы на обеспечение космической экспансии, пока еще не поздно. Перед этим, разумеется, следует как-то нейтрализовать тех, кто считает, что если программа освоения космоса мешает появлению у него второго холодильника, третьей машины в семье и джакузи вместо сидячей ванны, то ну его в зад, этот космос, и без него проживем. Мой отец – убежденный сторонник третьего пути. Только, пожалуй, для его непреклонной реализации он слишком мягкий человек. Ничего не поделаешь – старое воспитание.

Кобзев слушал принцессу и тихо офигевал. Разумеется, враги обвиняли канцлера во всех грехах – как смертных, так и не очень. Друзья тоже иногда признавали за ним некоторые недостатки – например, император искренне считал, что его старый соратник совершенно зря использует в процессе руководства ненормативную лексику, тем более такого качества и в таких количествах. И по мере сил с этим боролся. Но до того, чтобы обвинить Георгия Андреевича в недостатке решительности или излишнем гуманизме, не доходил еще никто. Кроме, оказывается, родной дочери! А ведь она, когда вырастет, станет отнюдь не последним человеком из тех, что вершат мировую политику. Остается только надеяться, что это у нее юношеский максимализм, который проходит с возрастом. Но все же – кого это, интересно, недогеноцидил канцлер, что дочь на него так взъелась?

Впрочем, когда расстояние было пройдено наполовину, Настя прекратила разговоры. Теперь она скрытно и почти бесшумно двигалась впереди, а Кобзев, не прячась, шумно топал, отстав от девушки метров на семьдесят. Лишние сущности в легенду решили не вводить – Насте предстояло изображать принцессу, дочь русского великого князя. А Саше – ее охранника, который как раз в этот момент ищет сбежавшую куда-то вперед охраняемую. Якобы принцесса изучала статуи в местах их рождения и обитания, а тут вдруг раз – и их перенесло незнамо куда.

За километр до места, где вчера был обнаружен дым, разведчики свернули в сторону берега, где местность поднималась и с вершины небольшого утеса можно было неплохо рассмотреть, что же такое там дымилось прошлым вечером. Впрочем, еще до подъема стало видно, что оно дымит и сейчас.

После получаса наблюдений Настя протянула бинокль Александру.

– На, сам посмотри. По-моему, объект один. Судя по одежде и тому, что он один раз доставал из кармана что-то очень похожее на мобильник, парень из двадцать первого века. Обрати внимание на то, как разведен костер. А несуразная куча веток рядом – это не запас топлива, а результат его попыток построить шалаш. Зато удочка у него классная, у меня и то заметно хуже. Похоже, он, ничего плохого не подозревая, ловил рыбу, когда его перенесло. Фигура тощая и без малейших признаков тренированности, здесь в случае чего особых трудностей не предвидится. Оружия нет.

– Если глянуть на тебя, то можно подумать то же самое и про фигуру, и про оружие, – хмыкнул Александр. – Причем и то и другое будет ошибкой.

– Ну, если на самом деле он окажется хорошо замаскированным Рембой, придется действовать по обстановке, – пожалала плечами девушка. – Ладно, выдвигаемся. Оснований менять планы не видно. Значит, ты выходишь из зарослей не скрываясь и, поздоровавшись, спрашиваешь для начала по-русски, не пробежала ли тут принцесса. Не поймет – то же самое по-английски.

– По-немецки я тоже смогу, – счел нужным добавить Кобзев.

– И понять ответ тоже?

– Э-э-э... во всяком случае, постараюсь.

– Вот именно. В общем, я появлюсь максимум через пять минут после начала попыток установления контакта.

Увидев выходящего из леса Кобзева, объект поначалу явно испугался. Еще бы – к его костру ломился загорелый мускулистый детина ростом под метр девяносто. В пустынном камуфляже, с автоматом и мачете. Впрочем, сразу после вопроса парень немного успокоился.

– Здесь мелкая такая девчонка не пробежала? – осведомился Александр, в знак своих мирных намерений опуская автомат стволом вниз.

– Ньет, я йего не видель, – растерянно ответствовала жертва переноса. – Ви из Россия? Я из Франция.

– Ду ю спик инглиш? – спросил Кобзев, знавший французский еще хуже немецкого. Впрочем, без особой тревоги, ибо Настя могла говорить на языке Бальзака лучше многих парижанок.

– Йес, ай ду, – облегченно отозвался парень, после чего представился: – Жан Мишель Дюваль, студент Юниверсите де Пари. Прибыл на остров для изучения ронго-ронго, а тут вдруг... может, вы скажете, что это за место и как я здесь очутился?

– Как-как, – раздался за спиной студента звонкий голос.

Обернувшись, он увидел девчонку – скорее всего, ту самую, про которую спрашивал верзила.

– Как-как, – повторила она. – Разумеется, в результате пространственно-временного пробоя! Вам просто повезло оказаться в том месте и в то время, когда он произошел. Кстати, из какого времени вас сюда закинуло? И из какого места, если не секрет. Хотя, судя по тому, что именно вы изучали до переноса, место называлось остров Пасхи.

– Уи, – подтвердил совершенно растерявшийся француз, причем на своем родном языке, хотя девушка обратилась к нему по-английски. – А время – одиннадцатое февраля две тысячи шестнадцатого года, утро.

– Ого. – Настю явно удивила дата. – Ну а мы из начала двадцатого

века, и тоже с той же самой Пасхи. Я – принцесса Анастасия Найденова-Романова, изучала здесь способы установки моаи на аху и снятия их оттуда. Мой спутник, сержант морской пехоты Александр Кобзев. Давайте перейдем на английский, ибо неприлично разговаривать на языке, который знают не все присутствующие.

– Вы так спокойно говорите о путешествиях сквозь время, как будто для вас это обыденное явление!

– Не то что совсем обыденное, но и не вовсе не представимое. Это вроде как... ну, скажем, явления ангелов. Ни одного должным образом документально зафиксированного случая нет, но масса народу знает, как они выглядят, чем занимаются и так далее. Вот и с этим похоже. В вашем мире есть книга «Янки при дворе короля Артура»?

– Да...

– Ну и чему же тогда удивляться? Тем более что она была первой, а после нее появилось еще множество подобных.

– Я всегда считал, что такие произведения – чистый плод фантазии авторов.

– Вы им льстите. Откуда у них столько фантазии? Половина не способна придумать даже нормальное имя для героя, не говоря уж о названии книги. Друг у друга воруют. Куда уж им сочинить целый мир! Тем более что с одним таким писателем я знакома лично. Он утверждает, что прибыл к нам из двадцать первого века, но из немного более раннего дня, нежели вы. И знаете, я с самого начала не видела оснований ему не верить. Ведь если он врет, то откуда у него ноутбук? В начале двадцатого века их еще не производят. Кроме того, хоть конкретно у него и довольно богатая фантазия, мне кажется, что такую мерзость, как Интернет, на пустом месте не придумаешь. Должен быть реальный прототип.

– Но почему Интернет – мерзость?

– Вот вам пример, который я видела своими глазами. Что может представить себе нормальный человек при слове «библиотека»? Мне сразу приходит в голову аналогия типа «сокровищница знаний». Место, где сосредоточена вековая мудрость человечества, лучшие произведения словесности. Туда приходят за книгами умные, начитанные, вежливые и культурные люди. Но стоит только добавить слово «сетевая», как картина радикально меняется. В ноутбуке писателя были скопированы несколько страниц обсуждений книг... если это не кошмар, то что тогда можно назвать данным словом?

Такое впечатление, что люди... или, точнее, бабуины, комментирующие там книги, разбились на два примерно равных

по численности лагеря. В первом выясняется, кто знает больше самых грязных ругательств и умеет их применять наиболее бессвязно и не к месту. Вы не поверите – я даже пару раз краснела, читая те перлы! Во втором лагере, если сравнить с первым, собрались светочи культуры. Они почти не матерятся – максимум через пять слов на шестое, а в исключительных случаях даже реже. Там, похоже, оспаривают почетное звание самой безграмотной скотины в мире. Я, честно говоря, раньше не подозревала, что люди, выросшие в России и как-то закончившие там начальную школу, могут настолько не знать элементарных правил грамматики и пунктуации. Хотя некоторые, кажется, так пишут специально. Возможно, они находят в этом какой-то шик. И чего же здесь хорошего?

– Э... Интернет обеспечивает свободу получения и распространения информации, что является важнейшим условием для функционирования свободного общества.

– По-моему, вы ошибаетесь. Возможности получения самой важной информации он не дает. Нельзя в нем в один клик узнать настоящее имя, отчество и адрес любого выступающего. И в два нельзя, и даже в три. А без этого все остальное становится в лучшем случае бессмысленным, а чаще – просто вредным. И ведь, главное, зачем честному человеку скрываться? Я, например, всегда готова сказать всем, кто заинтересуется, – как меня зовут, где живу и кто мои родители. Но вас, кажется, сейчас все-таки интересуется какая-то более приземленная вещь, нежели мое мнение по поводу Интернета?

– Если позволите, то да. Раз уж вы знаете больше меня про эти... кажется, пространственно-временные пробои, то не можете ли сказать, каковы наши шансы на возвращение?

– Судя по рассказам и книгам, в свой мир возвращается примерно четверть попаданцев, так что у нас, я считаю, неплохие перспективы. Тем более, если не делать разницы, в какой мир вернуться, то они удваиваются. А что? Я бы не отказалась побывать в две тысячи шестнадцатом году. Да и вам у нас будет не скучно. Познакомьтесь с моим папой, с другими интересными людьми...

Внимательно слушавший вдохновенный треп принцессы Кобзев хмыкнул. Почему-то он был уверен, что девушка имела в виду господ Ли.

– В связи с чем у меня есть предложение, – продолжала Настя. – Раз уж мы оказались товарищами по несчастью, то нам нужно держаться вместе. Не возражаете? Отлично, тогда осталось уточнить детали. Нам переселяться сюда или вам – в наш лагерь? Мне кажется, второй вариант предпочтительней, здесь не самое лучшее место.

Чтобы собраться, французу хватило пяти минут, и вскоре троица зашагала в сторону бухты Анакена. Всю дорогу принцесса продолжала болтовню, причем так, что даже Александр кое-что узнал об их спутнике. Настя, надо думать, получила гораздо больше сведений.

Переход сильно утомил паренька из двадцать первого века – с трудом дойдя до палатки, он вяло пожевал предложенные ему сухари, с видимым усилием удерживаясь от того, чтобы не заснуть. Как выяснилось, предыдущую ночь он провел без сна, опасаясь нападения диких зверей.

– Разумеется, ложитесь, мы понимаем ваше состояние, – кивнула принцесса. – В палатке. Вам, надеюсь, не мешает общество Саши? А для меня мы сейчас построим шалашик рядом, это нетрудно. И не волнуйтесь, никаких диких зверей тут нет. Есть птицы, но они не кусаются. И даже орут не очень противно.

Француз уснул, а Настя с Александром плотно поужинали остатками вчерашней птицы, а потом просто сидели у костра.

– Саш, можно задать тебе вопрос как более опытному в житейских делах человеку? Спасибо. Как ты думаешь... то, что француз сказал, будто я напоминаю ему Наташу Ростову, – это о чем говорит?

– О том, что он не читал не только самой «Войны и мира», но даже комикса по мотивам. Однако название слышал, как и положено культурному европейцу.

– Вообще-то меня больше интересовал вопрос – это был комплимент или наоборот, ну да ладно. Кстати, наш гость, похоже, из какого-то третьего мира. Не из того, с две тысячи одиннадцатым годом которого мы поддерживаем контакты. У них была немножко другая история. Но это еще подлежит отдельному осмыслению.

Глава 11

– Дочь, ты готова? – в последний раз спросил я, хотя и так видел, что все в порядке. – Наше давление – семьсот шестьдесят один.

– Здесь семьсот шестьдесят два, есть тенденция к повышению.

– Ерунда, такая разница будет почти незаметна. Сдвинься на пару шагов вправо, чтобы портал образовался как раз между теми двумя пальцами, и открываем.

Межмировой переход открылся в точности так, как в мир, где я родился. С той стороны дул слабенький ветерок, и подвал под левым крылом Гатчинского дворца начал наполняться ароматами тропического леса. Я с интересом и уже собственными глазами рассматривал место, куда занесло Настю. Черт возьми, какую все-таки красоту испохабил аборигены! Правильно дочь сделала, что, организовав их потомкам независимость, сразу посадила над ними короля-чилийца, да еще не абы какого, а получающего зарплату из бюджета Российской империи и полностью подчиняющегося специально под этот случай созданному прогрессорскому отделу ДОМа.

Настя тем временем сложила ладони рупором и во всю мощь девичьей глотки, закаленной многолетними уроками пения, заорала:

– Саша, Жан, бегите скорее сюда! Мы спасены, моему папе наконец-то удалось открыть переход! Быстрее, пока он еще держится!

– Связки девочка не повредит? – спросила Татьяна, слегка поморщившись от избытка децибел.

– Вроде не должна, ей сам Шаляпин голос ставил.

В принципе, конечно, Настин вопль, хоть и не содержал явной неправды, все же был не совсем точен.

Во-первых, им там не угрожало никакой опасности, так что было не очень понятно, от чего, собственно говоря, они спасены.

Во-вторых, то, что портал может быть открыт в любой момент, мы с Настей знали еще во время второго сеанса связи, осуществленного дочерью с вершины горы Теревака. То есть это событие вовсе не содержало элемента неожиданности.

И наконец, портал такого размера мы с дочерью могли спокойно держать минут шесть, а то и все восемь, так что никакой нужды нестись к нему сломя голову не было. Впрочем, ни Александр, ни молодой француз из третьего мира этого не знали.

Поначалу рассматривался вариант, при котором Настя заранее сообщит, что скоро будет открыт портал в Российскую империю, и чин чинком пригласит француза в гости. Но, подумав, мы с дочерью решили не создавать сложностей там, где все можно сделать просто. Ни к чему давать молодому человеку время для раздумий. Да и наводить на мысли о том, что она каким-то образом причастна к открытию порталов, тоже лишнее. Тем более что тогда Жан сможет сделать в корне неверное предположение, будто моя дочь имеет отношение к его попаданию в прошлое, а это полнейшая неправда. Ведь для нее случившееся тоже было совершеннейшей неожиданностью!

Ну а теперь времени на лишние раздумья ни у кого не будет. Вон как они ломаются сквозь кусты, аж треск стоит на весь подвал!

Я немного посторонился, пропуская запыхавшихся парней и незаметно проскользнувшую за ними Настю.

– Закрываем?

Портал схлопнулся.

Француз очумело оглядывался, причем в основном на стойки с аппаратурой, мигающие разноцветными огоньками.

Эти стойки были установлены тут всего полчаса назад и исключительно для него. Я на время позаимствовал их в соседнем подвале, где было рабочее место господ Ли.

Разумеется, я не собирался беседовать с гостем при помощи этих технических средств. Просто хотел создать впечатление, что открытие портала есть результат работы какой-то довольно громоздкой аппаратуры, а не чисто волевых усилий операторов.

– Саша, Жан, – обратился я к ним, и сбоку тут же забубнил переводчик, – благодарю вас за то, что в трудную минуту смогли найти в себе силы оказать помощь моей дочери.

Кобзев удивленно глянул на меня – мол, дядя Жора, вы что, какая еще помощь? Но потом быстро сообразил, что, хоть я и обращаюсь к обоим, мои слова адресованы только французу. Тот поначалу тоже пару раз растерянно хлопнул глазами, но потом скромно кивнул.

Все правильно, гораздо проще убедить человека, что он незаметно для себя совершил нечто весьма достойное, чем в том, что он учинил какую-нибудь пакость. Хотя на самом деле объект убеждения, разумеется, и в мыслях не держал ни того, ни другого. Мне же требовалось всего лишь хоть отдаленно похожее на правду объяснение, почему теперь с этим французом будут носиться как с писаной торбой. И делать это, скорее всего, придется Насте. В основном из соображений «сама притащила –

сама и разрабатывай». Потому как если мы собираемся как-нибудь на паузе между более важными делами посетить тот мир, откуда к нам явился француз, то обойтись без дочери тут будет довольно трудно.

Сначала мне показалось, что гость здорово похож на Гошу, каким тот был в начале нашего знакомства, двадцать с небольшим лет назад. Потом с удивлением увидел в нем сходство с покойным Беней, первым начальником шестого отдела. С удивлением – это потому, что эти двое внешне являлись едва ли не полной противоположностью друг другу.

Затем я вспомнил, что дочь характеризовала его как «чем-то напоминающего дядю Борю, каким тот, наверное, был в молодости», то есть генерального комиссара Бориса Иосифовича Фишмана, и наконец-то понял, в чем тут дело. Бывают люди настолько бесцветные и незапоминающиеся внешне, что наблюдатель подсознательно ищет в них сходство с кем-нибудь знакомым, но хоть немного более ярким. И, как правило, находит. На самом деле этот француз ни на кого конкретного не похож. Он, хоть и совсем чуть-чуть, похож на всех сразу.

– Идеальный агент, – шепнула мне на ухо Танечка, когда Настя отвела гостя в сторонку, о чем-то вдохновенно вешая ему лапшу на уши. – На такого замучаешься фоторобот составлять.

– Вы думаете?..

– Нет, пока только допускаю. Думать или не думать можно будет по результатам наблюдений, поэтому предлагаю не спешить с отправкой объекта обратно. И пусть Настя пока его курирует – от ее болтовни у него явно происходит частичное расслабление мозговых функций.

Я повнимательнее присмотрелся к тому, с каким обреченно-обалделым видом француз слушал треп дочери, и согласился с директрисой ДОМа.

Однако у старшего ликтора Найденовой-Романовой было одно срочное дело, напрямую с опекой гостя не связанное, так что к ней уже подошли две агентессы, которых она представила как своих подруг. И сообщила, что ей надо ненадолго покинуть общество, дабы привести себя в порядок, а то сейчас после всех приключений она выглядит как кикимора, что несколько неприлично для принцессы.

Мы с ней прошли в соседнюю комнату, где я на всякий случай поинтересовался:

– Ты точно не устала? А то все-таки два полноценных открытия с интервалом менее чем полчаса – это довольно утомительно. Может, подождем, точность измерений от этого только повысится?

– Зато их актуальность понизится. Не волнуйся, я в полном порядке.

Вообще-то, конечно, дочь была права. От нас сейчас требовалось

открыть совсем небольшой портал и держать его всего пару секунд, с этим прекрасно можно справиться и в утомленном предыдущим открытием состоянии. Требовалось всего лишь узнать, который час. Но не у нас, а на острове Пасхи десятого или какого-то там века.

– Так и знала, – обреченно вздохнула дочь, когда мы открыли и, взглянув на оставленные ею в траве часы, закрыли переход. – А с виду казался таким приличным молодым человеком!

В момент открытия часы на острове Пасхи показывали ту самую секунду, в которую Настя прошла в подвал. То есть, пока там никого не было, время стояло. А это означало, что тот мир покинула не только Настя, но и имеющийся там помимо нее какой-то неполноценный открыватель порталов. Получается, что им был француз. Впрочем, почему был? Он им, наверное, и сейчас остается.

– Стоп, – почесала нос дочь, – а что, если это Саша? Вдруг у него от всех этих самопроизвольных прыжков между мирами прорезались какие-то дремавшие ранее способности.

– Сейчас дергаться не будем, три портала подряд – это даже для меня многовато. А завтра мы с Кобзевым сходим на остров с целью проверить состояние аппаратуры «Арктической Зари», заодно можно будет и замерить скорость течения времени.

– Наверное, и со мной тоже, – предположила Настя. Но, впрочем, ошибочно, что я ей и объяснил.

– Ты уже нагулялась, набегалась и напрыгалась по девственной природе. И неужели тебе не жалко своего старенького папу? У которого от сидячего образа жизни того и гляди приключится не то инсульт, не то инфаркт, не то вообще простатит. Если же мы отправимся туда вдвоем, то здесь не останется никого, кто мог бы поддерживать с нами связь и принять меры в случае чего. Поэтому я схожу прогуляться в десятый век, а ты будешь сидеть на стреме. И можешь не волноваться – не стану я отнимать у тебя ваш с Кобзевым остров, мне своих хватает. Максимум – арендную для исследований небольшой кусочек, и все.

Кажется, дочь только сейчас начала задумываться, кому принадлежит земля, на которую закинуло их со старшим лаборантом. Но, к ее чести, надолго раздумья не затянулись.

– Тогда мне следует спешить – надо же еще успеть Сашу обаять, чтобы он подарил мне свою долю на прошедший день рождения. А я ему за это презентую остров Лорд-Хау, это там не так чтобы уж очень далеко. Он хоть и меньше, но зато единодушно считается филиалом рая на земле. Там даже специальные пальмы растут – райские. Дашь ненадолго гидроплан, по-

быстрому слетать и открыть? Разборный, который японцы в подводных лодках перевозят.

– Ладно, успеем еще поделить неубитую шкуру, а пока беги, дел у тебя действительно много.

В семь часов вечера немного отошедший от первого потрясения француз был приглашен на семейный ужин. Ох, как много бы некоторые дали, чтобы удостоиться подобной чести! Потому как на нем присутствовали почти все величества и почти половина высочеств Российской империи. Не было только Алисы с выводком. Они, во-первых, не обладали необходимым допуском, а во-вторых, недавно Боря увез их отдыхать в Сочи.

Мне, честно говоря, было не очень понятно, с чего такой ажиотаж. Подумаешь, пришелец! А если учесть, что на самом деле он простой попаданец, коих у нас и без него навалом, то и тем более. Правда, этот не из того мира, откуда все остальные.

На всякий случай я предупредил их величеств Георгия и Марию, чтобы вели себя за столом прилично и не пялились на гостя, как на австралопитека в зоопарке. В ответ Гоша радостно заявил, что очень благодарен мне за напоминание о приличиях. А то ведь мог бы и забыть. Но теперь он, император, лично проследит, чтобы канцлер употреблял пиво не из горла, а из бокалов. И воблу о край стола не обстукивал. Дабы не уронить авторитет власти перед представителем прекрасной Франции – пятой по счету из тех, с которыми мы уже имели дело.

Наш гость, кажется, только за ужином окончательно поверил, что Настя на самом деле является той, за кого выдавала себя на острове. То есть дочерью российского канцлера, каковой пост примерно соответствует премьер-министру в Японии, сводной единокровной сестрой императора и дочерью ирландской королевы. Тем более что на ужин Настя пришла в форме принцессы, то есть в каком-то офигительном платье с изумрудными пуговицами, и вела себя соответствующе.

Перед ужином Мари в очередной раз для порядка попеняла мне, что я так и не удосужился выучить французский и теперь только из-за меня – единственного не знающего этот язык, – беседа будет вестись по-английски.

– И что? – вяло отбрехнулся я. – Дюваль вполне прилично говорит по-английски. И вообще, нормальный язык, зачем еще что-то учить? На нем «Ту би о нот ту би» написали, а на французском что? Тем более что я по-рапануйски знаю уже два десятка слов и продолжаю в этом направлении

совершенствоваться. Если бы не вы, величества неграмотные, мы с Настей и Жаном вполне могли бы вести беседу на этом замечательном языке.

Надо сказать, что за ужином Гоша все-таки нашел чему удивиться. Его явно вывело из равновесия мое искреннее обещание постараться помочь гостю вернуться в его мир. И после ужина, когда Настя с Мари пошли проводить француза в выделенные ему комнаты, я заметил:

– Гоша, не надо вертеть головой в поисках санитаров, я еще не рехнулся на почве человеколюбия. Тебе интересно, с чего это вдруг мне приспичило вернуть в тот мир единственного имеющегося там открывателя, то есть сделать его потенциально опасным для нашего?

Император кивнул.

– Именно чтобы убедиться – он там действительно один. Или, если не один, то сколько их там еще. И только разузнав это, можно будет принимать какие-то меры.

– Тогда нормально, а то я уже начал подозревать черт знает что. Так ты считаешь, что, точно определив число тамошних открывателей, выкрасть его оттуда потом будет нетрудно?

– Ваше величество, а вы свои эпитеты не забыли? Я и то помню, что вы все милостивейшее и еще почти страница прочих подобных определений, а тут вдруг такие мелкоуголовные поползновения – людей воровать. Существует же масса способов их ненасильственного перемещения! Мало ли, вдруг у него здесь любимая девушка останется, Танечка обещала поработать в данном направлении. Или, например, он как-то обмолвился Насте, что у него мать больная. Так надо подлечить, мы же не звери. Наверняка и еще чего-нибудь можно придумать, так что не волнуйся.

Поздно ночью я все-таки улучил минутку и посмотрел географический атлас. Меня интересовало – где же находится остров, который собралась открыть и подарить Кобзеву Настя? Если мне не изменяла память, то ближайшей к Пасхе землей был архипелаг Питкэрн, но расстояние до него превышало тысячу восемьсот километров. Да и не было в его составе никакого острова Лорд-Хау, насколько я помнил. Правда, всего километрах в пятистах на восток из воды торчали полторы голых скалы, но они никак не тянули на сравнение с раем. И вообще были даром никому не нужны, кроме птиц.

Искомый остров нашелся, когда я уже почти потерял надежду – в конце концов, Настя могла и ошибиться. Он приткнулся всего в семистах километрах от Австралии, и от Пасхи до него было восемь тысяч километров. Ну и ни фиги же себе, дочь собралась учинить небольшой

такой перелетик!

Однако, поразмыслив, я признал – кое-что интересное в этой идее есть. Разумеется, в одиночку лететь открывать Лорд-Хау – авантюра. Но в составе небольшой хорошо подготовленной экспедиции – очень даже нет! Пусть Кобзев строит дачу в раю, надо только взять с него обещание не похабить тамошнюю природу. Потому как только этим островом ограничиваться необязательно. Рядом Австралия, она большая, и там много золота и алмазов, причем точно известно, где они залегают. Чуть подальше Южная Африка, там их еще больше, причем намного. И наконец, в противоположной стороне Клондайк, он нам тоже лишним не будет. И все это в том мире сейчас практически безлюдные места! Пожалуй, надо предупредить Машу, чтобы она смогла заранее подготовиться к мощному вбросу золота и драгоценных камней, на их обесценивании наверняка тоже можно неплохо заработать.

Глава 12

Если бы обязанности государственного канцлера состояли только в связях с иными мирами, я бы, пожалуй, согласился занимать упомянутую должность и на общественных началах, то есть не получая за это из казны ни копейки. Однако подобное было недостижимой мечтой, так что приходилось соглашаться с тем, что эта самая казна мне платила, и очень немало даже по меркам двадцать первого века. Причем сумма оклада находилась в ведении императора, и он не упускал возможности ее при каждом удобном, а то и не очень удобном случае повесить. Гоша мотивировал это тем, что так он боится от того, что я начну по мелочи взяточничать. Я со своей стороны не раз заявлял, что могу и обидеться в ответ на такие действия, но все как-то забывал это сделать. Всегда и без всяких обид находилось чем заняться.

Например, на следующий день после приема гостя из шестнадцатого года меня навестил член Государственного тайного совета Японии и, наверное, ее будущий премьер-министр Иочиро Токигава, прибывший в Петербург с неофициальным дружеским визитом. Впрочем, хорошо хоть то, что со свитой он посетил только Зимний дворец, а в Гатчину ее тащить не стал.

Целью визита моего старого знакомого было обсуждение помощи, которую сможет оказать Россия Японии в ликвидации, а то и вовсе недопущении последствий великого Токийского землетрясения тысяча девятьсот двадцать третьего года, до которого уже оставалось менее двух лет.

Визит начался с того, что мы с Иочиро открыли по бутылке пива.

– Ну, за резонансно-волновую тектоническую теорию! – блеснул остроумием японец. – Надеюсь, я ничего не перепутал в ее названии?

– Вроде нет, но точно сказать не могу, потому как придумана она была хоть и вашим покорным слугой, но давно и наспех. Впрочем, спасибо за напоминание – пожалуй, пора вытащить ее из забвения, отряхнуть от нафталина и посмотреть, как она выглядит в свете современных требований. Возможно, придется подкорректировать пару-тройку формул, но это нетрудно. Как и догадаться, что вас сейчас волнует не только грядущее землетрясение, но и что-то еще. Может, поделитесь, и будем волноваться вместе? Под душевные переживания пиво идет гораздо лучше, чем просто так. Больше влезает.

– Ваше пиво, как всегда, бесподобно, – чуть наклонил голову Иочиро, отставляя почти нетронутую бутылку, – как, впрочем, и ваша прозорливость. Разумеется, меня весьма беспокоит грядущая катастрофа, угрожающая моей родине, но этот вопрос сейчас обсуждают со специалистами ее величества куда более квалифицированные в подобных вопросах люди. Меня же к вам привела, кроме вполне понятного желания повидаться с другом, коим, надеюсь, я могу вас считать, необходимость показать вам один документ. Вот его копия. Оригинал же привез мой человек, коему вы любезно помогли посетить Японию того мира. Мой император считает, что вам необходимо знать его содержание. А лично я хочу еще услышать и ваше мнение о смысле данного документа. Ибо, пусть мне и неплохо знаком английский язык, я все же сомневаюсь, что правильно понял написанное, хоть послание и весьма короткое. Может, вы еще объясните, почему оно написано по-английски. Если отправителем действительно является президент, то неужели в его окружении не нашлось человека, знающего японский?

– Чего ж тут не понять? – хмыкнул я, прочитав послание. – Вам предлагают оценить величайшие успехи, достигнутые Японией в том мире. То, что отправитель уверен, будто вы обязательно захотите их повторить, – вовсе не насмешка, это написано вполне серьезно. На этом пути вы сможете получить необходимую помощь в случае конфликта с любой из Россий – как с империей, так и с Федерацией. В качестве аванса предлагается гуманитарная помощь без каких-либо ограничений по весу, объему или стоимости. Надо же, как интересно! Если вам нужен мой совет, то рекомендую попросить пару авианосцев – например, «Джордж Буш» и «Рональд Рейган».

– Вы что, и их сможете переправить? – удивился Токигава.

– Смогу, не смогу – какая разница? Смею вас заверить, на результат это никоим образом не повлияет. Ну и относительно английского языка документа. Дело в том, что отправители свято уверены – язык хозяев мира обязан знать любой культурный человек.

– Неужели? Во козлы! – продемонстрировал неплохое знание моего родного языка японец. – Но тогда почему надо просить только два авианосца?

– Потому что из ФРГ скоро вернется посланец кайзера. И я буду очень удивлен, если без точно такой же бумаги. Плюс делегат от Николы в ту Черногорию, его тоже не помешает иметь в виду.

На самом деле вернуться должны были не только вышеупомянутые, но и еще один, причем в противоположном направлении. Некому

гражданину США, кажется, даже сенатору, в результате нашей с полковником Валерьевым совместной операции удалось установить связь с прогрессивными кругами Северо-Американских Соединенных Штатов. На днях должны были завершиться его консультации с представителем ФРС САСШ Мозесом Д. Альперовичем. Эта операция обошлась ЦРУ не так чтобы уж очень дорого, но, как говорится, копейка тоже деньги. Опять же можно вспомнить, что, по Достоевскому, пять старушек – это уже рубль, ибо останавливаться на достигнутом Штаты явно не пожелают. В данный момент на полученные деньги мы закупили в Китае (естественно, двадцать первого века) очередную партию электроники.

Токигава снова взял бутылку, отхлебнул и продолжил делиться своими опасениями:

– Но ведь там не могут быть такими дураками, чтобы предлагать подобное в условиях полной нашей монополии на межмировые перемещения. Значит?..

– Значит, что все-таки могут, – успокоил я своего старого знакомого. – Не следует недооценивать возможностей человеческого разума. Кроме того, они считают, что этим секретом обладает и Российская Федерация, отчего надеются его украсть или купить. Опять же они просто не могут допустить, что придуманное и сделанное на коленке какими-то дикими русскими окажется недоступно их великолепно оснащенным и сверхщедро оплачиваемым ученым и инженерам. Наконец, уже появилась пара статей, утверждающих, что результатами столь эпохальных открытий не могут распоряжаться группы лиц или даже отдельные страны, а исключительно все человечество целиком. В лице кого оно это будет делать, догадаться нетрудно. Кстати, империя собирается рассмотреть вопрос о предоставлении помощи Федерации, потому как на нее, похоже, скоро захотят воздействовать при помощи санкций. Ваша страна не желает присоединиться? Исходя из того неоднократно проверенного факта, что правильно и вовремя оказанная бескорыстная помощь – дело довольно выгодное.

– Очень интересно, – оживился Токигава, – как я понимаю, у вас уже есть конкретные предложения?

– Пока только наброски.

Я достал из сейфа папку и протянул ее гостю.

– Вот, возьмите и ознакомьтесь. Разумеется, вы понимаете, что выносить такие документы из Гатчинского дворца нельзя, но я не ограничиваю вас во времени. Читайте здесь столько, сколько посчитаете нужным.

– А вы не можете в двух словах изложить суть?

– Пожалуйста, вот эти два слова – межмировой товарообмен. Например, тамошние Штаты вам уже открытым текстом написали, что готовы к взаимовыгодной торговле. Думаю, что и Европа тоже присоединится к столь прогрессивной инициативе, как только ей про нее скажут. Ну так и кто мешает вам покупать то, что раньше шло в Российскую Федерацию? А мы потом это ей и перепродадим. Сами же купим ее прежний импорт в той части, что попадет под санкции, а в Европу это продадите уже вы. Для тамошней России ничего не изменится, а инициаторам санкций придется раскошелиться еще и на наш с вами интерес в этих делах. Как вы понимаете, нам даже не придется возиться с перемещением грузов, все телодвижения будут происходить исключительно в финансовой плоскости.

– И вы считаете, что там никто ничего не поймет? – усомнился Токигава.

Я вздохнул. Иочиро до мозга костей был инженером и военным. Свойственное этим профессиям упорядоченное логическое мышление часто помогало ему в политике, которой он сейчас занимался, но часто и мешало. В тех случаях, когда ситуация изначально была парадоксальна – как сейчас, например. Почему скрывать что-то надо обязательно для того, чтобы никто ничего не понял? Как раз наоборот – часто требуется так скрыть какое-либо явление, чтобы о его сути не осталось сомнений даже у самого тупого из противников.

Кстати, я и сам в молодости иногда грешил тем, что применял логическое мышление там, где оно часто противопоказано, – в чисто гуманитарных областях. Например, лет до десяти я был уверен, что слово «епископ» произносится с ударением на букве «о». Да как же иначе – есть слова микроскоп, фильмоскоп, телескоп. Значит, и епископ должен произноситься так же!

Жил я тогда в деревне, и неподалеку от нашего дома стоял райторговый магазинчик. Естественно, его вывеску я прочел, как только научился складывать буквы в слова. Затем выяснил, что такое «райторг». Потом матери пришлось объяснять мне, что «восторг» – это вовсе не «восточная торговля».

Чуть позже, уже в Москве, я случайно услышал слово «туарег» и решил, что это сокращенное название поплавкового механизма в бачке унитаза. То есть «туалетный регулятор». А то, что слово «клипер» пишется с одним «п», я вообще случайно узнал лет в сорок, чему был немало удивлен. Ведь есть же очень похожее, всем знакомое и часто употребляемое

слово, но в нем этих самых «п» две штуки! Разумеется, вы уже догадались, что имеется в виду триппер.

Пришлось объяснить гостю, что, ясное дело, все всё поймут еще до того, как мы закончим декларировать свои намерения. И будут нам благодарны за то, что мы предоставили им возможность сохранить лицо перед заокеанским партнером, то есть все-таки как объявить санкции, так и не понести на этом больших убытков. Само собой, вечно такая ситуация сохраняться не может, но нам особо долго и не надо.

Вообще-то в сегодняшней беседе планировалось еще и поставить гостя в известность о существовании третьего мира – того, куда случайно закинуло Кобзева с Настей. Путем астрономических наблюдений дочь выяснила, что там сейчас или конец девятого или начало десятого века нашей эры. И, посоветовавшись с императором, мы решили, что держать его существование в строгой тайне не нужно. Наоборот, следует сделать так, чтобы о нем узнали и в двадцать первом веке. Разумеется, не сразу и не на халяву, а в результате серьезных усилий, сопряженных с немалыми расходами.

Поэтому Токигаве было предложено немного отвлечься от политических хитросплетений и обратить свой взор на прекрасное, то есть на фотографии, которые я разложил на столе, в процессе чего пояснив:

– Почти нетронутый мир! А в южной части Тихого океана и без всяких «почти». Новая Зеландия вообще не заселена, и, значит, там еще сохранились птицы моа. Это вроде страуса, но ростом метра три с половиной и весом за триста килограммов. Вот кого надо разводить на селе, а не гусей или индеек! Я даже не берусь так сразу оценить экономический эффект. И вообще там все еще живет множество вымерших в нашем мире животных. Опять же Япония...

Тут мне пришлось заткнуться, ибо я в спешке забыл уточнить, кто в те времена по той Японии бегал – уже самураи или пока еще какие-нибудь ямаотопитеки с дубинами. Впрочем, гостю мои объяснения не потребовались.

Ни птицы моа, ни гигантские гуси, ни прочие чудеса животного мира особого интереса у Токигавы не вызвали. Но, узнав о возможности увидеть свою страну в прошлом, обычно невозмутимый японец впал в совершенно ничем не прикрытый энтузиазм. В последний раз нечто подобное с ним приключилось примерно пятнадцать лет назад, когда я показал ему новейший на то время истребитель «Ишак» и предложил на нем полетать.

Запинаясь от волнения, японец спросил, буду ли я возражать против его личного участия в экспедиции. И, услышав ответ «разумеется, нет», потребовал прямо сейчас назначить сроки. Все необходимое, включая разборные гидропланы, будет доставлено немедленно, пусть ему только укажут, где их разгружать. Кажется, он собрался организовать доставку всего необходимого самолетами, невзирая на расходы.

Мне пришлось перенести окончание переговоров о возможной помощи Российской Федерации на завтра, а пока проводить гостя на узел связи. После чего я вернулся в свой кабинет и наконец-то смог допить открытое пиво, пока оно окончательно не испарилось естественным образом. А заодно и обдумать только что прошедшую беседу.

Из нее, между прочим, следовало, что в душе дорогой Иочиро самый что ни на есть настоящий романтик. Потому как прагматик, конечно, тоже проявил бы интерес к далекому прошлому своей родины, но не столь бурный. Честно говоря, я давно подозревал нечто подобное, а теперь получил подтверждение. Или это только кажется, а на самом деле я просто не понимаю чего-то такого, что очевидно для Токигавы? На всякий случай надо будет иметь в виду и такую возможность.

В отличие от японца, я не очень спешил посмотреть на древнерусское государство перед самым его крещением. В основном потому, что однозначного мнения по поводу этого события у меня не было. Вполне возможно, что оно принесло большую пользу и вывело Русь на магистральный путь развития, но стопроцентной уверенности в этом нет. Так что пусть дела там идут своим чередом, а я лучше отловлю и доставлю в Российскую империю несколько птиц моа. А то в Гатчинском парке со зверьем как-то не очень, так пусть хоть птички по лесу гуляют и чирикают. Построить для них отапливаемый ангар на зиму будет нетрудно, тем более что к снегу они по идее должны быть хоть немного, но привычными – на Южном острове Новой Зеландии это не такое уж редкое явление.

Но, конечно, главной ценностью нового мира для нас с Гошей были не трехметровой высоты птицы и не гигантские лемуры, которые вроде могли еще сохраниться на Мадагаскаре. И даже не золото с алмазами, хотя, конечно, ни то, ни другое лишним не будет. Нет, нас больше интересовали две появившиеся в связи с открытием возможности.

Первая – у нас теперь образовался собственный резерв времени, никак с двадцать первым веком не связанный. Потому как остановить время в нашем мире можно было и раньше, только неприемлемым способом – перебраться в двадцать первый век императору с наследником и канцлеру

с дочерью. Но больно уж это небезопасное место и время, чтобы так рисковать! Тем более сейчас, когда там узнали о нашем существовании. А теперь доступен еще один, куда мы можем спокойно отправляться всей оравой, если вдруг возникнет резкий цейтнот. И спокойно сидеть на том же острове Пасхи столько, сколько будет нужно, без спешки занимаясь своими делами.

Но, как уже говорилось выше, это еще не все. Открытие третьего мира наконец-то позволило нам определиться со стратегическими целями и последовательностью действий по развитию наших взаимоотношений с Российской Федерацией.

Нет, планы у нас были давно, но мы сами чувствовали, что им чего-то не хватает. Они, эти самые планы, включали, во-первых, образование Курильского королевства – уже в двадцать первом веке. Немалое место там отводилось и господину, а если точнее, то товарищу Сталину. Но все равно оставалась какая-то незавершенность, которая исчезла с открытием нового мира. Оно сразу превратило картину наших грядущих действий в практически законченную, завершив ее подобно последнему кусочку мозаики. Правда, оставался еще четвертый мир, тот, откуда к нам явился молодой француз...

Но в силу недостатка информации никто пока не мог сказать, на что и как повлияет его существование.

Глава 13

Старший ликтор Анастасия Найденова-Романова тщательно изучала материалы по текущему заданию. То, что сама она предпочла бы заниматься дальнейшими исследованиями острова Пасхи или даже подготовкой экспедиции по открытию новых земель в десятом веке, не интересовало ни ее непосредственное начальство, ни Татьяну Викторовну, ни отца. Подумаешь, хочется ей чего-то не того. Делай что сказано, и точка! Никуда остров не денется – их пока еще не воруют.

Разумеется, Настя, хоть и будучи принцессой, значение дисциплины понимала прекрасно и даже не пыталась возмущаться, а то ведь иначе недолго и вылететь из СИБа по служебному несоответствию. В общем, девушка внимательно изучала документы, лишь иногда мысленно вздыхая – опять придется три дня молотить языком почти без перерывов.

Эти самые три дня ей предстояло сопровождать француза в его экскурсиях по Петербургу и окрестностям. Впрочем, важность этого сомнений не вызвала. Ведь Насте предстояло не просто болтать, а строго по рекомендациям специалистов, которые она сейчас и зазубривала. А они потом на основании анализа записей ответят на весьма животрепещущий вопрос.

Дело было в том, что число открывателей порталов увеличилось. Теперь измерения скоростей протекания времени однозначно показали, что их не четыре, а около пяти. И это означало, что в результате перехода из десятого века в двадцатый Настин подопечный из неполной половинки открывателя превратился в полную, а может, и с запасом. Хотя, между прочим, к открытию портала, как и в первый раз, он скорее всего не имел никакого отношения. И вот теперь предстояло ответить на вопрос: знает ли молодой человек о своих способностях? Или, может, что-то чувствует, сам не понимая, что именно? Или, что тоже вероятно, его способности лично для него покрыты мраком тайны. В конце концов, в одиночку он ничего не может, а составлять ему пару пока никто из четырех прочих открывателей не собирался. Впрочем, тут, как и во многих других случаях, ключевым было слово «пока». Отец вовсе не исключал того, что он лично поможет Жану вернуться домой. Ну или доверит сделать это дочери.

Некоторая трудность задания, с точки зрения принцессы, заключалась в том, что поначалу ей придется работать в паре. Причем с сотрудницей, к которой Настя не испытывала ни малейшей симпатии. Почему,

интересно, Татьяна Викторовна не подключила подругу Герды, известную в основном под именем Жозефина де Вилье, которая сейчас в Питере? Вот уж с кем работать было бы сплошным удовольствием, да и чему поучиться наверняка нашлось бы.

Однако пути начальства неисповедимы, и старшему ликтору Найденовой-Романовой это было вполне понятно. А значит, пока она сама не стала тем самым начальством, надо засунуть свое неудовольствие в место, которое Настя недавно получила право называть прямо, не прибегая к иносказаниям, причем почти на всех известных ей языках. И продолжить изучение документов, потому как скоро придет та самая соратница, а при ней путаться в тонкостях порученного дела никак нельзя.

Пожалуй, Настя сама не смогла бы точно назвать причины своей неприязни к Зинаиде Николаевне Гиппиус, но, наверное, основной среди них была та, то что принцесса никак не могла понять мотивы, по которым эта женщина уже более десяти лет сотрудничает с ДОМом. Это не были деньги, хотя получала Гиппиус очень немало. И не карьера, она до сих пор оставалась вольнонаемным сотрудником. И уж тем более не патриотизм, хотя работала Зинаида Николаевна именно патриотом. Правда, пока не русским, столь сложного дела ей еще не доверяли. Впрочем, для этой работы скептическое отношение к декларируемым ценностям в какой-то мере даже приветствовалось.

Настя подозревала, что Гиппиус пришла к сотрудничеству, попав под обаяние ее отца. Именно данное подозрение вызывало неудовольствие принцессы – на что, вообще говоря, надеется эта старая выдра? Хотя, конечно, публицист она блестящий, этого у нее не отнимешь.

Как уже говорилось, в основном Зинаида Николаевна работала патриотом. Сначала финским, сочиняя статьи, эссе и даже песни, зовущие народ к свободе и независимости. Это было весьма непросто, учитывая, что требовалось точно соблюсти заданную степень дебильности, однако у Зиночки – так иногда называл ее канцлер, и принцессе это очень не нравилось – получалось. Теперь она пошла на повышение, став уже великофранцузским националистом по фамилии, кажется, Депардьё. И явно не собиралась останавливаться на достигнутом, надеясь в конце концов дослужиться до английского, а может, даже американского патриота. Хорошо хоть, что в ее компании Насте с Жаном придется провести не всю экскурсию по Питеру, а только обед в ресторане «Крокодил».

Вопреки опасениям принцессы, этот обед прошел в общем-то нормально. Наверное, Зинке были даны инструкции вести себя

как человеку, прикинула Настя. Вот выдра и не этапировала... нет, это слово из другой оперы. Не этапировала общество, так будет правильно. Однако ухитрилась заинтересовать, а потом исчезла, так что теперь принцессе приходится объяснять французу общеизвестные вещи, а к этому девушка заранее не готовилась, пришлось импровизировать.

– Понимаешь, Жан, – задумчиво говорила Настя, – и его величество, и мой отец с детства ненавидели ложь. Наверное, оттого они и подружились после первой же встречи. Мама рассказывала, что отец тогда любил повторять «нет, брат, сила в правде»...

Вот только иногда добавлял после этого фразу, которую Настя пока не понимала: «Вы мне, гады, еще за Севастополь ответите!» Поэтому принцесса не стала ее озвучивать, а продолжила:

– Вот почему правда всегда, с самого начала была основой их действий. А сейчас это стержень, на котором держится внешняя и внутренняя политика Российской империи.

– И что, неужели ваши политики не лгут? – удивился молодой француз.

– Разумеется, нет – говорят чистую правду. Другое дело, что не всю и не всем. Или иногда даже всю – например, если слушатель в нее по каким-то своим причинам все равно не поверит. Вот, кстати, стандартное начало речи почти любого депутата в Госдуме: «Господа! Я предлагаю одобрить этот законопроект из корыстных побуждений, надеюсь, что он принесет моим аффилированным структурам прибыль по таким-то и таким-то пунктам...»

– А почему они так говорят? – изумился Жан.

– Чтобы не огрести десять лет с конфискацией в случае умолчания, согласно закону «О лоббировании». А уж сколь правдивы кандидаты в депутаты во время предвыборной агитации – просто душа радуется. Потому что там за преднамеренную ложь верхний предел вообще двадцать пять лет. И это их благородное поведение уже находит отклик в самых различных слоях общества. Хочешь пример? Ну, его предоставить нетрудно. Официант, будьте добры какую-нибудь свежую газету с объявлениями! Спасибо. Так, где тут у нас... вот, смотри, ты же вроде немного читаешь по-русски.

С немалым удивлением Дюваль прочел:

Потомственный экстрасенс-мистификатор лечит диарею, гонорею, супружескую неверность, энурез и прочие болезни методом наложения рук на имущество.

Дальше шли два телефонных номера и адрес.

– Но зачем он так делает?

– Из разумной осторожности. Ведь иначе не исключено, что пришлось бы доказывать – он настоящий экстрасенс, а это не так просто. То же, что он жулик, в доказательствах не нуждается. Самое интересное, что даже при таком образе действий находятся клиенты, и не в таких уж малых количествах. Возможно, их привлекает именно безукоризненная правдивость объявления. Или вот тебе, пожалуйста, еще один пример. Видишь группу господ за угловым столиком?

– Это которые громко говорят на каком-то неизвестном мне языке?

– На румынском. Так вот – вон тот, ушастый и рыжий, пригласил друзей и знакомых отпраздновать свою долгожданную аккредитацию в качестве венгерского шпиона. Почти два года жил по справке, небось уже весь измаялся, бедолага.

– Простите? – в полном обалдении захлопал глазами Дюваль.

– Ну вот представь себе, что ты разведчик и тебя заслали в Россию. Перед тобой два пути. Первый – попытаться проделать все нелегально, но это очень непросто. Скорее всего, быстро поймают, и начнутся довольно неприятные процедуры в седьмом отделе. Но есть и второй путь. Сразу по пересечении границы явиться в ближайший филиал шестерки или СИБа и заявить о своем намерении заняться шпионажем. После минимальной проверки соискателю будет выдана справка о подозрении в работе на соответствующую разведку. После чего он в течение двух лет должен доказать, что действительно раздобывает и передает какие-то сведения, а не просто жирует в России на казенные деньги. Доказав это, человек получает аккредитацию как полноценный шпион, а такое звание уже дает какие-то права и привилегии. Например, в случае устройства пьяного дебоша полиция, скорее всего, отнесется с пониманием. Кроме того, аккредитация дает право на тридцатипроцентный налоговый вычет.

– Извини, а что ты сказала про седьмой отдел?

– Это отдел особых расследований. Там в оговоренных законом случаях могут применяться интенсивные методы допросов.

– Но это же дикость! А как же права человека?

– Так ведь законопослушного же человека, а не преступника! Но даже у него они тоже есть, просто другие. Например, основополагающего права расколотся сразу, не доводя дело до применения спецметодов, никто не отменял. И вообще, с какой это стати закон должен защищать индивидуума, нагло кладущего на него хрен? Глупость же! Нарушив закон, человек тем самым сознательно выходит за его рамки и, значит, лишается

защиты по каким-то статьям. Причем в силу гуманности российского законодательства не всем сразу, а в строгом соответствии с тяжестью содеянного. В частности, нарушители правил дорожного движения лишаются права требовать возмещения ущерба от владельцев объектов повышенной опасности. Но не все, а только те, кто пошел на нарушение осознанно и не будучи к нему принуждаем. Если, скажем, крестьянин из глухой деревни, впервые попав в Питер, попытается перебежать дорогу в неполюженном месте и попадет под машину, то ее владелец оплатит ему лечение, ибо нарушение было неосознанным. А вот если я нагло попру поперек проезжей части, не обращая внимания ни на кого, то лечиться мне придется за свой счет, да еще с повышающим коэффициентом из-за высокого общественного статуса. Нелегальный же шпионаж – тягчайшее преступление, сравнимое разве что со взяточничеством и изменой Родине, так что тут прекращают действие почти все защитные статьи. Кроме, насколько я помню, нескольких из брачного кодекса.

– Но ведь, кажется, бывают еще глубоко законспирированные разведчики, не начинающие работу сразу после внедрения.

– Разумеется, но зачем такому аккредитация? Как кончится срок действия справки, пойдет и напишет заявление о продлении, только и всего.

– А почему этому румыну так долго не давали аккредитацию? – решил немного вернуться назад Дюваль.

– Да потому что есть правило – шпион обязан знать хотя бы один язык. Или страны-отправителя, или русский. Этот же тип ни по-венгерски, ни по-нашему двух слов связать не мог. Вот и гулял со справкой, пока экзамен по русскому языку не сдал.

Когда молодые люди уже покинули ресторан, Настя заметила:

– Жан, мне показалось, что ты хотел меня спросить еще о чем-то, но не решился. Я права? Тогда не стесняйся, вранье мне нравится едва ли не меньше, чем отцу, так что в ответ ты услышишь либо правду, либо ничего.

– Скажите, Анастасия, – с видимым трудом решился Дюваль, – вы... ты... настоящая принцесса? То есть Ирландия в вашем мире – это настоящая страна? Или она существует только потому, что там стоят русские войска?

– С чего ты взял, что они стоят? На постоянной основе их там вообще нет. Когда туда приезжает отец, то вместе с ним появляется рота охраны. В подчинении королевы находится содержащаяся на ее личные средства гвардия, это полторы тысячи человек, среди которых много датских

и бразильских добровольцев, но русских там всего человек пять или шесть. Никаких других иностранных войск на территории Ирландии нет. Более того, даже обучение ирландских офицеров происходит на нашей территории, в Иваново, чтобы не давать повода злопыхателям говорить о русском военном присутствии на Зеленом острове. А то, что многие возвращаются на родину уже с женами, говорит не о нашем коварстве, а только лишь о красоте и обаятельности русских девушек. В общем, совершенно нормальная страна, признанная всеми ведущими державами мира. Не признают ее только Англия, Центральная Франция и Монако. С последним ведутся переговоры, и мы надеемся, что вскоре ситуация изменится. А мнение первых двух ни мать, ни меня, ни отца особо не интересует. Ты извини, если я задела твою национальную гордость, но ведь обещала же говорить только правду.

– Да нет, ничего, я же из Марселя. Он, кажется, в вашу Центральную Францию не входит?

– Не входит, это столица Марсельской коммуны. Есть еще Парижская, Марсель с ней давно ведет переговоры об объединении в Коммунистическую Конфедерацию, но пока безрезультатно. Но лично я все же надеюсь, что когда-нибудь они увенчаются успехом и Франций станет две, а не три, как сейчас. Ну а потом видно будет. Тут многое зависит от того, кто в Марселе выигрывает ближайшие выборы. Лично я буду болеть за Жозефину Богарне, ранее выступавшую под псевдонимом де Вилье. Очень достойная женщина, мне не раз доводилось с ней встречаться.

– Она что, родственница той самой, жены Бонапарта? – не поверил Дюваль.

– Вне всякого сомнения.

Здесь Настя ничуть не покривила душой, ибо, независимо от того, от Адама произошло человечество или от доисторической обезьяны, все люди состояли в кровном родстве друг с другом – в этом принцесса была твердо уверена. И продолжила разъяснения текущей международной обстановки:

– Поэтому не исключено, что в не очень далеком будущем из не признавших Ирландию останется только Англия. Тут уж ничего не поделаешь, во всяком случае в обозримое время.

– Отчего так?

– В Англии почему-то очень тяжело переживают потерю именно Ирландии. Нет чтобы о каких-нибудь Сингапуре или Гонконге плакать! Хотя сами же виноваты – не надо было делать из ирландцев людей второго

сорта, вот и все. Если бы не это, никакие интербригады не помогли бы. А теперь сэры на уровне парламентской комиссии второй год подряд решают, как правильно считать – Ирландию оккупировали или аннексировали. Хотя в действительности сами ее про... профукали.

– В моем мире все совсем не так, – вздохнул Дюваль. – И я хотел еще спросить о главном отличии, которое мне удалось заметить. Насколько я понял, никаких революций в здешней России не было, отчего и Советского Союза не возникло. И это явно заслуга императора и твоего отца, которые довольно жесткими мерами пресекли работу всех партий социалистической и коммунистической направленности. Но они же помогли возникновению двух социалистических государств – Израиля и Гавайев! И до сих пор оказывают им всяческую поддержку. Как это может быть?

– Очень просто. Во-первых, никто работу партий в России не пресекал – им просто помогли избавиться от наиболее одиозных членов и направить усилия в конструктивное русло. Сейчас у нас есть коммунистическая партия, две социалистических и полторы анархистских. Все они ныне в едином порыве трудятся на благо страны. Во-вторых, и мой отец, и его величество – убежденные социалисты. Просто они не хотят, чтобы на пути к справедливому общественному строю Россия прошла сначала через гражданскую войну с миллионами жертв, а потом через разруху, окончательно добившую ее экономику. Ну и допускать перегибов в процессе строительства социализма они тоже не желают. Поэтому принято решение о постепенном и поэтапном движении. А Израиль и Гавайи играют роль испытательных полигонов. Ведь если что-то пойдет не так, то ошибки гораздо проще исправить в масштабе двух небольших стран, чем одной огромной. Тем более что есть кому оказать им помощь в случае необходимости. И уже получены интересные результаты. Например, в Израиле возникла очень своеобразная разновидность общественного строя – олигархический социализм. Как ни странно, у него есть и положительные стороны, которые сейчас внимательно изучаются. На Гавайях проще – там обычный первобытнообщинный социализм. Но что ценно – уже с элементами коммунизма! Правда, пока тоже первобытного. Таким образом, в нашем мире есть практически все общественные формации, между которыми происходит здоровая конкуренция. У вас же все везде подгрехала под себя мировая финансовая олигархия. Скажешь, это хорошо?

– Нет, не очень, – вздохнул Дюваль.

– Я бы скорей сказала, что «очень не». Потому как для развития нужно

разнообразии. У нас есть социалистические страны – ты про них только что спрашивал. Есть народные демократии – это Маньчжурия и Монголия. Россия, Германия и Япония развивают у себя государственный капитализм. В Штатах – капитализм классический, почти по Марксу – его еще иногда называют диким. Кое-где даже сохранился феодализм. Мало того, вождества и те есть! В Новой Гвинее. Наш император специально выпустил обращение, чтоб, значит, их никто не трогал, а то может получиться нехорошо.

Жан не знал, что такое «вождества», но решил не показывать дефекты своего образования, а вместо этого заметил:

– Ну, наверное, в вашем мире все же наличествуют не все возможные общественно-экономические формации. Коммунизма-то, нормального, а не первобытного, у вас нет? Или он невозможен?

– Как это нет? – удивилась Настя. – Ты же его сам видел и даже жил в нем! Что, по-твоему, в Гатчинском дворце не коммунизм? Там же вообще деньги не ходят, все бесплатное. На острове Городомля то же самое, да и почти во всех закрытых городах. Понимаешь, у вас теоретики марксизма допустили ошибку, заявив, что победа коммунизма возможна только в мировом масштабе. Как раз наоборот, по Кисину она возможна поначалу исключительно на небольших тщательно огороженных и хорошо охраняемых территориях! Иначе мгновенно самое ценное сопрут, а все оставшееся обгадят. Вернешься домой, почитай книжку Носова «Незнайка в Солнечном городе». Скорее всего, у вас ее переводили на английский. Так вот, там описано, что происходит с коммунизмом, если в него запустить хотя бы одного козла, то есть ишака. Спасти город смогло только чудо. Ну а у нас такие чудеса на постоянной основе творят СИБ, а также шестой и седьмой отделы охранного отделения МВД.

Глава 14

На третий день культурная программа знакомства гостя из еще одной Франции с российскими реалиями была почти выполнена. Оставалось провести всего две встречи. Наиболее важной Настя полагала вторую – с шаманом острова Пасхи. Интересно, кем он посчитает француза? Но до нее наблюдателям почему-то потребовалась еще одна, причем внепланово, так что принцессе пришлось спешно проявлять инициативу. Впрочем, требования особой сложностью не отличались – Жана нужно было познакомить с каким-то человеком, который сам по себе ему неинтересен, а вызовет любопытство в силу каких-либо внешних причин. Подумав минут пять, Настя решила свести Дюваля со своим пажом и давнишним воздыхателем, Патриком О’Рурком. Для повышения интереса представив его как своего потенциального жениха, что в принципе имело под собой какие-то, пусть и не самые бесспорные, основания.

Несколько дней назад Мария Федоровна поинтересовалась у дочери, как она смотрит на этого молодого человека в смысле замужества. Так как Настя уже знала, о чем будет разговор, и имела время к нему подготовиться, то с невинным видом сказала, что если того однозначно требуют государственные интересы, то она, как понимающая свои обязанности принцесса, противиться не будет. И единственное, что ее в этом случае интересует, – кто возьмет на себя труд выразить жениху соболезнования в связи с предстоящим событием. Ибо поздравления, как ей, Насте, кажется, уже в ближайшем будущем можно рассматривать только в качестве изощренного издевательства.

Мария Федоровна улыбнулась и сказала, что если бы дело обстояло именно так, то о планируемом замужестве Насте объявил бы отец. А ее, как мать, интересует именно мнение дочери.

– Тогда совсем другое дело, – кивнула Настя и выложила перед матерью пачку листов.

– Что это?

– Краткий перечень того, что должен хотя бы в общих чертах изучить этот достойный юноша, прежде чем я начну задумываться о нем как о потенциальном женихе.

– Но почему так много?

– Наоборот, мало, всего семь листов с двумя приложениями. У меня только за последний год учебный план был вдвое объемней.

– Дочь, ты можешь объяснить, что, кроме врожденной вредности, усиленной воспитанием, более подходящим мальчику, толкает тебя предъявлять такие требования этому весьма достойному молодому человеку?

– Именно последствия воспитания и толкают. Иногда хочется ощутить себя слабой женщиной, а не героиней Некрасова, которая и в горящую избу войдет, и кабана пристрелит на полном скаку.

– Там, кажется, было про коня. И его требовалось не пристрелить, а всего лишь остановить.

– Тогда тем более. И где мне прикажешь искать такого мужчину, рядом с которым я смогу с полным на то основанием почувствовать себя маленькой и слабой? Такие, как папа, на каждом углу не встречаются. Тебе повезло, но мне вполне может и не повезти, коли буду хлопать ушами. А раз чего-то нет в готовом виде, то это надо по-быстрому сделать из того, что есть! Вот я и пытаюсь в меру возможностей. На всякий случай – вдруг пригодится?

– М-да, запросы у тебя... Надеюсь, сама ты вручать ему эти бумаги не собираешься?

– Нет, это я попрошу сделать тебя, раз уж ты так симпатизируешь Патрику.

О’Рурк был представлен Дювалю как Настин друг из Ирландии, в настоящее время гостящий в Петербурге. После чего принцесса сообщила, что у нее возникли дела по службе, но ненадолго, самое большее на полчаса. Действительно, ей надо было подвести шамана к французу, потому как знакомой в Петербурге он считал только Настю, а в присутствии незнакомых людей сильно смущался.

Перед тем как вместе с шаманом вернуться к подопечному, принцесса понаблюдала за его беседой со своим воздыхателем. И осталась в некотором недоумении – если Патрик действительно рассказывает Дювалю о Насте, то почему он делает это с такой траурной рожей, как будто повествует о величайшей трагедии в своей жизни. Разве так ведут себя порядочные влюбленные, расписывающие кому-то многочисленные достоинства объекта своих возвышенных чувств?

«Интересно, дадут ли мне послушать запись разговора?» – подумала Настя и представила молодым людям верховного шамана с острова Пасхи.

На следующее утро Дювалю было объявлено, что его желает видеть Георгий Андреевич Найденов. Причем в официальной обстановке, то есть в приемные часы и в своем кабинете.

– Не знаешь, с чем это связано? – поинтересовался Жан у Насти.

– Разумеется, знаю. С тем, что ты хочешь вернуться в свой мир. Вот отец и намерен выяснить, какая от тебя может быть помощь в этом деле. Потому как совсем без нее открытие портала туда окажется скорее всего невозможным.

С немалым волнением молодой француз вошел в кабинет, в котором, как он недавно узнал, успели побывать почти все хоть сколько-нибудь значительные люди двадцатого века, в том числе даже король Англии Эдуард Седьмой, не говоря уж о руководстве всех трех Франций.

Канцлер встретил гостя у дверей кабинета, сразу предложив заходить и чувствовать себя как дома. Был он в парадном мундире, зеркальных очках и очень напоминал свой официальный портрет в журнале «Нива».

– Чего желаете – кофе или пива? – спросил Найденов, садясь напротив Жана.

Так как молодой француз уже имел возможность попробовать здешнего кофе, то он отважно попросил пива. Тут же в кабинете непонятно откуда материализовался человек, которого Жан только что видел в секретариате на первом этаже, и поставил на стол четыре бутылки и блюдо с местной сушеной рыбой. Дюваль вспомнил, как она называется – vobla. Практически так же звучало до недавнего времени неизвестное молодому французам русское словосочетание, которым канцлер, как правило, выражал глубокое недоумение пополам с неодобрением.

В начале беседы Найденов захотел уточнить некоторые моменты из истории того мира, откуда Дюваль прибыл на остров Пасхи десятого века.

– Значит, вы утверждаете, что Вторая мировая война закончилась в результате применения Америкой ядерного оружия?

– Да, об этом у нас все знают.

– В том-то и дело. Мне дочь рассказала еще об одном так называемом общеизвестном факте, с которым вы ее познакомили. Не откажетесь посвятить в тайну еще и меня – какое сражение переломило ход Второй мировой войны?

– Великая победа на атолле Мидуэй.

– А что в это время происходило в Сталинграде, вы не в курсе?

– Там был какой-то локальный конфликт русских с немцами.

– Да? Очень интересно. Но вернемся к первому использованию ядерного оружия. По каким целям у вас были применены бомбы?

– Они были сброшены на Киото и Иокогаму.

– Вы уверены? Прошу прощения, если невольно вас обижаю, но ваше

предыдущее утверждение – оно, как бы это помягче сказать...

– Я понимаю, что вы имеете в виду. В нашем мире тоже некоторые считают, что решающий вклад в победное завершение Второй мировой войны внес Советский Союз, разгромив основные сухопутные силы Германии. Но это все же вопрос пропаганды, то есть факты можно интерпретировать так, а можно иначе. Однако самим их отменить не получится. Независимо от того, где произошло решающее сражение, победа союзников в войне – это бесспорный факт. И точно таким же является то, что бомбардировке были подвергнуты именно Иокогама и Киото. А вовсе не Токио и не какой-нибудь Нагасаки.

Тут канцлер озвучил название сушеной рыбы, но было совершенно ясно, что он подразумевает вовсе не ее. А потом пробурчал что-то, из чего немного знающий русский язык Дюваль смог понять, что некие неведомые пиндосы совсем озверели. Впрочем, насчет последнего слова Дюваль не был уверен – вполне возможно, что Найденов произнес не его, а какое-то созвучное.

Помолчав, канцлер сменил тему:

– Дочь говорила мне, что вы хорошо рисуете. Это правда?

– Смею надеяться, что да. И если портреты у меня получаются все же несколько хуже, чем у Анастасии – она умеет всего несколькими штрихами передать сходство, – то пейзаж я, говорю это без ложной скромности, смогу нарисовать лучше ее. Особенно если не надо будет куда торопиться.

– Ну что вы, торопить вас никто не собирается. Просто для вашего возвращения домой необходимы как можно более тщательно написанные пейзажи того места, откуда вас перенесло в десятый век. Составьте список всего, что вам для этого понадобится, – ну там кисти, карандаши, холсты всякие...

– Э... я, конечно, умею рисовать и классическими методами, но вообще-то предпочитаю создавать свои полотна на компьютере. Но раз уж их у вас нет...

– Почему? Очень даже есть. В ваше распоряжение будет предоставлен ноутбук со всем необходимым железом и софтом для данной цели. У нас, знаете ли, королева-императрица тоже любит рисовать именно таким способом.

В это же время и в этом же Гатчинском дворце, но только в противоположном крыле, в другом начальственном кабинете принцессу тоже расспрашивали насчет ее художественных способностей. Директриса ДОМа, а заодно и СИБа Татьяна Викторовна Князева предложила девушке:

– Набросай, пожалуйста, портрет этого француза, но такой, каким он,

по твоему мнению, станет ближе к старости.

В отличие от Дюваля, Насте для этого потребовалось совсем немного времени, и уже через пять минут директриса рассматривала карандашный рисунок. Причем внимательно, потому как уже имела возможность убедиться, что Настя действительно умеет довольно точно предугадывать изменения человеческого лица с возрастом. Потом, отложив рисунок, она достала из папки другой и положила его перед принцессой.

– А вот таким, как ты думаешь, он стать не сможет?

– Разве что в результате пластической операции. Здесь действительно изображен в молодости немного напоминавший Дюваля человек, но это совершенно точно не он. Кстати, этот тип похож не только на Жана. Если присмотреться повнимательнее, то можно заметить, что разрез глаз у него мой. Неужели не видно? Пожалуй, если бы я вдруг совсем рехнулась и вышла замуж за Дюваля, то так лет в шестьдесят мог бы выглядеть наш сын. И... где-то я его нос видела. А, вспомнила – очень похожие шнобели у статуй на острове Пасхи.

– Примем к сведению, – вздохнула Князева.

Однако Насте показалось, что ее начальница с трудом удержалась от того, чтобы тут же не доложить кому-то об услышанном. А кому она могла докладывать, кроме отца?

Принцессе ни о чем не говорил второй рисунок. Но канцлер, например, два месяца назад сразу узнал на нем человека, в свое время приезжавшего к его гаражу на скутере – китайской копии «Кимко Кобры».

Вечером принцесса была приглашена на ужин к канцлеру, в его рабочий кабинет. Она была несколько этим обескуражена и сразу взяла быка за рога:

– Пап, ведь у вас уже есть давняя традиция – вы ужинаете с императором. А когда, как сегодня, он не может, то ты ешь в кругу семьи. У тебя уже не тот возраст, чтобы без последствий для здоровья сочетать служебные дела с приемом пищи.

– Охренеть, мне тут еще родная дочь будет про возраст что-то вкаты. Не бери пример с матери, которая этим давно занимается. Ей можно, у нее первый муж умер в расцвете сил, вот и образовалось нечто вроде безобидной фобии. И вообще, госпожа старший ликтор, где вы тут видите ужин? Сейчас вас поставят в известность о грядущем задании. Только потом нам принесут пожрать, и мы начнем употреблять пищу. В молчании, чтобы некоторые, как в детстве, себе платье соусами не облили и мордашку котлетами не испачкали. Затем всякие малолетние нахалки отправятся спать, а вопросы, если они вдруг появятся, можно будет задать утром.

В этот вечер император действительно был занят и не мог приехать к канцлеру, но назавтра, как уже почти двадцать лет, они ужинали вместе.

– Значит, решил отправить в еще один двадцать первый век свою дочь, – полувопросительно-полуутвердительно заметил Георгий.

– Разумеется, не тебя же туда посылать? И уж тем более не Владимира. Но вот на Пасху десятого века ему с нами сходить не помешает. Из тех соображений, что если с Настей случится какая-нибудь неприятность, связанная с потерей сознания, ее было кому оттуда вытащить.

– Это понятно, но Вовка туда не пойдет. Хотя бы потому, что аварийный портал если и придется открывать, то это будет внезапно и наверняка в незнакомое место. Вы же с ним открывали всего два раза. А мы с тобой – давно сработавшаяся пара, в свое время ухитрились открывать даже в космос.

– Но, разумеется, это не основная причина, – усмехнулся канцлер.

– Основная, не основная, какая разница? Главное, что она вполне оправдана теми соображениями, которые я уже высказал. И ты, как мне кажется, с пониманием отнесешься к желанию буквально чахнувшего на работе императора посетить прекрасный остров посреди океана. А то ведь я уже пятнадцать лет нигде не был, кроме Питера, Москвы и Крыма!

– Нет, не пятнадцать, ты же еще в двенадцатом году в Смоленске награждал ветеранов.

– Ага, не выходя из поезда. И от кого я это слышу? От человека, постоянно мотающегося в Ирландию, на Канары, Гавайи, в Израиль и еще черт знает куда. Эгоист! В общем, решено – с вами иду я. На сколько времени мне собираться?

– Настя по плану там пробудет двое суток, так что у нас пройдет около четырех.

– Плюс мне потом не помешает немного отдохнуть после четырехсуточного бдения, итого неделя. Как там под водой, кораллы есть, не обращал внимания?

– Насчет кораллов не знаю, а вот акулы точно есть. Сожрут-с, ваше величество.

– Ничего, они, насколько я в курсе, очень редко нападают на дайверов. Кроме того, со мной на острове будет большой специалист по обеспечению безопасности царственных особ, ему и карты в руки.

На компьютерное рисование у Жана ушла неделя, а потом канцлер с удовольствием рассматривал результат его трудов – панораму небольшой бухточки неподалеку от Ханга-Роа.

– Да, – резюмировал Найденов, – не перевелись еще, оказывается, настоящие художники. Это вам не какой-нибудь Пикассо или Дали! Если бы точно не знал, что передо мной рисунок, обязательно принял бы за фотографию. Молодцом, теперь ваше скорое возвращение домой обретает черты реальности.

Дюваль слегка покраснел, услышав заслуженную похвалу.

– Если у вас нет других пожеланий, то послезавтра отправляемся, – продолжил канцлер.

– Что вы, конечно нет. Как говорится, в гостях хорошо, тем более у столь гостеприимных хозяев, но дома лучше. Вот только... я вообще не знаю, стоит ли об этом говорить...

И Дюваль, впрочем, довольно бессвязно, рассказал, что ему кажется, будто он перенесся на остров Пасхи десятого века не сразу. Сначала он попал в какое-то очень похожее, но все же иное место. Там тоже был почти такой же лес и почти такая же гора, но лес выглядел мельче и реже, а гора – больше. И главное, он там себя как-то очень странно чувствовал...

– Мне сначала показалось, что умер и попал в рай, – задумчиво поведал молодой француз. – Но потом я испугался, запаниковал, метнулся куда-то и оказался там, где следующим утром меня нашла ваша дочь.

– Возможно, вам померещилось, а на самом деле это просто была реакция на внезапный переход в иной мир, – без особого интереса предположил Найденов. Канцлер давно уже отучился от какого-либо неконтролируемого проявления эмоций, особенно в беседах с людьми, от которых еще неизвестно, чего можно ожидать.

Отправление на остров Пасхи десятого века произошло из подвала Гатчинского дворца и довольно большой командой – канцлер, император, принцесса, полувзвод морской пехоты и отделение боевых пловцов. И, разумеется, Дюваль. Переход был открыт в то же место, откуда не так давно покинули остров Настя, Александр и Жан.

– Сегодня разбиваем лагерь здесь, – распорядился канцлер, – а завтра с утра выдвигаемся в ту бухточку – оттуда, пожалуй, открывать переход в мир Жана будет удобнее. Дочь, показывай, где тут у вас что. Ведь ты здесь по сравнению с нами старожил.

Следующий день начался с восьмикилометрового перехода по редкому лесу, и, наконец, около той самой бухточки канцлер начал разворачивать какую-то переносную аппаратуру. Что-то сказал дочери, она подошла к нему, и вдруг примерно в метре от земли на фоне здешней зелени появился светлый круг сантиметров пятнадцати в диаметре. Жан, оцепенев, увидел по ту сторону океан, а на берегу – маленький кустик, точно такой,

как на его рисунке. Только в круге ветки ощутимо раскачивались на ветру.

Найденов поднес к дыре в будущее какой-то прибор, потом кивнул Насте, и окно захлопнулось.

– Не волнуйся, – обернулась принцесса к Дювалю, – все идет штатно. Просто, как говорит папа, сначала лучше открыть небольшой переходик, чтобы уточнить некоторые параметры. Ну а минут через десять откроется полноразмерный.

Действительно, канцлер собирался сначала кое-что уточнить. А именно – скорость протекания времени в том мире, когда там нет никого из известных открывателей. Для чего через мини-портал был заброшен хронометр с передатчиком.

– Не передумала идти со мной? – шепотом спросил принцессу Дюваль.

– Нет, что ты. Это же такое приключение! Минутку, меня снова отец зовет.

И вот наконец открылся полноразмерный портал.

– Ноль, – облегченно сказал канцлер, глянув на пульт. Это означало, что время в том мире стояло с прошлого открытия, то есть никаких открывателей в нем не имелось. – Дочь, работай.

– Жан, ну что же ты стоишь? Пошли! Или тебе не хочется назад в свой мир? Я так просто сгораю от нетерпения.

Глава 15

Портал за спинами молодых людей закрылся, и принцесса с интересом огляделась. Ну что же, картина вполне соответствует ожидаемой. Не такая разруха, как в начале двадцатого века, но и не совсем так, как в том двадцать первом веке, с которым у Российской империи были регулярные сношения. И Настя уже выяснила, отчего так. Просто в знакомом ей мире американцы построили на острове Пасхи аэродром с длинной бетонированной полосой в качестве резерва на всякий случай для внештатной посадки «Шаттлов». А здесь они решили сэкономить, так что даже в две тысячи шестнадцатом году на остров можно было попасть только морским путем. Что привело к заметному уменьшению количества туристов на острове и, как следствие, замедлению темпов развития его экономики. Средств не хватило даже на статуи! То есть здесь их стояло раза в три меньше, чем в знакомом принцессе будущем.

Разумеется, незнакомые с географией острова Пасхи люди могут сказать, что пассажировместимость кораблей куда выше, чем самолетов. И что даже средний круизный лайнер привезет их существенно больше, чем под завязку набитый «Боинг-747».

Однако кораблю мало приплыть в воды неподалеку от острова. Ему надо еще куда-то пристать, а с этим на острове было довольно-таки плоховато. В единственную полностью защищенную бухту впритык помещались шесть лодочек, да и то с небольшой осадкой. Самая крупная бухта острова – Анакена – была открыта для часто дующих в этом районе северных ветров, а глубина ее позволяла нормально приставать к берегу только десантным катерам и специальным плоскодонным баржам, по форме напоминающим калошу.

В общем, морским путем попасть на остров в заранее оговоренное время удавалось не всегда. Иногда кораблю приходилось по двое, а то и трое суток крутиться вокруг него, ожидая, пока ветер изменится и позволит совершить высадку и выгрузку. Но чаще судно просто плыло дальше, в лучшем случае отложив посещение острова Пасхи до обратного пути.

В силу вышперечисленных причин здешний остров представлял собой нечто среднее между тем, на котором Настя побывала в своем времени, и тем, фотографии которого ей во множестве показывал отец.

– Пошли в гостиницу? – предложил Жан.

– Да, конечно, – кивнула Настя, поправив объемистую сумку через плечо.

При себе у девушки был безукоризненно изготовленный загранпаспорт Российской Федерации с открытой чилийской визой. Правда, сделан он был по образцу того мира, из которого происходил канцлер Найденов, но, судя по документам Дюваля, в этом мире они не отличались. Однако даже если вдруг отличия и есть, то откуда на острове Пасхи могут знать, как именно должен выглядеть российский паспорт? В данный момент, как утверждал молодой француз, здесь не было ни одного туриста из России.

По легенде Настя являлась дочерью эксцентричного русского олигарха, совершающего кругосветное путешествие на личной подводной лодке, которая и высадила захотевшую несколько дней погулять по твердой земле девушку на остров. А потом, ясное дело, заберет ее обратно. Впрочем, Дюваль утверждал, что Настю никто не станет спрашивать, откуда она тут взялась.

Деньги на два дня проживания тоже давал Жан, причем он порывался сделать это задаром, в благодарность за свое возвращение в родной мир. Однако канцлер настоял, чтобы молодой француз принял пару антикварных браслетов с полудрагоценными камнями, в сумме стоящих примерно пятнадцать тысяч здешних американских долларов.

Гостиница оказалась довольно большой, на полтора десятка номеров, из которых заняты были только четыре. Она представляла собой длинный полуторазэтажный сарай, построенный из тонких реек и картона у самого берега, на выступающем в океан утесе.

– Кто же ее догадался тут приткнуть, ведь это до первого приличного шторма, – удивилась девушка.

– Так сильные штормы бывают тут только зимой, когда нет отдыхающих, – пояснил Дюваль. – А каждую весну гостиницу ремонтируют, это нетрудно. Зато место очень красивое.

Портье, он же коридорный, садовник и один из совладельцев гостиницы, без всяких вопросов заселил принцессу в двухкомнатный номер рядом с точно таким же молодого француза. Хотя можно было заметить, что ему все-таки было любопытно – откуда здесь появилась девушка. Но труженик гостиничного сервиса сдержался, причем понятно отчего. При том «наплыве» посетителей, что имел место сейчас, рисковать потерять даже одного клиента было несусветной глупостью, ибо Настя вполне могла частным образом снять полдома или даже весь дом у местных жителей.

Основной задачей принцессы было залезть в Интернет и за два дня

попытаться скачать максимум информации об этом мире. И первое, что требовалось проверить, – будет ли здешняя Сеть совместима с Настиным ноутбуком.

Вопрос прояснился через десять минут после заселения в номер – нет, не будет. Однако оказалось, что Настины флешки прекрасно подходят к ноутбуку Жана, так что он предоставил его в полное распоряжение девушки. Француз был готов даже подарить его, но это не потребовалось.

Настя с минимальными перерывами, во время которых она делала легкую разминку, не выходя из номера, просидела в Сети до девяти вечера. У нее уже сложилось первое впечатление об этом мире, которое она для себя выразила словами «ничего особенного, могло быть и хуже». В девять зашел Жан и пригласил поужинать на веранде гостиницы. Не из соображений экономии, а потому что здесь была лучшая кухня на острове. И заказ француз сделал, совершенно не обращая внимания на стоимость блюд и напитков. В ответ на вопрос Насти он заявил:

– Ты самая необычная девушка из всех, что мне встречались. Жаль, что наше знакомство не будет иметь продолжения, но для того, чтобы у тебя остались хотя бы приятные воспоминания, мне не жалко никаких денег.

– Спасибо за комплимент. Не знаешь, что за хмырь сидит через один столик и пытается решить, что ему более интересно – мои ноги или его недопитый стакан?

– Это американец, довольно неприятный тип, но я не думаю, чтобы он здесь позволил себе что-нибудь неподобающее.

– Только здесь? Нет, меня больше устраивает, если вообще нигде и никогда. Не можешь спросить у официанта, как он отнесется к тому, что одна посетительница слегка поцарапает стену? Само собой, с полным возмещением ущерба. И попроси у него на пару минут мелок, которым он писал меню на доске.

Жан сходил к официанту и вскоре вернулся с мелком. Настя встала, прошла к дальней от их столика стене и нарисовала на ней глаз чуть больше натуральной величины. Когда она вернулась, перед их столиком уже стоял американец.

Принцесса успела выяснить, что в этом мире отношения между Россией и Америкой были несколько хуже, чем в знакомом ей будущем. И, соответственно, настолько же хуже средний американец относился к среднему русскому.

– Мадемуазель скучает? – осведомился подошедший тип. – Позвольте представиться – Джон Рибок, Чикаго.

– Анастасия Рабинович, Москва, – кивнула Настя, садясь на свое место и беря в руки вилку. – Нет, что вы, мне не скучно. И я надеюсь, что скоро станет совсем весело.

Говоря это, принцесса слегка подкинула вилку, уточняя баланс, и пальцами проверила прочность зубьев на изгиб. Очевидно, результат ее удовлетворил, потому как она широко улыбнулась:

– Мы, русские, очень любим веселиться по-русски. И американцев тоже прямо-таки обожаем.

И неуловимым движением метнула вилку. Столовый прибор вонзился точно в нарисованный глаз, причем с такой силой, что зубья ушли в дерево по самое основание.

Принцесса поглядела в глаза собеседнику. В спецшколе ее учили передавать эмоции и посылы взглядом. И то ли она оказалась отличной ученицей, то ли ей попался особо чувствительный клиент, но американец вдруг ясно понял, что эта бешеная русская при малейшем поводе с его стороны с превеликим удовольствием не только вобьет ему по вилке в каждый глаз, но еще напоследок кастрирует тем самым тупым ножом, которым она только что кромсала отбивную.

Турист из Чикаго задом сделал несколько шагов и плюхнулся на свой стул.

– Какая жалость, – чуть громче, чем требовалось для того, чтобы ее услышал Дюваль, резюмировала принцесса. – Кажется, мне так и не удалось как следует повеселиться. Но тогда, наверное, не помешает слегка запить разочарование. Жан, с моей стороны не будет наглостью попросить тебя заказать бутылку водки? Вон ту, литровую, что стоит с краю.

Офигевая, молодой француз выполнил просьбу дамы. Американец, квадратными глазами оглядев сначала Настю, а потом бутылку, залпом допил свой стакан, бросил на столик пару бумажек и поспешно вышел.

– Ты что, собираешься все это выпить? – с опаской поинтересовался француз, на всякий случай севший не на свое место рядом с принцессой, а напротив нее.

– А чего тут пить? – удивилась девушка, но, увидев, что американец уже свернул за угол, рассмеялась: – Шучу, не волнуйся, мне вообще пить еще нельзя в силу возраста. Но должна же я принести отцу хоть какой-то сувенир из своего вояжа! Кстати, напомни мне, если я совсем заработаюсь, что и для мамы тоже нужно что-нибудь такое... этакое... в общем, экзотическое.

Ночью состоялся сеанс связи с канцлером.

– Кое-что я уже сумел разглядеть, – сообщил Найденов, – и думаю, что у тебя все в порядке. Соотношение времен показывает, что Дюваль уже не половинка открывателя, а немного побольше, примерно ноль восемь. Но все равно еще не целый. И напоследок – ты уверена, что правильно поступила с этим янки?

– Абсолютно. Мне же надо, чтобы завтра никто не путался под ногами, только и всего. А эффект от моего представления уж один-то день точно продержится.

Здесь принцесса оказалась не совсем права – ее выходка произвела большое впечатление как на островитян, так и на отдыхающих, так что эффекта хватило на гораздо большее время, чем один день. Настолько, что администрация гостиницы не только не стала вытаскивать вилку из стены, но приколотила вокруг нее наспех сделанную за ночь рамку и переставила столики так, что получившийся натюрморт стало лучше видно. Кроме того, всему персоналу была вручена отпечатанная памятка – что именно рассказывать посетителям о визите русской, наверняка являвшейся офицером знаменитого КГБ. Ибо кто еще будет приплывать на остров Пасхи на подводной лодке?

На следующий день принцесса после шести часов непрерывной работы немного прогулялась по острову с молодым французом. Особого интереса у нее ничего не вызвало – она видела это место во времена расцвета, своими глазами наблюдала процесс умирания, по фотографиям, предоставленным отцом, могла оценить результаты реанимации. Ну а тут – нечто среднее. Остров и не умер до конца, и толком не ожил. Так, какое-то промежуточное состояние, ни то ни се.

Вечером принцесса даже не вышла ужинать, Жан принес еду ей в номер. Ведь завтра с утра надо было возвращаться, а нескаченных интересных материалов оставалось еще довольно много. Настя закончила работу в два часа ночи и успела немного вздремнуть до того, как запищал будильник.

Жан ждал ее перед дверью, и они направились туда, где молодой француз ловил рыбу, а потом вдруг неожиданно оказался в десятом веке.

Когда они уже подходили к бухточке, Дюваль наконец решился и с видимым трудом, подбирая слова, произнес:

– Настя, я хотел сказать... в общем, я никогда не встречал никого, подобного тебе. И, наверное, уже не встречу. Но мне нет места в вашем мире, а тебе, как я понял, больше нечего делать в нашем. Ты же его изучала и, похоже, не нашла ничего достойного внимания. Но знай, что я тобой восхищаюсь и никогда не забуду. Я видел много детей элиты и постарше

тебя, но все они в лучшем случае готовились со временем устроиться работать под крылом у родителей, а то и вовсе не собирались заниматься ничем, кроме прожигания жизни. Ты же – офицер и служишь державе. Наверное, даже рискуешь жизнью... и ты очень красивая. Прощай, я буду помнить тебя всю жизнь.

– Спасибо и тоже прощай, – улыбнулась принцесса, приподнялась на цыпочки, быстро поцеловала Жана в щеку и шагнула вперед, где перед ней уже раскрылся портал в десятый век.

Анастасии и Жану действительно больше не суждено было увидеться, но встреча с принцессой из иного мира оказала решающее влияние на всю дальнейшую жизнь Дюваля.

Когда он, покинув остров Пасхи, в задумчивости шагал по улице Сантьяго к остановке экспресса до аэропорта, впереди вдруг мелькнула знакомая тоненькая фигурка.

– Настя?! – в полнейшем изумлении крикнул Жан.

Девушка обернулась. Нет, разумеется, это была не Настя. И даже не очень похожа. Но у нее была точно такая фигура, как у принцессы, один в один совпадающая походка и почти такие же глаза.

Молодые люди познакомились. Оказалось, что девушку зовут Элис, она американка, а в Чили приехала как турист и скоро собирается обратно.

Через полгода они поженились, а еще через десять месяцев у них родился сын Роберт. Жили молодые в США, в городке Биллингс, сначала у родителей Элис, а потом и в собственном доме.

Роберт рос смышленным и развитым ребенком, и он с детства увлекся биологией. Однажды Жан нашел в его комнате кусок листа какого-то смутно знакомого растения. Однако вспомнить, что это ему напоминает, удалось только поздним вечером.

Это был фрагмент листа гигантской пальмы. Уже четыреста с лишним лет как полностью вымершей, а в десятом веке росшей только на острове Пасхи.

Жан решил прямо с утра спросить у сына, что это значит, но не успел. В пять часов с минутами началось извержение Йеллоустонского супервулкана. Жан и Элис Дюваль погибли, даже не успев проснуться, Роберт пропал без вести.

Глава 16

В очередной раз оглянувшись на Гошу, я решил немного сбавить темп – тот, что поддерживался с самого начала, оказался слишком высоким не только для него, но, что меня отдельно огорчило, и для Володи тоже был близок к пределу возможностей.

Мы пробежали примерно две трети замкнутого двухкилометрового маршрута в окрестностях бухты Анакена. Темп задавал я, и примерно такой, в каком почти каждое утро бежал по Гатчинскому парку.

Для Насти это была вообще не нагрузка – она скакала вприпрыжку, часто отбегала в сторону, обнаружив что-нибудь интересное, и при этом успевала болтать, совершенно не сбивая дыхание. Конечно, с чего ей напрягаться – ноги длинные, вес сорок пять кило, физподготовка отличная – в общем, идеальный набор для бега на средние дистанции.

Цесаревич Владимир тоже бежал терпимо, но все-таки не так легко – у него и конституция помассивней, и учили его в школе императорских комиссаров не на полевого агента. А вот его величество явно переставлял ноги из последних сил. Правильно ему Маша постоянно капала на мозги, что пора немного похудеть, но предлагала совершенно неприемлемые методы решения данной проблемы, ибо ограничивать здорового мужика в еде – это против всех законов природы. И вообще садизм, если копнуть поглубже. Нет, тут надо не переводить объект на гречку без соли и без масла, а обеспечить нормальные физические нагрузки! И, разумеется, под хорошую жратву. Кстати...

– Дочь, ты бежать вроде пока не очень запыхалась?

– Да нет, а разве мы бежим? Мне казалось – просто гуляем.

– Хватит ехидничать, лучше отбеги в сторонку и осмотришь на предмет – чем мы будем завтракать. Или кем, это в зависимости от аппетита.

Только узнав про возможность открытия порталов в десятый век, я сразу решил, что это получилось очень кстати. Потому как лично у меня уже не хватало времени на поддержание нормальной физической формы – в среднем пробежки удавалось совершать примерно четыре раза в неделю, хотя вроде бы полагалось каждый день. У Гоши дела обстояли еще хуже, так что я поставил вопрос ребром, и император без особых трепыханий согласился. Он и сам чувствовал, что ведет довольно нездоровый образ жизни, да и возможность вырваться от дел на экзотический остров его тоже

весьма прельщала. А если туда отправятся все четыре открывателя порталов, то время что в двадцатом, что в двадцать первом веках будет стоять. Правда, оно продолжит как-то ползти в мире Жана, но нас это не очень волновало. Поэтому я продавил решение – в целях поправки здоровья правящей верхушки империи в ближайшие два месяца она, то есть верхушка, переходит на режим «сутки здесь – сутки там». Здесь, то есть на острове Пасхи, мы будем вести здоровый образ жизни. В частности, питаться только тем, что добыли сами, причем без применения огнестрельного или пневматического оружия. Никаких продуктов из двадцатого века захвачено не было.

Из этих соображений я и предложил Насте что-нибудь добыть по дороге, имея в виду плоды местной гигантской пальмы. Но она, кажется, решила поохотиться на кого-то более калорийного и питательного.

Когда мы добежали до бухты и принялись ходить по берегу, успокаивая дыхание, из леса появилась Настя. Она несла связку из здешней нелетающей птицы и пальмового персика. Птица, которая вроде называлась пастушком, но лично мне казалась курицей, тянула килограмма на два, персик – на кило.

– Думаю, на завтрак нам хватит, – предположила дочь, выкладывая добычу перед костром.

Никаких видимых повреждений, кроме свернутой шеи, пастушок не имел, то есть Настя добыла его голыми руками, не вытаскивая тесака из ножен.

После завтрака мы с Гошей должны были заготовливать бревна для постройки избы, причем вручную, без применения всяких там бензопил, шуруповертов и электролобзиков. Володя достал было конспект по военной экономике, но Настя всучила ему острогу и сказала, что сейчас они пойдут за рыбой. А то ведь она мало того что сама из океана не выпрыгнет и к костру не подползет, так ее после поимки еще и чистить придется.

Не знаю, какова рыбалка с острогой в качестве физической нагрузки, но мы с Гошей заметно умотались. Впрочем, «мы» – это имело примерно такое же отношение к действительности, как широко известное выражение «мы пахали». Император явно решил доказать, что он, в отличие от своего пребывающего в преклонном возрасте канцлера, еще очень даже о-го-го. Я, естественно, не возражал, и Гоша махал топором за двоих, в результате чего вечером еле дополз до лагеря, где нас уже ждал ужин.

– Ох, – тяжело вздохнул его величество, пытаясь поудобнее устроиться на корточках, – а кто-то обещал мне сплошные положительные эмоции!

– Обещал, – подтвердил я, – и, как всегда, сдержал обещание. Ты уже скоро сутки как не вспоминаешь ни про какие государственные, финансовые или прочие дела. То есть если сказать, как оно есть, без экивоков, то положил на все большой и толстый хрен. И теперь утверждаешь, что это не те самые эмоции? Нет, ты не прав из чисто грамматических соображений. Положил – значит, они положительные. А чтобы не ерзать, сядь не на землю, а на вон то полено, станет куда удобней.

После ужина умотавшиеся император с наследником сразу завалились спать, а мы с Настей еще довольно долго сидели у костра, любовались на звездное небо и беседовали.

– Все-таки мне кажется, что по поводу Жана было принято не самое оптимальное решение, – высказалась дочь. – Его надо было обаять и оставить у нас.

– Насколько мне известно, первый пункт уже выполнен, – уточнил я. – И зачем тогда второй, который сможет нивелировать его результаты? Люди, знаешь ли, часто не любят, когда кто-то решает за них, как им жить. Сейчас же все замечательно. Или ты считаешь, что если отправишь ему по электронной почте предложение о встрече, то он не помчится на нее?

– Ну, помчаться, может, и не помчится, но приедет обязательно. Если, конечно, звать его в ближайшее время, а не через несколько десятков лет.

– Не страшно, учитывая, что, когда он там один, их время течет заметно медленнее нашего. Но ты явно хотела задать еще один вопрос – а почему с ним не произошло никакого несчастного случая? Ведь эти персики с пальм на Пасхе так и падали, один-другой вполне могли свалиться ему прямо на макушку. Так?

– В какой-то мере... ведь он открыватель, причем нам не подконтрольный!

– Он, во-первых, всего лишь какая-то странная личинка открывателя, но это не важно. Мы же не потому ведем себя порядочно и не собачимся попусту, что я формально подчинен императору, ты – мне и ему, Володя тоже, только в обратном порядке? А потому, что мы люди, делающие общее дело. Так вот, дочь, запомни: людей убивать нельзя! Можно только врагов и мерзавцев. И к какой категории ты можешь отнести этого француза?

Настя молчала.

– Кроме того, ты упускаешь из виду еще одно соображение, – продолжил я. – Сама же скачивала материалы о том мире! Их еще пока толком не изучили, но уже ясно, что там содержатся важнейшие сведения о будущем, ждущем тот двадцать первый век, с которым мы до сих пор

контактировали. Одни сведения о распаде Украины чего стоят! Разумеется, их история немного отличается от нашей, но только мелкими деталями, так что тут, скорее всего, у нас... то есть у них... блин, сам запутался, кто где! В общем, в четырнадцатом году моего родного мира события скорее всего начнутся так же, как в мире Жана.

– Только начнутся?

– Если мы не вмешаемся, то не только. Но, как по-твоему, в шестнадцатом году жизнь вообще кончится и нас не кольшет, что будет дальше? Лично меня, например, весьма волнует проблема глобального потепления. Будет оно или нет? Или похолодания, некоторые ученые предсказывают именно его. Опять же не исключено, что там какой-нибудь метеорит почище Тунгусского свалится. И увеличить скорость просмотра совсем нетрудно – достаточно просто проводить оздоровительные мероприятия не в десятом веке, а в мире Жана, на каком-нибудь необитаемом островке. Тут их не так уж мало, нам ведь годятся и совсем маленькие. Но стартовать в любом случае придется с острова Пасхи. Сейчас там спокойно, но, если бы француз бесследно исчез, начались бы поиски, то есть совершенно нам не нужный ажиотаж.

– И это ты все придумал за то время, пока мы с Сашей куковали в десятом веке?

– Разумеется, не наобум же шарахаться в спешке? Мне, знаешь ли, должность не дает принимать необдуманных решений.

– Я как-то о предсказании природных явлений не думала...

– Вот поэтому я канцлер, а ты пока всего лишь старший лектор. Но если это тебя утешит, то я в твои годы вообще был просто мелкой шпаной и больше никем. Кстати, у меня к тебе есть небольшой вопросик.

Он был связан с тем, что дочь привезла из шестнадцатого года просто огромное количество материалов. Возможно, когда-то я найду время сам разобраться в них, но пока этим занимались Танечкины сотрудники – они сортировали информацию и составляли краткие дайджесты. Но ведь дочь хоть мельком, но должна была видеть большую часть того, что скачала! И меня, естественно, ее мнение тоже интересовало, поэтому я спросил:

– Что лично тебя там потрясло больше всего?

– Небритая тетка, взявшая первое место на «Евровидении», – без всякой заминки ответила Настя. – Омерзительное зрелище! Даже у тебя, наверное, может появиться рвотный позыв, когда согласишься.

Вообще говоря, меня такой ответ несколько удивил. Я честно попытался представить, что там могло показаться дочери столь

отвратительным, но к однозначному мнению не пришел и решил уточнить:

– Она что, выступала без трусов и без юбки или просто в декольте до колен?

Этот вроде бы естественный вопрос вызвал у Насти некоторое замешательство. Примерно полминуты она растерянно хлопала глазами, а потом расхохоталась:

– Пап, да она не там была небритой, где ты подумал, а сверху! На физиономии у этого существа борода росла, черная такая. Главное, поначалу съемка шла издали, там видно было только стройную девушку. И голос очень даже ничего. Я глаза ненадолго прикрыла, потому как долго уже перед ноутбуком сидела, а за это время камера приблизилась к картине, так что лицо стало занимать весь экран. Вот, значит, открываю глаза, а там... блин, чуть со стула не свалилась. В общем, это оказался какой-то трансвестит недоделанный. Жертва операции по смене пола, только из кого в кого, я так и не поняла. Наверное, из человека в бабуина. Прямо-таки натуральное недостающее звено, которое никак не могут найти антропологи.

Я попытался, как мог, представить себе эту картину. Значит, стройная девушка в умеренно открытом платье. Бюст, наверное, где-то размера четвертого или пятого, покрытый черной курчавой шерстью. И окладистая борода лопатой. Нет, пожалуй, на ночь глядя такое действительно лучше не смотреть, да и с утра тоже пусть это Танечкины девочки лицезреют в целях дополнительной закалки нервной системы. А у меня она и без того закаленная, так что обойдусь.

Что интересно, эта история имела несколько неожиданное продолжение. Полночи мне снились бородатые бабы, почему-то до синевы выбритые снизу. Я даже пару раз просыпался чуть ли не в холодном поту, а с утра мы, как и было запланировано, вернулись в Гатчину. Где Мари сразу после завтрака отвела меня в сторонку и заметила:

– А знаешь, на тебя путешествие в десятый век подействовало очень даже благотворно. Ты все утро на меня так смотрел, что я себя снова почувствовала женщиной, а не престарелой королевой-бабушкой! Может, ты туда на подольше будешь ходить? И меня с собой возьмешь, мне тоже не помешает время от времени вести здоровый образ жизни.

Не могу сказать, насколько похожая беседа произошла между императором и королевой-императрицей, а по совместительству еще и госпожой президентом, но на ужин ко мне они явились вместе. И Маша поведала, что тоже хочет на остров Пасхи. Причем свое заявление она сделала, не отрываясь от тарелки, и сожрала за ужин полторы порции

макарон по-флотски. А они, между прочим, рассчитывались исходя из моего аппетита, отсутствием которого я не страдал никогда в жизни! Потом вообще выпила бутылку пива, чем повергла в ступор его императорское величество. Мне же оставалось только сделать вывод о явном вреде диеты для женского организма – про мужской я знал и до этого.

Тогда же мы решили, что день через день – не самое оптимальное расписание для путешествий на природу. Лучше будет неделю через неделю, то есть каждую субботу вечером всей компанией двигать на берег Тихого океана.

Я, разумеется, был рад, что супруга решила составить нам компанию. Ведь, в отличие не только от нас с племянницей Машей, но и от своего сына, она никак не могла полностью отойти от привитых с детства сословных ограничений. И даже на шашлыках в Гатчинском парке ни на секунду не забывала, что она в первую очередь вдовствующая императрица и действующая королева. Я, разумеется, не намекаю, что ей следовало немедленно нажраться до поросычьего визга, наподобие тех дам попроще и подешевле, что мы брали с собой на мотопикники в молодости. Но все-таки, например, есть шашлык так, чтобы не дай бог ничего не испачкать, – это уже излишество. И я надеялся, что на острове Пасхи десятого века, где все только свои, ближайшие чужие в трех с лишним тысячах километров, Мари будет чувствовать себя посвободнее.

Так оно и оказалось. К вечеру у моей благоверной даже появилось какое-то странное выражение на лице, которое я поначалу никак не мог идентифицировать, но потом вспомнил: именно такое было во время нашего первого полета на «Святогоре», когда мы поднялись выше облаков. Тогда пятидесятилетняя женщина вдруг стала чем-то неуловимо напоминать девочку, вопрошающую: неужели мы действительно попали в сказку?

– Так оно и есть, – подтвердил я ее невысказанное предположение.

– И главное, я знаю, кто авторы всего этого дела, и ничего против них не имею, – усмехнулась супруга. – А то ведь иногда как бывает – прочитаешь что-нибудь возвышенное, а потом познакомишься с творцом, и остается всего один вопрос. Да как же такой... как он, мог написать такое?

– Ты, дорогая, не соблюдаешь заветов великого мыслителя современности – Козьмы Пруtkова, – просветил я супругу. – Не зришь в корень. Иначе давно поняла бы, что писатель – это в первую очередь утонченная артистическая натура, а уж только потом, в свободное

от творчества время, – жадная, бессовестная, пьяная и грязная скотина. Не обязательно весь комплект сразу, но как минимум двумя свойствами из перечисленных обладает практически каждый инженер человеческих душ. Есть, конечно, и полные исключения, но их очень мало.

– И еще я вот что хотела спросить, – заметила Мари, немного помолчав. – Мне показалось или наше отбытие сюда действительно было обставлено как-то чуть не демонстративно? Настя собиралась совсем не скрываясь, да и тебе тоже всякие топоры и веревки притащили прямо в кабинет, мимо сидящих в приемной. Что они подумают?

– Наверное, будут строить гипотезы – кого и за что Гатчинский Коршун решил самолично повесить или обезглавить прямо у себя на рабочем месте, – предположил я. – Или еще что-нибудь, не менее правдоподобное. Там же сидели не первые попавшиеся посетители, а уже успевшие обратить на себя внимание. И я надеюсь, что они поделятся своими наблюдениями и выводами с Никоновым, причем далеко не бесплатно. А то ведь я ему такие деньги плачу, что иногда даже заснуть не могу от жадности. Пусть он таким способом вернет обратно большую часть, это положительно скажется на карме. Может, новость покажется ему настолько интересной, что он еще из своих доплатит за подробности. В общем, ты права – мы действительно хотим, чтобы в Федерации узнали о существовании этого мира еще до нашего официального сообщения.

Глава 17

Надо сказать, что в бытность свою советским человеком в партии я не состоял. Потому как не был ни карьеристом, ни офицером, ни дубом, ментальной жертвой вездесущих плакатов «Слава КПСС» и «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи». Были, конечно, и тогда умные люди, понимавшие, что коммунизм – это одно, а насквозь прогнившая партия, в корыстных целях использующая святое слово, – совсем другое. Но таких было настолько мало, что они даже не влияли на статистику. И я, увы, в их число не входил.

Чтобы понять, к чему приводит «невидимая рука рынка» и как на самом деле выглядит звериный оскал либерализма, мне потребовалось всего несколько лет. Остатки иллюзий рассеялись во время кризиса девяносто восьмого года. Впрочем, в партию я и тогда не вступил, не без оснований считая КПРФ прямой наследницей КПСС.

Однако с тех пор прошло много лет, и я, говоря без ложной скромности, еще слегка поумнел, и, главное, приобрел определенный опыт администрирования. В силу чего мне начало казаться, что, пожалуй, в ближайшее время можно будет вступить. В партию, разумеется, а не туда, куда подумали некоторые. Для полного завершения картины оставалось только решить, в какую именно.

К осени двадцать второго года подходящих партий имелось три штуки.

Самая почтенная по возрасту, РСДРП, то есть Российская социал-демократическая рабочая партия, в свое время основанная Лениным, а после раскола на большевиков и меньшевиков возглавленная Плехановым. Недавно Георгий Валентинович умер, и во главе меньшевиков встал Мартов.

В эту партию меня как-то не очень тянуло. И не потому, что настоящая фамилия Мартова звучала как Цедербаум, а рожа ей полностью соответствовала, – вовсе нет. Я совершенно не антисемит, уверяю вас. У меня вообще любимая племянница бессменно работает израильским президентом, и ничего. Просто меньшевики здорово напоминали мне «Яблоко», а Мартов – главу упомянутого фрукта.

То есть ни малейших положительных чувств РСДРП не вызывала.

Марксисты-ленинцы называли себя Всероссийской коммунистической партией большевиков, сокращенно ВКП(б). Вот только кроме многочисленных достоинств эта партия обладала и некоторыми

недостатками.

Во-первых, ее руководство сидело в Женеве, а мне этот город всегда нравился даже меньше Брюсселя.

Во-вторых, Владимир Ильич, будучи умнейшим человеком, отлично понимал, по чьей именно вине он и его партия ныне влачат жалкое существование в Швейцарии. Впрочем, кроме ума, Ленин отличался еще и сообразительностью, поэтому никогда не позволял себе высказывать подобные мысли хоть сколько-нибудь публично, но у Татьяны очень хорошая агентура, так что я был в курсе его настроений.

И наконец, численность ВКП(б) немного не дотягивала до трех тысяч человек. Кроме того, почти все левые партии России несколько фривольно трактовали последнюю букву их названия, заключенную в скобки.

В общем, и эта партия на идеал не тянула.

Еще меньше на него походила ВПСС, то есть Всемирная партия социальной справедливости во главе с основоположником марксизма-кисинизма Виктором Ивановичем Кисиним. Тут все было в порядке с идеологией – я, в конце концов, сам писал ее основные тезисы. И численность партии не вызывала нареканий, но лично мне сама партия, особенно во время съездов, здорово напоминала цирк, а ее вождь – провинциального клоуна.

Впрочем, если в пределах досягаемости нет идеала, то это еще не повод опускать руки. Раз нет – значит, его надо сделать самому, причем для экономии сил из подручного материала, только и всего. Поэтому после очередного возвращения с острова Пасхи я открыл толстую папку, где были собраны материалы по коммунистическим и рабочим партиям, и углубился в размышления. Впрочем, предварительное мнение у меня уже имелось. Три партии – это слишком много, одной вполне хватит. Здоровую же конкуренцию прекрасно можно будет обеспечить за счет внутрипартийной грызни, обозвав ее каким-нибудь более приличным словом, но только не демократией – на него в нашей России не только у меня, но и у большинства приличных людей уже образовалась стойкая аллергия.

Однако по мере вникания в суть собранных в папке документов меня помаленьку начали одолевать сомнения – кадровый состав предполагаемой объединенной коммунистической партии вырисовывался... прямо сказать, не очень впечатляющим.

Правда, я давно заметил интересную закономерность. Если у вас какие-то неприятности и есть подозрение, что они возникли не сами по себе, а в результате чьих-то злонамеренных действий, то найти данного человека нетрудно. Для этого достаточно всего лишь подойти к зеркалу.

Девяносто процентов за то, что оттуда вам торжествующе ухмыльнется именно он, вражина.

Все правильно, ведь именно я целенаправленно искал в партиях умных, дееспособных и болеющих за народ людей, а потом продвигал их на соответствующие посты. Типичный пример – Иосиф Виссарионович Джугашвили. Формально он до сих пор состоит в ВКП(б) и даже является одним из ее основных спонсоров, но на реальную партийную работу у него банально не хватает времени.

Или еще один перспективный кадр – Скрябин. Не тот, который композитор, он уже умер не только у вас, но и у нас тоже. А Вячеслав Михайлович, в том мире более известный как Молотов. Он уже успел неплохо проявить себя в Магаданской губернии, а ныне продвигался по дипломатической линии. Пока он еще набирался опыта на посту посла в Израиле, но это было явно самое начало блестящей карьеры. Кстати, у меня появилась мысль устроить ему небольшую стажировку в Федерации.

Мы с Гошей совершенно не завидовали тамошнему руководству в кадровых вопросах – даже наоборот, часто сочувствовали, каких... ну, например, назовем их кадрами. И на какие посты приходится ставить, потому как остальные еще хуже! Однако тут было одно исключение. Гоша даже всерьез предлагал мне рассмотреть возможность переманить к нам их министра иностранных дел, но я ответил, что это вряд ли получится. Человек явно на своем месте. Да и неудобно – там, в конце концов, тоже Россия. Но как он ухитряется с высокой трибуны говорить, например, «наши европейские партнеры», а все почему-то слышат «эти бессовестные уроды, козлы и подлецы»! Я, к сожалению, так не умею. Могу только охарактеризовать прямо, причем в значительно менее цензурных выражениях, но это далеко не всегда уместно. Хотя иногда помогает, не буду скрывать.

Но, собственно говоря, может возникнуть вопрос: с чего это меня вдруг потянуло на какие-то сомнительные телодвижения? Хотелось бы, конечно, иметь полное моральное право ответить: в результате умственных озарений, итогом которых стало предвидение будущего. Разумеется, в мире есть люди, для которых сойдет и такое объяснение, но самому себе оно не годится. Да, я недавно действительно смог разглядеть будущее, но просто потому, что прочитал про него в материалах, доставленных Настей. И там ясно подтверждалось, что некоторые тенденции, начавшие беспокоить меня еще в бытность простым мототюнигером, со временем нигде не исчезли. А, наоборот, продолжали развиваться по наихудшему

сценарию.

В свое время я отслужил в армии, а потом несколько раз призывался на сборы. Как правило, в авиационные части, потому как был специалистом по ремонту самолетного радиооборудования. И во время последних сборов видел довольно интересную картину.

Офицеры с фанерными самолетиками в руках бродили по размеченному полю. Они сходились, расходились, иногда менялись своими фанерками и совершали еще какие-то телодвижения. Поначалу даже мелькнула мысль, что это результат особо яркой коллективной пьянки, но потом до меня дошло, что я вижу учения. Действительно, какие-то тактические приемы, наверное, лучше сначала отработать так, чем сразу подниматься в небо и начинать там жечь горючее и гробить технику. Однако офицерам и в голову не приходит поверить, что эти куски фанеры – настоящие самолеты и они летают. И никакому начальству не удастся их в этом убедить, даже если оно будет очень стараться.

Но, к сожалению, широкие народные массы в целом далеко не столь разумны, как офицеры, и часто верят во всякие химеры, даже более далекие от реальности, чем фанерные макеты от бескрайнего неба. Например, многие считают, что термин «постиндустриальное общество» на самом деле отображает какие-то действительно существующие в реальности процессы, а не только желание его авторов срубить бабла, обув лохов.

Ведь что такое это самое постиндустриальное общество? Если совсем просто, то это такое, в котором техника развилась настолько, что может сама себя воспроизводить без участия человека. И значит, вся промышленность или поначалу ее большая часть становится автоматической, а люди из производственной сферы перетекают в творческую.

Ага, щас, так они и разбежались все поголовно творить что-то полезное. Это, во-первых, надо уметь. А во-вторых, хотеть, с чем тоже проблемы.

Потому как на самом деле в техническом плане человечеству до вышеописанной благодати еще очень и очень далеко. Даже пресловутый 3D-принтер может, например, создать ночной горшок. Но столь сложный объект, как, скажем, унитаз, ему уже не по силам. Он может только изготовить детали, а собирать их все равно придется человеку – по крайней мере, пока производство не вышло на достаточные количества. Устанавливать же унитазы по месту в любом случае будет человек, а не машина.

Да, но ведь в развитых странах доля занятых в промышленности

неуклонно сокращается? И, соответственно, растет доля занятых творческим трудом.

Все правильно, но это не наступление постиндустриальных отношений, а всего лишь их грубо сколоченный фанерный макет. И единственное его серьезное отличие от самолетика, с которого я начал рассуждения, – в это, как ни странно, многие действительно верят. Хотя на самом деле идет вовсе не замена человека машиной, а замена европейского и американского рабочего китайским или индийским, только и всего. Происходит массовый вывод промышленности из зажавшихся «развитых» стран в регионы с дешевой рабочей силой.

Он, разумеется, начался и продолжается отнюдь не стихийно. Ведь демократия – она вовсе не власть народа, как думают некоторые наивные юноши. Это всего лишь власть демократов. И если кто не в курсе, то поверьте тем, кто с ними сталкивался вплотную, – демократы редкая сволочь, какую еще поискать. И, к сожалению, не лишенная мозгов.

Именно они и придумали «постиндустриальное общество», чтобы под шумок резко уменьшить в своих странах количество тех, кто действительно любит и умеет делать что-то полезное. Такими людьми труднее манипулировать – они знают себе цену. Нет уж, пусть вместо них будут негры и арабы, сидящие на всевозможных пособиях. И проститутки всех сортов, это святое. Политические, научные, художественные, журналистские. Плюс, разумеется, классические, то есть половые, но их требуется уже не очень много. Да куча обслуги для всей этой шоблы – вот и готов вполне приличный электорат.

Собственно говоря, у нас тоже начали проявляться первые признаки подобных умонастроений, что явилось одной из причин моего внезапно вспыхнувшего интереса к партийному строительству. Но не единственной. И даже, кажется, не главной, подумал я, закрыв папку и положив ее на камни у ног.

Потому как изучение документов и размышления над ними проходили уже не в кабинете, а на небольшом мысе, выступающем в океан неподалеку от бухты Анакена. И вокруг шумел не Гатчинский парк, а девственный лес острова Пасхи десятого века.

Пожалуй, настало самое время для небольшого лирического отступления.

Итак, вечерет. На небе зажигаются первые звезды. У ваших ног негромко шумит прибой – в общем, вокруг неопишуемая красота. Папка с документами отложена – не в темноте же ее читать, так недолго и зрение посадить.

И тут вдруг на берегу непонятно откуда появляются две девушки. Одна – писаная красавица – садится справа от вас, другая – просто миловидная – слева. Обе призывно улыбаются. Ваши действия?

Вот-вот, и я тоже наверняка как минимум задумался бы о чем-нибудь этаким, если бы не был государственным канцлером, а мои соседки – старшими прокураторами Службы имперской безопасности. И сказал я им вот что:

– Девочки, вы хорошо отдохнули? Пожалуй, пора объяснить, почему вы слушаете меня именно здесь. Так вот, до недавнего времени мне казалось, что только у нас люди имеют неплохие шансы продолжать оставаться людьми, а не стать бесправными винтиками в механизме мировой финансовой системы, как это случилось в двадцать первом веке. Разумеется, в наших победах есть и немалая ваша заслуга. Однако сейчас вдруг выяснилось, что, кажется, ваш покорный слуга был не совсем прав. Хоть и совсем мизерный, но там тоже есть шанс. Точнее, он появится через два с небольшим года. И будет окончательно упущен, если мы не вмешаемся.

– Мы – это именно мы с вами? – решила уточнить Жозефина Богарне.

– Совершенно верно. Кстати, пиво уже пора доставать из воды, хватит ему охлаждаться. Так вот, вы безусловно правы, Фросенька. Именно мы с вами, как частные лица. Которые одним прекрасным вечером собрались и решили учредить партию. Их в этом, естественно, поддержат все неравнодушные люди, коим небезразлично будущее человечества. Вот так прямо сейчас возьмут и поддержат – вон, уже подходят. Георгий Александрович, садитесь вот тут. Девушки, как там у нас с пивом? Итак, четыре абсолютно частных лица, ибо никого другого на этом острове и в этом времени быть не может, решили создать партию. Рабочее название – КПЗ, то есть Коммунистическая Партия Земли. Никаких национальных рамок типа «российской» или еще чьей-нибудь партия иметь не может, ибо, как учит нас марксизм-кисинизм, интернационализм является важнейшим краеугольным камнем коммунизма. У всех налито? Тогда предлагаю почтить момент рождения партии минутой молчания и принятием внутрь живительной влаги.

После того как это было проделано, я продолжил:

– Естественно, в новую партию вступят лучшие борцы из ныне существующих партий соответствующей направленности. В частности, туда наверняка захочет вступить выдающийся теоретик и практик марксизма Виктор Иванович Кисин.

Жозефина Богарне хихикнула, Галина Калюжная улыбнулась, а Гоша

поинтересовался:

– Он что, уже в курсе?

– Пока еще нет. Куда спешить? Узнает, когда будет получать партийный билет под номером один. Кстати, предлагаю единогласно избрать Виктора Ивановича генеральным секретарем. Все согласны? Тогда не помешает объявить небольшой перерыв на воблу.

– А почему никто не ведет протокол? – спросил император, силясь на глаз определить, которая из рыбин с икрой.

– Зачем ломать глаза, пытаюсь что-то писать в темноте? Тем более что все протоколы уже отпечатаны и мирно лежат вот здесь.

С этими словами я потыкал носком кроссовки в лежащую у ног папку.

– Подпишем мы их завтра с утра, как рассветет. Итак, девушки, вы, наверное, уже поняли, что сейчас вам хотят предложить вновь отправиться на передовую нашей нелегкой борьбы, но теперь уже не от лица Российской империи, а всего, если можно так выразиться, прогрессивного человечества. Естественно, оно вас не забудет. Отказываться будете?

– Пожалуй, нет, рановато нам еще на покой, – покачала головой Фрося.

– Тогда завтра с самого утра начинаете изучать все необходимое. Главный предмет интересен тем, что его, строго говоря, не существует. То есть у каждого хоть сколько-нибудь заметного хрена с горы о нем есть свое собственное представление, с мнением остальных связанное очень слабо. Но мало ли чего не существует, а его тем не менее приходится изучать! Поэтому, как уже говорилось, завтра сразу после утренней разминки вы садитесь учить украинский язык. Минимальные требования – знать его хотя бы в полтора раза лучше, чем средний киевский политик. Надеюсь, что месяца вам на это хватит.

Глава 18

Роберт Дюваль отложил рубанок и присел, чтобы глянуть на доску вдоль – насколько она получилась прямой. Никаких заметных искривлений он не обнаружил. Все-таки это была не первая доска и даже не десятая – под брезентовым навесом сохли уже двадцать пять ее сестер-близняшек. На корабль же по прикидкам с учетом необходимого запаса требовалось пятьдесят, так что нынешняя доска была в какой-то мере юбилейной. Напилить и прострогать столько же, сколько уже сделано, и можно будет приступать к сборке каркаса.

Прошло уже пять лет с тех пор, как маленький Роберт однажды вдруг понял, что обладает какими-то совершенно необычными способностями.

Началось все с того, что он случайно посмотрел старый, самого начала двухтысячных годов, фильм Би-би-си про Йеллоустон. И, естественно, сразу же обратился за разъяснениями к отцу.

– Пап, это правда, что скоро где-то там взорвется вулкан и мы все умрем?

– Фильму, который произвел на тебя такое впечатление, скоро исполнится четверть века, – объяснил отец. – И даже сейчас он кое на кого оказывает серьезное воздействие – на тебя, например. А что было, когда он только появился? Шок. Однако человек так устроен, что он готов глазеть на любое необычное зрелище, даже если это представляется опасным. Более того, для многих эта опасность, хотя бы воображаемая, только увеличивает привлекательность представления.

До выхода этого фильма Йеллоустонский парк испытывал финансовые трудности. После него поток туристов туда многократно усилился. Парку хватило и на ремонт имеющихся дорог, и на прокладку новых, на установку онлайн-камер и на многое другое.

– Так, значит, в кино все неправда?

– Вовсе нет, за прямое вранье его создателей могли наказать. Но правду можно изложить по-разному. Вспомни, ведь в фильме нигде не говорится, что мы все умрем! Этот вывод ты сделал сам, на основании той правды, что увидел на экране. Примерно так и было задумано. Кстати, наплыв туристов туда за последние годы заметно уменьшился, и, кажется, снова перестало хватать денег на поддержание дорог в безупречном состоянии. Так что я не удивлюсь, если скоро опять поднимется шум насчет грядущего пробуждения супервулкана. На самом же деле там практически

ничего не изменилось с момента выхода фильма. Если хочешь, мы можем туда съездить, посмотришь своими глазами.

Поездка произвела на Роберта неизгладимое впечатление. Он, хоть и читал раньше о подобном, впервые почувствовал, насколько, оказывается, это эфемерная вещь – земная твердь. Казалось бы, что может быть незыблемее и надежнее? Однако всего два часа езды на машине – и ты оказываешься в месте, где земля под ногами вздрагивает, не в силах противостоять бушующим в ее недрах силам. И периодически в небо взлетают струи раскаленной воды и пара, разогретые кипящим расплавом камня, находящимся совсем недалеко от поверхности. Причем, что самое главное, все это буквально рядом с домом, в котором живет он и его родители!

Отец, увидев состояние сына, попытался объяснить, что тут так было всегда. Для большинства гейзеров даже составлены расписания извержений, коим они неукоснительно следуют уже десятки лет подряд.

Однако Роберта подобные рассуждения не убедили. Чего же хорошего, что здесь все давно так кипит и трясется? Значит, разрушение тонкой перегородки между поверхностью земли и бушующим адом под землей идет уже долго и может в любой момент трагически закончиться. Правда, папа говорит, что «момент» с точки зрения геологии может продолжаться тысячи лет, но ведь может и считанные дни!

В общем, мальчик вернулся с экскурсии в расстроенных чувствах.

Прошла неделя. Роберт вроде как успокоился – во всяком случае, ему перестали сниться кошмарные кадры из злополучного фильма. Но тут вдруг посреди ночи разыгралась сильнейшая гроза.

Умом Роберт понимал, что таких гроз за время существования Йеллоустона прошли десятки и сотни тысяч, да и молнии, хоть и бьют в основном с запада, не попадают прямо в кратер, он расположен гораздо дальше. Так вот, все это он понимал, но ему очень хотелось как-нибудь оказаться как можно дальше и от грозы, и от до поры спящего супервулкана. Например, на чудесном острове, о котором мальчику часто рассказывал отец.

Остров Пасхи. Сейчас он почти уничтожен, и его немногочисленное население с трудом удерживает его от полного превращения в пустыню, но когда-то все было совсем не так. Всего тысячу лет назад на острове во множестве росли гигантские пальмы, дающие большие плоды и вкусный сок. Часто встречались яблони наподобие малайских, но с более крупными плодами. С нижних веток огромных кряжистых деревьев свисали гроздья ягод, похожих на ежевику. В высокой траве бродили большие сытые птицы,

даже не умеющие летать, потому что тут у них никогда не было никаких врагов.

– Пап, а откуда ты все это узнал? – спросил как-то Роберт. – Ведь не мог же ты побывать там тысячу лет назад?

– Не мог, – вздохнул отец, – но я был там за год до твоего рождения, а потом прочитал много книг про этот остров. Можешь сам посмотреть, я дам тебе ссылки.

Роберт честно попытался внимательно прочитать скучнейшие научные труды, в которых девять десятых занимало не описание самого острова в прошлом, а сравнительный анализ методик исследования. Почти ничего не понял и решил, что правильнее будет просто поверить отцу на слово.

Мальчику вдруг захотелось, как в детстве, когда ему еще не исполнилось пяти лет, спрятаться от грозы под кроватью. Сам себе удивляясь – ведь ему идет уже одиннадцатый год! – Роберт встал на четвереньки и двинулся вперед.

Под кроватью почему-то была непроглядная темень. И главное, удивительно много места! Роберт прикинул, что он прополз уже не никак не меньше десяти футов, а достичь стены, у которой стояла кровать, так и не удалось.

Тут вдруг откуда-то подул прохладный ветер, а в коленку больно уперлось что-то острое. Кроме того, мальчик понял, почему вокруг так темно. Да просто потому, что у него закрыты глаза! А вот если преодолеть страх и открыть их...

Роберт обалдело смотрел на толстенный ствол дерева, в который он почти уперся. Потом неуверенно встал.

Вокруг стоял лес, в который, похоже, до сих пор не ступала нога человека. Роберт непонятно отчего сразу решил, что это тот самый остров и в то самое время, о котором ему рассказывал отец.

Мальчику было совершенно не страшно. Раз уж тут никто не нападает на толстых, ленивых и вкусных птиц, то человеку и подавно ничто не угрожает. Кроме того, почему-то имелась подсознательная уверенность, что в любой момент можно будет вернуться домой.

В первый заход Роберт пробыл на острове до вечера. Вытащив шнурок из кроссовки, он выломал подходящую ветку и соорудил так называемый «индейский смычок» – нечто вроде маленького лука, при помощи которого можно было добыть огонь. Как это делать, Роберту показывали на скаутских сборах. Хоть и не сразу, но сухая деревяшка, в углублении которой вертелась тонкая заостренная палочка, затлела, а вскоре у подножия гигантской пальмы весело затрещал костерок.

Потом на огонек подошла большая птица, головой похожая на курицу, а телом – на индейку. Роберт начал оглядываться, прикидывая, из ветки чего можно будет сделать лук, но вовремя спохватился. Во-первых, шнурки от кроссовок, даже если вытащить второй, на тетиву не годятся – слишком слабы и коротки. А во-вторых и в-главных, ему стало жалко птицу. Она, не подозревая худого, зашла в гости, а он ее собирается убить? Причем даже не будучи голодным. А когда проголодается, рядом должно быть море, если это действительно остров Пасхи. В море наверняка найдется немало съедобного. Кстати, а не сходить ли к нему?

Мальчик встал и огляделся, пытаясь сообразить, в какую сторону следует двигаться, чтобы выйти на берег океана. Наверное, туда, куда местность немного понижается. Вряд ли к морю придется идти вверх. Только по пути надо будет как-то помечать, где прошел, например, обламывая ветки, дабы не заблудиться на обратном пути.

Однако почти сразу выяснилось, что заблудиться тут будет трудно, уже через двести футов в просветы между деревьями стало видно воду, и еще через сто Роберт оказался на берегу совсем маленькой бухточки с миниатюрным песчаным пляжем посередине.

Минут пять мальчик боролся с осторожностью, которая буквально вопила ему: нельзя лезть в незнакомый океан, тем более почти не умея плавать! Однако желание искупаться оказалось настолько сильным, что Роберту не составило труда убедить себя – в такой маленькой и мелкой бухте не может водиться ничего хоть сколько-нибудь крупного, а значит, опасного. К тому же вода прозрачная, все прекрасно видно, а утонуть тут может только лилипут, нормальному же человеку вода не дойдет до плеч в самом глубоком месте.

В процессе купания Роберт раздобыл несколько устриц, которых потом поджарил на углях прямо в ракушках и съел. После еды ему захотелось пить, но пресной воды рядом не было. Вообще-то отец говорил, что в прошлом на острове во множестве протекали ручьи, спускающиеся с гор, но их еще предстояло найти – и горы, и ручьи. К тому же день явно кончался, до захода солнца оставалось не больше часа. Роберт сообразил, что в Биллингсе, наверное, уже утро и надо возвращаться, пока родители не проснулись и не подняли тревогу по поводу отсутствия сына.

Роберт отмерил пять шагов от ствола пальмы, рядом с которым он вышел в этот мир, встал на четвереньки, закрыл глаза и двинулся к дереву. А открыл он их уже в своей комнате. Оказалось, что до утра тут еще далеко. Часы показывали половину второго ночи. За окном по-прежнему бушевала гроза, но теперь она была совсем не страшной, от нее можно

было в любой момент уйти. В мир, где Йеллоустон находится хоть и не на противоположном краю земного шара, но все равно очень далеко. И где хоть и бывают грозы, никакой супервулкан в ближайшие тысячу лет совершенно точно не взорвется.

Роберт не стал ничего рассказывать родителям. Никаких доказательств у него не было, а без них ему никто не поверит, и вообще могут решить, что ребенок чем-нибудь заболел. Кроме того, он не был уверен, что сможет снова перейти в тот мир, если о его способностях кто-то узнает. И значит, мальчик решил пока обживать новый мир в одиночку. С чего начать и чем продолжить, он уже знал.

Родители не раз говорили – Биллингс давно, еще до рождения Роберта, стал депрессивным городом. В частности, этим и объяснялся тот факт, что им удалось недорого купить дом с участком и хозяйственными постройками, причем до сих пор использовались не все. В частности, сарай, пристроенный к гаражу, так никому и не понадобился и был негласно отдан в полное владение Роберту вместе с оставшимися там от прежнего владельца вещами. Или, если точнее, то от его покойного двоюродного дяди, потому как этот владелец, только получив дом в наследство, тут же выставил его на продажу. А там хранилось немало интереснейших и полезнейших вещей, которые начали понемногу перемещаться на остров. Причем оказалось, что для этого вовсе необязательно ползать под кровать на четвереньках. Достаточно всего лишь взять в руки то, что хочешь перенести, закрыть глаза, сделать три шага вперед и, открыв глаза, убедиться, что ты уже на острове Пасхи. Более того, когда в сарайчике под старым брезентом нашлась тачка, то выяснилось, что транспортировать вещи можно и в ней, от этого ничего не меняется.

После третьего путешествия на остров мальчик начал понемногу жалеть, что он живет в Соединенных Штатах, а не в какой-нибудь менее демократической стране. Подумать только, даже в далекой тоталитарной России, стенающей под гнетом Кремля, каждый может сажать перед своим домом что угодно! Хоть картофель, хоть томаты, хоть даже чеснок – и никто ему даже слова не скажет и уж тем более не будет за это судить. В Америке, увы, не так, поэтому Роберт подозревал, что ему не удастся достать семян для разведения на острове огорода.

Вообще-то этот вопрос заинтересовал мальчика еще до того, как у него открылись новые способности, и он задал вопрос матери. В ответ было сказано, что так проявляется забота правительства о народе – чтобы он, значит, не съел чего-нибудь не того. Роберт тогда сделал вывод, что сейчас в его стране живет не тот народ, что когда-то приплыл к диким берегам

и создал здесь самое могучее государство на Земле, а какой-то совсем другой. Ведь тому народу и в голову не приходило спрашивать у кого-то разрешения на то, чтобы обеспечить себя всем необходимым, а когда это не понравилось метрополии, то ее власть была мгновенно сброшена в ходе Войны за независимость. Теперь же все не так. И даже фермеры имеют право покупать семена только у уполномоченных компаний, а они у них генно-модифицированные и нормального потомства дать не могут. Причем фермерам-то ладно, они могут каждый год покупать новые семена, но что делать ему, Роберту?

Мальчик зачастил на помойки в северном районе, где несколько лет назад обосновалась небольшая община украинских беженцев. Там он искал помидоры, подгнившую и выкинутую картошку – в общем, все, что в принципе могло прорасти, будучи посаженным. Роберт надеялся, что у таких диких людей, как эти украинцы, в принципе могут оказаться и дикие продукты, способные дать нормальное потомство.

Вторая проблема, вставшая перед Робертом, а именно оружие, решилась довольно просто и как-то сама собой. Уже почти закончив разборку в сарае, мальчик нашел небольшой кожаный портфель, в котором лежал почти новый, совсем немного тронутый ржавчиной револьвер «смит-вессон» тридцать восьмого калибра с четырехдюймовым стволом и неполная коробка патронов к нему. В той же России, подумал мальчик, я бы ни за что не нашел ничего подобного. Ведь там оружие продают далеко не всем, а только принесшим клятву верности в Кей-джи-би, и люди даже не имеют права умереть, предварительно не сдав его под расписку. Во всяком случае, так говорили в школе.

Со временем нашелся еще один источник полезных вещей, причем куда более богатый, чем сарайчик при гараже.

За северными кварталами города, ныне уже практически нежилыми, располагалась большая автомобильная свалка. Когда-то ее охраняли, но еще два года назад последний из охранников, старый Билл, куда-то делся. Однако автомобили туда нет-нет да и привозили, в основном разбитые. Роберт смог разжиться двумя более или менее живыми аккумуляторами, тремя генераторами и десятком ремней разного размера. Потому как он уже понял, что для хоть сколько-нибудь цивилизованной жизни необходимо электричество, а без него как была дикость, так она и останется. Даже несмотря на наличие стеариновых свечей.

Роберт собирался со временем перегородить ручей плотиной, поставить там водяное колесо и сделать от него привод для вращения автомобильного генератора. Но он понимал, насколько это будет не просто,

и поэтому, сэкономив на карманных расходах, купил на распродаже небольшую солнечную батарею. Несмотря на малые размеры и стоимость, она обеспечивала заряд аккумулятора, которого хватало не только для освещения, но на работу ноутбука примерно по часу в сутки. Мальчик совершенно не был готов отказываться от своих компьютерных игрушек. Ну а когда заработает мини-гидроэлектростанция, можно будет подумать об электроинструменте.

В хлопотах по обустройству острова незаметно пролетели полтора года, а потом наступило страшное утро, поставившее жирный крест на всей прошлой жизни Роберта Дюваля.

Глава 19

Так как недавно в руководстве Российской империи было принято решение о том, что существование пути на остров Пасхи десятого века не следует держать в тайне от руководства Федерации, ко мне на прием был приглашен Никонов. И ему было сказано, что настало время предметно обсудить вопрос, неоднократно поднимаемый им в течение последних пяти месяцев. А именно – развитие отношений между нашей империей и КНР двадцать первого века.

До сих пор я не особо рвался рассеивать сомнения Петра Сергеевича и его начальства, без всякого преувеличения или, упаси господь, притворства мотивируя это нехваткой времени. Ведь не обсуждать же такую серьезную тему наспех! Но теперь постоянному представителю РФ в РИ было сказано, что время наконец появилось. А точнее, появилось место, где этого самого времени хоть жуй чем угодно, в том числе и тем, о чем подумал уважаемый Петр Сергеевич. В силу чего ему предлагается послезавтра утром явиться к запасному выезду из третьего дворцового гаража, будучи одетым по-походному. И имея при себе палатку, флягу, котелок, провизии на неделю жизни и вообще все, что ему может понадобиться при вылазке на природу. За исключением огнестрельного оружия, зато рыболовные принадлежности можно брать любые и в неограниченных количествах.

Когда я в назначенное время подошел к месту встречи, то увидел, что Петр Сергеевич уже стоит там, слегка пошатываясь под тяжестью огромного рюкзака, к которому снаружи были привязаны валенки. И вообще, постоянный представитель был одет весьма тепло – куда теплее, чем требовалось для середины ноября в Питере. Блин, ведь я вовсе не собирался издеваться над человеком, а просто забыл уточнить, что на острове Пасхи сейчас январь, то есть середина лета. И температура днем плюс двадцать пять градусов, а ночью плюс двадцать. Шикнув на хихикающую Настю и с трудом сдерживая раскаяние, я взял Петра Сергеевича под руку и проводил прямиком на берег бухты Анакена.

Никаких особых объяснений Никонову дано не было – я просто сказал, что он может устраиваться, имея в виду, что спешить некуда. Время стоит не только в двадцать первом, но и в двадцатом веке. Остальное пусть пока додумывает сам – в конце концов, зачем лишать человека возможности лишний раз напрячь мозги? Говорят, это полезно.

К вечеру постоянный представитель настолько пришел в себя, что поинтересовался, могу ли выделить ему время для основательной беседы. Но начал он ее почему-то не про Китай, а про наших агентов, разрешение на натурализацию которых мы недавно официально запросили. Вообще-то нам его уже дали – наверное, в качестве жеста доброй воли. И вот теперь Петр Сергеевич в порядке ответной любезности захотел услышать, какую именно пакость я задумал. У меня даже мелькнула мысль слегка обидеться – ведь всем известно, что канцлер добрейшей души человек, постоянно пекущийся о благе всего человечества и готовый почти на все для предотвращения хотя бы одной слезинки ребенка. Плюс регулярно подвергающийся нападкам за не лезущий ни в какие рамки гуманизм. Но мысль эта не получила должного развития, ибо в такой прекрасный вечер обижаться было лень. Хотелось просто выпить пива и послушать что-нибудь интересное, например, претензии Никонова. Который уже закончил с вступлением и начал потихоньку подбираться к сути:

– В принципе лично я не против этой вашей инициативы, но в верхах хотели бы узнать, чем именно она вызвана. Потому как есть подозрения – и, возможно, они в какой-то мере оправданны, – что конечной вашей целью является дестабилизация обстановки в Российской Федерации. Это, как я только что подчеркнул, всего лишь подозрения, причем довольно осторожные, но все же хотелось бы, чтобы вы их рассеяли.

Высказав это, Никонов уставился на меня с таким видом, что я сразу вспомнил давно прошедшие времена, когда Сашка, сосед по гаражам, одним почти таким же прекрасным вечером вдруг по пьяни вообразил, что я ему должен триста рублей. И мне пришлось точно так же, как в свое время соседа, разочаровать милейшего Петра Сергеевича.

– Эх, – вздохнул я, – мне вот тоже иногда хочется чего-нибудь эдакого. Чтобы кто-нибудь чего-нибудь вот так прямо взял и задаром рассеял! Но, как правило, такие мечтания кончаются обломом. Я уже и расстраиваться перестал, чего и вам желаю. Так что оправдываться не буду, а просто раскрою свою истинную цель. Мы не собираемся ничего дестабилизировать. Наша цель – посмотреть, как это будут делать другие. Американцы, например. Да и ваши чиновники тоже, причем достаточно высокопоставленные. Кстати, тут у вас действительно есть чему поучиться. В девяносто восьмом году первый президент России, будучи, кажется, против обыкновения даже и не очень пьяным, заявил, что дефолта он ни за что не допустит. Помните, что произошло потом? Всего одно коротенькое выступление, но какой эффект! Прошло тринадцать лет,

а народ помнит все так, как будто оно было вчера. Сейчас, например, в Федерации никаких предпосылок для дефолта нет. Но если вдруг президент или премьер вздумают во всеуслышание заявить об этом по зомбоящику, то население отреагирует мгновенно. Кто побогаче, даже не дослушав выступление до конца, побежит закупать валюту, автомобили и телевизоры. Кто победнее – соль, гречневую крупу и спички, а самые впечатлительные – веревки и мыло. В общем, очень поучительный опыт, который я тоже использовал, хоть и с обратным знаком. Рассказать? Ладно, слушайте.

Итак, сразу после победного завершения войны мной было сделано заявление, что не исключен дефолт по облигациям второго внутреннего займа. Разумеется, я, как и всегда, говорил чистую правду – не то две, не то три цифры в текущем отчете министерства финансов действительно выглядели слегка сомнительными. Если бы подобный вывод сделал специалист из ведомства ее величества Марии Первой, то возникли бы вполне оправданные сомнения в его квалификации, но я себя как финансиста вообще никогда не позиционировал и поэтому, будучи дилетантом, вполне мог несколько преувеличить серьезность ситуации. В общем, началось нечто вроде паники, и некоторые разорились. Впрочем, ее величество лично следила, чтобы это были люди из врученного ей списка – то есть те, в чьей лояльности имелись основания сомневаться. Понятное дело, кто-то слегка обеднел, а финансовый департамент ее величества смог выделить средства на послевоенное восстановление ирландской экономики.

Так вот, народ, как и у вас, тоже сделал определенные выводы. И когда в прошлом году действительно возникли трудности с третьим внутренним займом и мне стало известно об этом, я, как честный человек, не решился держать в тайне информацию, которую коснуться каждого. И значит, во всеуслышание объявил о возможной опасности. Этого хватило, чтобы императрица-королева смогла легко и практически без потерь стабилизировать курс облигаций.

В общем, я вам вполне официально заявляю. Мы не собираемся ничего дестабилизировать, тем более в Российской Федерации. Мы хотим просто понаблюдать за развитием довольно интересных исторических тенденций. Возможно, со временем появится желание что-нибудь слегка стабилизировать. Но все это не у вас, а в одной сопредельной стране.

– В Китае? – спросил Никонов со сложноописуемым выражением на лице.

– Дался вам этот Китай, как будто у Федерации нет других соседей!

Увы, есть, причем некоторые из них такие, что, ей-богу, лучше бы им быть не у ваших границ, а где-нибудь в Южной Америке. Причем с самого краю, поближе к Антарктиде. Я бы сказал, не только для вас лучше, но и для них тоже.

– Увы, мир сотворен таким, каков он есть, – с выражением на физиономии, которое я для себя определил как ханжеское, изрек постоянный представитель. Похоже, он надеялся, что я вступлю в полемику и он сможет понять, в какой же именно сопредельной стране ожидают напасти, за которыми мы собираемся с любопытством наблюдать.

А меня вдруг осенило. Значит, мир создан? И, между прочим, из хаоса, об этом написано во многих первоисточниках. Надо же, как интересно...

Пожалуй, для лучшего понимания того, с чего это я вдруг задумался о столь высоких материях, не помешает небольшое отступление. Давно замечено, что наилучшим способом разрешения конфликтных ситуаций является игра за обе стороны сразу – ну вроде как Настя с Рексом в шахматы. Это поняли даже в РФ, чем, насколько я был в курсе, и объяснялись недавно объявленные там первые положительные результаты в борьбе с коррупцией. Ее просто поручили людям, благосостояние которых... э-э-э... как бы это помягче сказать... в общем, оно не очень коррелировало с их должностными окладами. Настолько, что даже у самых отъявленных сторонников власти нет-нет да и появлялись абстрактные вопросы: – а вот какой, например, срок обеспечивает более качественное перевоспитание – десять лет или все же двадцать пять? На всякий случай сообщаю, что лично я являюсь убежденным сторонником первой цифры. Просто потому, что до конца двадцатипятилетнего срока на моей памяти пока еще никто не дожил и, значит, говорить о его воспитательной эффективности преждевременно.

Или взять наш пример с Рексом. Разумеется, от Насти в этом случае требовались гораздо большие усилия, чем при обычной игре, но результат оправдывал все затраты умственной энергии. Никонов, например, до сих пор не может отойти от шока и в тех редких случаях, когда ему приходится общаться с Рексом, обращается к нему на «вы» и никогда не забывает перед именем вставить слово «уважаемый».

Так вот, в преддверии грядущего украинского кризиса мы, естественно, готовили агентов для обеих сторон сразу. И те, которые должны были идеологически обеспечить должный уровень свидомости, но так, чтобы при желании их достижения было нетрудно обнулить, сейчас пребывали в творческом поиске. Потому как то, что было придумано

аборигенами, особого впечатления не производило. Ну, к примеру, якобы выкопали древние укрытия Черное море – и что? Мелко это как-то и не очень потрясает воображение. Была поставлена задача придумать какое-то более эпохальное достижение, и вот сейчас, кажется, я случайно набрел на вариант ее решения.

Итак, Бог создал мир из хаоса. Это греческое слово, и на русский оно наиболее достоверно переводится как «бардак». Но любой, не понаслышке знакомый с данным явлением, точно знает, что бардак никогда не возникает сам собой. У него всегда есть творцы. Так, может, в незапамятные времена он был создан какими-то титанами, например, теми же самыми древними украидами, а уж только потом туда набежали всякие и начали из него творить мир?

– Вы даже сами не представляете, насколько мне сейчас помогли, – с чувством сообщил я Никонову. – Настолько, что, пожалуй, в благодарность можно сделать пару небольших намеков относительно того, что за страна нас так заинтересовала. Итак, намек номер раз: ее название начинается на букву «У». Второй намек – это не Уругвай, не Узбекистан и даже не Уганда. Хотя с ней, пожалуй, во многом просматривается определенное сходство.

Естественно, столь «тонкий» намек Никонов понял сразу.

– Вы считаете, что там возможно?..

– Еще как, – подтвердил я. – Но не сейчас, а чуть попозже, когда провалятся протестные акции, которые уже практически подготовлены у вас.

– Кем подготовлены? – офонарел Никонов.

– А вы не знаете?

– Даже неудобно в этом признаться, но даю вам честное слово – нет.

– Хм... тогда, пожалуй, могу рассказать вам анекдот. Почему в США невозможна оранжевая революция? Да потому, что в Вашингтоне нет американского посольства.

Некоторое время мы молчали, а потом я решил более четко обозначить свою позицию.

– Если бы эти акции должны были увенчаться успехом, то мы, разумеется, уже передали бы вам все материалы на тему «кто, где, когда». Но, похоже, вы хоть и с трудом, но справитесь сами, поэтому я в самом крайнем случае могу обойтись только намеками. Ну и, разумеется, пояснить свое личное видение ситуации.

– Само собой, ваши намеки для меня лично достаточно ценны.

– Ох, чувствую, доведет меня когда-нибудь доброта даже не знаю до чего... В общем, есть у вас там такой... да как же его... Кажется, треугольный. Или овальный? Короче, достаточно нахальный индивидуум.

– Но ведь это же, насколько я в курсе, наш проект!

– Вот и разберитесь, чей он там на самом деле проект, пока поздно не стало. Или нате вам еще пример, его именем даже улица на Юго-Западе названа. Кстати, если вдруг соберетесь переименовывать, то я, как одно время на ней живший, предлагаю Нестора Ивановича Махно. Мне он почему-то импонирует. Очень достойный деятель, что у вас, что у нас.

– Интересно, однако у вас я про него ничего не слышал.

– Так серьезными же делами человек занимается, про которые не принято трезвонить на каждом углу.

Действительно, Махно недавно был отозван с последнего места службы, Канады, и вместе с совсем еще молодым Сидором Ковпаком приступил к изучению обстановки на Украине двадцать первого века. Мы же с Петром Сергеевичем пребывали в веке десятом, и мне пора было переходить к следующему пункту повестки дня, то есть обратить внимание руководства Федерации на некоторые только-только начавшие проявляться тенденции. Скорее всего, они и сами в курсе, но повторение в данном случае не помешает, подумал я и выдал заранее заготовленную речь:

– Если взглядеться повнимательней, то окажется, что фактом своего существования Российская Федерация обязана недомыслию, нетерпеливости и снобизму Запада.

– С чего это такие выводы?

– А вы вспомните конец девяностых. Тогда перед правящей элитой встал выбор – как жить дальше? Имелось два пути. Первый – все, включая саму Россию, продать на тот самый Запад, причем можно и частями, а потом самим туда сбежать с деньгами. Второй – построить такую страну, в которой элите было бы жить более комфортно, чем в Европах или Америках. Разумеется, теоретически имелся и третий путь – солидарный, то есть исходящий не из интересов так называемой элиты, а всего народа и страны, но его малочисленные сторонники были слишком слабы. Основная борьба разыгралась между первыми двумя группами – условно назовем их «космополитами»...

– Безродными, – вставил постоянный представитель.

– Совершенно верно, эта национальность среди них доминировала. Да, а вторые пусть будут «державниками». Запад, разумеется, ставил на космополитов. Но он же своими руками и привел их к проигрышу. Поторопился дать понять, что настоящей элитой на новом месте не будут

не только они, но даже их дети. Например, купил какой-то наш олигарх виллу на Лазурном Берегу и огородил примыкающий к ней участок пляжа, как будто где-нибудь в Краснодарском крае. А что – это же его земля! Он за нее деньги заплатил. Почему же теперь нельзя почувствовать себя баринном?

Однако французские власти повели себя просто безобразно. Оказалось, что по какому-то там ихнему закону такого делать нельзя. Мало того что бедного толстосума заставили снести забор, так еще и возложили на него судебные издержки! Ну неужели трудно было пойти навстречу человеку, захотевшему почувствовать себя баринном? И лишь после окончательной победы над Россией припомнить ему все грехи разом и впясть срок, а имущество с молотка продать нужным людям. Вот только французы поторопились, а наши начали потихоньку делать выводы.

Потом пошло еще хуже. Абрамовича – вы только подумайте, самого Абрамовича! – не пустили в VIP-ложу на стадионе, потому что он был без галстука и вообще не во фраке, а в драной футболке. Опять же в какой-то там элитный клуб его не приняли под надуманным предлогом недостаточной древности рода. И ведь, главное, люди представляли себе, насколько может им осложнить жизнь воспрянувшая и осознавшая свои интересы Россия, но решили – а, ладно, и так сойдет. Хотя, если по уму, то королева, узнав про такое безобразие, должна была немедленно примчаться на стадион и целовать там Роме ручку, приговаривая: не обращайтесь внимания, ошибка вышла, с кем не бывает. Можете вообще штаны снять вместе с трусами, если вам так покажется удобнее. Вот так, а уж потом, в свое время, на суде, заодно приплести подсудимому еще и оскорбление величества, чтобы подольше сидел, гад. А уж про Меченого я вообще молчу. Человек буквально за копейки продал Родину, оказал неоценимые услуги в реализации проекта на триллионы долларов и после этого вынужден рекламировать пиццу! Как говорится, его пример другим наука.

Про незавидную судьбу Березовского я рассказывать Никонову не стал. Ибо свершилась она пока только в мире Жана, а в том, где я когда-то родился, он еще всю здоровствовал. Мало ли, вдруг до него дойдет информация, он тогда из ванной все полотенца уберет или вообще мыться перестанет. Нет уж, раз доктор сказал в морг, значит, в морг.

Вместо этого я подождал, пока Никонов допьет свое пиво, открыл ему новую бутылку и продолжил:

– Таким образом, Запад не стал сюсюкаться с русским нуворишами, а сразу дал понять, что считает их хоть и разбогатевшим, но все же быдлом.

И они, естественно, начали чесать в затылках. Мол, стоит ли надрываться, распродавая Россию оптом и в розницу, если на вожделенном Западе им все равно светит судьба людей второго сорта? Подобные настроения ослабили космополитов и усилили державников, которые в конце концов победили. Правда, еще не окончательно.

– Почему вы так считаете?

– Потому что для комфортного и, главное, безопасного существования в своей стране элите нужно сильное и процветающее государство, с которым считается весь мир. И она вдруг с большим душевным беспокойством обнаружила, что без участия народа эта задача невыполнима. Кстати, вывод совершенно правильный, это я вам могу сказать на основе своего немалого опыта. А народ не встанет, как один, за новые шубохранилища, дачи и квартиры из десятков комнат для избранных! За Родину – может, за русский мир – может, за правду и справедливость – тоже. Но вот чтобы всяким толстомордым назначенцам удобнее воровалось – нет! И ваша власть, кажется, после десяти лет проб и ошибок начала понимать, что без патриотов ей не обойтись, хоть они и не самые удобные для нее люди. Все попытки приучить патриотов к воровству и распилу провалились. Если человек начинал грести под себя, то почему-то быстро переставал быть патриотом, причем настолько, что это становилось видно даже народу. А те, которые патриотами оставались, по каким-то таинственным причинам напрочь отказывались воровать. Насколько я в курсе, в верхах пока еще не приняли однозначного решения, как вести себя в такой ситуации. Именно поэтому победа державников не является окончательной.

– Однако даже если допустить, что все вами перечисленное имеет отношение к истине, вы же не станете утверждать, что власти Федерации ничего не предпринимают для повышения уровня жизни народа?

– Не стану, я наблюдаю за действиями эрэфовских властей с неослабевающим интересом. Мне эти ваши усилия напоминают попытки составить слово «процветание» из букв «о», «п», «ж» и «а». И меня не оставляет робкая надежда – а вдруг у вас получится? Ну а если серьезно, то такая задача, по-моему, не имеет решения без привлечения во властные структуры новых людей, не запятнавших себя неоправданным обогащением. Заметьте, я не сказал «незаконным», ибо законы писали те самые обогащавшиеся.

– Простите, но мне трудно поверить, что вы предлагаете допустить до власти всяких идеалистов.

– Так ведь не до всякой же власти! Скажем, идеалист на посту главы

ФСБ будет просто катастрофой, а в качестве его первого зама может оказаться в самый раз. Во главе же Минздрава он просто необходим.

– Между прочим, мне, да и не только мне, вы иногда таки кажетесь именно идеалистом. Однако ваши властные полномочия куда шире, чем у нашего главы ФСБ.

– Вы просто были не очень внимательны, вот вам что-то и кажется. На самом деле все очень просто – мой душевный настрой меняется в зависимости от времени суток. Просыпаюсь я оголтелым реалистом, прямо-таки иногда даже циником. Поэтому если надо подписать какой-нибудь приговор, то это только до обеда, ибо потом может проснуться совесть. Это еще ничего, но ближе к вечеру начинают проявляться идеалы, так что после ужина я вообще стараюсь решений не принимать, а только составляю мнение по тому или иному вопросу. Которое утром скорее всего сам же признаю ошибочным.

– И как же вы выходите из положения?

– Выкладываю оба мнения его величеству, а он сам соображает, какое из них более соответствует текущей обстановке. Довольно часто это происходит методом подбрасывания монеты. Орел – правильным признается утреннее мнение. Решка – вечернее. Если монета встанет на ребро, то надо посоветоваться с общественностью. А если зависнет в воздухе – с юристами на предмет наиболее полного соответствия законодательству.

Глава 20

Разумеется, отдых на природе не означал, что мы вообще переставали заниматься государственными делами. Думать-то себе не запретишь, да и ни к чему это, такое издевательство над собственным организмом. И вот, значит, в результате бесед с Никоновым и прочтения материалов из шестнадцатого года у меня возникла довольно интересная мысль. Она касалась реакции власти на протестные движения народа.

С одной стороны, давать им волю нельзя. Чем это кончается, хорошо показали майданы, перестройки и прочие революции роз, да и без них в общем-то можно было догадаться о возможных последствиях. С другой – при полном отсутствии протестов теряется обратная связь управления, что чревато сначала перекосом, а потом и разносом всей государственной машины. До сих пор мы использовали систему, очень близкую к советской, то есть так или иначе карали любые протесты, не санкционированные самой властью. Кстати, максимума подавление такого типа народных инициатив достигло вовсе не при Сталине, а при лысом придурке-кукурузнике, которому некоторые его апологеты-шестидесятники после так называемой оттепели приписывали даже некоторую демократичность. Так вот, на самом деле при Иосифе Виссарионовиче народ всюду протестовал против неугодных ему представителей власти. Правда, это имело вид не митингов, а доносов. Но ведь как-то работало же! Но, разумеется, такой способ далеко не идеален, хотя у нас он тоже практиковался достаточно широко.

Возьмем, например, такую тонкую вещь, как национальный вопрос. В советской конституции вообще было записано право наций на самоопределение вплоть до отделения, да и в эрэфовской тоже как-то затесалось нечто довольно похожее. В результате власть и там, и там была вынуждена демонстративно нарушать свои же собственные конституции.

У нас дело обстояло немного лучше. Все-таки нашу конституцию писал в основном лично я, и мне было просто жалко на нее так грубо плевать. Своя же, не чья-нибудь чужая! Поэтому право на самоопределение в ней ограничивалось рамками национально-культурных автономий. Однако некоторые личности даже в подобных условиях ухитрились наворотить такого, что не посадить их за это было ну никак нельзя. Правда, сажать приходилось за что-нибудь другое. И не то чтобы заказные судебные процессы представлялись мне чем-то недопустимым – нет,

тут недопустима только халтура при их проведении. А это значит, что каждый такой суд требовал немалых усилий от моего комиссариата, а иногда и от меня лично. Как будто в России больше заняться нечем!

Так вот, пришедшая мне на острове мысль позволяла заметно облегчить упомянутые трудности. Собственно говоря, ничего особенно нового она не содержала. Мы и раньше рассматривали замешанный в любом протесте корыстный интерес организаторов и исполнителей как отягчающее обстоятельство. Однако сейчас я понял, что на самом деле это полумера и его надо считать не обстоятельством, а полноценным составом преступления. И, соответственно, иметь на этот случай отдельные статьи. А само понятие «несанкционированный митинг» следует вообще убрать как из уголовного, так и административного кодексов.

Например, решил в каком-нибудь селе Гадюкино народ выразить свое возмущение поведением местного богатея, закрывшего ему, народу, своей дачей проход в лес или к реке. И пусть себе выражает на здоровье! Если в процессе этого перекроют дорогу, то ответственность наступит за нарушение правил уличного движения, и не более того. Но такая благодать будет возможна только при полном бескорыстии всех участников процесса. Если же организаторы получили от кого-то деньги и частью простимулировали участников, то тут начнет действовать уже совсем другая статья – из раздела «Преступления против империи». Причем нет никакой нужды разбираться, кто там чего организовывал или исполнял. Арифметика – наука точная и кривотолков не допускает, достаточно всего лишь ввести в закон простую и всем понятную норму – год за рубль. Насколько я был в курсе, рядовым участникам беспорядков у нас никогда больше пятерки не платили, а пять лет на Колыме вряд ли нанесут непоправимый вред здоровью, зато хорошо поспособствуют прочищению мозгов. У организаторов же фигурируют совсем другие суммы, значит, и сроки будут соответствующими. Получит один такой пять тысяч лет на Вилюе – глядишь, следующий и задумается.

Разумеется, не следует забывать и руку дающего. То есть по рукам его, гада! Ибо ничто не возникает из ничего, и деньги тоже. Раз их кто-то получил, значит, их кто-то дал, и срок следует делить по справедливости, то есть поровну. Если, например, бабки дал какой-нибудь американский посол, которого посадить нельзя, а можно только выслать, то, никуда не денешься, все пять тысяч повиснут на получателе. Когда же в ситуацию влезет не обладающий иммунитетом посредник, то и он, и непосредственный организатор протеста получат по две с половиной тысячи лет. Это, конечно, меньше, чем полные пять тысяч, но вряд ли люди

сильно обрадуются такому облегчению. Даже если в цепочке будет сто посредников, все равно каждому хватит доставшегося срока. Как говорится, «и пусть никто не уйдет обиженным».

Император же, кажется, на острове полностью отрешался от государственных раздумий и почти все свободное время, коего, впрочем, тут у него было не очень много, посвящал чтению. И он явно отдавал предпочтение фантастике из того мира, причем не классике типа Ефремова, Стругацких, Брэдбери или Хайнлайна, а совсем уж низкопробному чтиву, не дотягивающему даже до уровня творений Виктора Калюжного. В ответ на мое недоумение его величество разъяснил:

– Понимаешь, иногда хочется отдохнуть душой. Окунуться во что-нибудь простое, такое... эдакое... в общем, незамысловатое. В процессе создания которого интеллект был задействован в минимально допустимых дозах. Раньше было проще – можно было доносы на тебя почитать на сон грядущий. Эх, как люди писали!

Император вздохнул с неподдельным сожалением.

– Помнишь, в каком трогательном единении сошлись Толстой и церковники, объявляя тебя воплощением дьявола? Наплевав на все взаимные обвинения и даже забыв про отлучение, на одной странице расписались. И там же, только чуть ниже, для придания документу дополнительного веса отметился Гришка Распутин. Очень ценная бумага, я ее берегу для будущей музейной экспозиции. А персонажи с какими фамилиями обвиняли тебя в предательстве интересов России! Я сначала думал, что те писания – вообще твоих рук дело, но потом выяснил – нет, это, оказывается, они сами. В результате внезапно случившегося острого приступа патриотизма, когда их злобный канцлер начал потихоньку раскулачивать. Наверное, ты куда-то дел всех авторов. Нет, я, конечно, не против, а некоторых сам бы задвинул еще дальше, но читать стало нечего – уже лет десять вообще ничего не пишут. Вот и приходится довольствоваться скачанной твоими девочками макулатурой. Хотя ты, наверное, можешь не понять – ведь тебе на меня небось не писали.

– Недооцениваешь ты, ваше величество, творческий потенциал нашего народа. Еще как писали! Как сейчас помню – через неделю после коронации пришел анонимный донос, что ты воспользовался повышением служебного положения и затащил в постель мою любовницу. Правда, анонимной та бумага оставалась совсем недолго.

Гоша приоткрыл рот и захлопал глазами, пытаясь понять логику услышанного. Уж кто-кто, а он отлично знал, что начиная со второго года

и до самой женитьбы у меня наличествовала всего одна любовница! Да, но она была его матерью.

– Люди имели в виду Танечку, – пояснил я. – И она же потом занималась отловом, так что ничего хорошего про их судьбу я сказать не могу.

– И не надо, – согласился император. – Дашь почитать?

– Конечно, только у меня это в бумажном виде, в электронку я такие вещи не переводил.

– Ничего, мне Маша мигом оцифрует, заодно и сама прочтет – ей, наверное, тоже будет интересно.

Однако все на свете имеет свой конец. Кончился и наш очередной отдых на девственном острове. Все величества и его высочество цесаревич отбыли в Питер, захватив с собой Никонова, а мы с Настей остались. Нам предстояло провести одно небольшое исследование.

До сих пор считалось, что легкость открывания порталов от географических координат не зависит. Правда, то же самое теория утверждала и про использование эффекта Арутюняна, однако Саша Кобзев экспериментально доказал, что это не так. Зависит, причем в последнем случае, на острове Пасхи, настолько сильно, что не остается никаких сомнений.

Так вот, у меня возникло подозрение и по поводу наших с Гошей порталов. Мне показалось, что в бухте Анакена порталы и туда и оттуда открываются несколько легче, чем в любой другой точке – как на острове, так и вообще в мире. Что-то похожее чувствовалось и в месте, откуда сюда прибыл Жан, а потом отправился обратно. У этих мест было нечто общее. Именно тут впоследствии – или в прошлом, если смотреть из двадцать первого века, – аборигены начинали строить первые каменные постаменты – аху – и втаскивать на них своих истуканов. Однако таких зон вообще-то было три. Осталась необследованной еще одна – Тонгарика рядом с бухтой Хотуити, и мы с дочерью отправились именно туда. До конечной точки маршрута было семь с половиной километров по прямой, если идти на юго-восток.

Около потухшего вулкана Рано Рараку нам пришлось взять южнее – больно уж густой лес рос на его склонах. Оставив вулкан слева, часам к пяти дня мы вышли к океану.

Сразу выяснилось, что на острове Пасхи не одна закрытая бухта, а как минимум две. В углу большой бухты Хотуити примостилась совсем маленькая, без названия. Однако она все-таки была больше той, что около Ханга-Роа. Здешняя имела метров пятнадцать в ширину и примерно

тридцать в длину – правда, подход к воде был на редкость неудобным из-за больших валунов по всему берегу.

– Так, дочь, – сказал я, с облегчением садясь на лежащий ствол какого-то гигантского древовидного папоротника. – Ты не очень устала? Тогда пробегись по окрестностям, прикинь, откуда тебе покажется наиболее удобным открыть портал. Я пока поставлю палатку, потом поймаем кого-нибудь, поужинаем, а завтра начнем планомерный поиск уже вместе.

Оказалось, что искомое место находится как раз там, где в двадцать первом веке стояла платформа с наибольшим количеством статуй, – в бухте Хотуити.

– Похоже, туземцы что-то такое чувствовали, – предположила Настя. – Или им это кто-то сказал. Ведь место для статуй не самое удачное – в случае любого хоть сколько-нибудь заметного землетрясения в Чили, а они там не редкость, волна цунами придет именно сюда. Да еще и усилится в бухте благодаря ее сужающейся форме. Я читала, что в шестидесятом году так и получилось, все статуи поскидывало с платформы, и пара штук даже разбились. Но островитяне не пожалели сил, чтобы снова поставить их именно здесь. Причем и в нашем двадцатом веке, и в мире Жана. Кстати, видишь, вода куда-то потихоньку уходит? Разумеется, это скорее всего обычный отлив, но так же должны выглядеть и первые признаки цунами. Может, давай не будем тянуть с порталом? А то мне что-то неохота глядеть со столь близкого расстояния, как это самое цунами смотрится в натуре.

Сказано – сделано, и вскоре мы уже шагали по острову Пасхи начала двадцатого века. Теперь никаких лесов тут и в помине не было, так что наш путь лежал по кратчайшей прямой, мимо восточного склона вулкана Рано Рараку. И к обеду перед нами открылась панорама лагеря в бухте Анакена. Впрочем, не сразу, а после краткой беседы с патрулем, которому Настя показала свое удостоверение и назвала текущий пароль. У меня морпехи ничего не спрашивали, но дочь на всякий случай уточнила:

– Этот со мной.

Патруль не выразил никакого удивления. Подумаешь, из глубин острова пришли канцлер с дочерью, которые еще вчера присылали сюда радиogramмы из Питера! Значит, того требуют государственные интересы, вот и все. Поэтому нам просто выделили сопровождающего до лагеря.

По сравнению с прошлым визитом тут наблюдались небольшие изменения. Правда, все они сосредоточились на каменном истукане, гордо стоящем у самой кромки воды.

Я еще помнил, как морпехи, узнав, что на голове у статуи должна быть

какая-то шляпа, быстро соорудили из бетона шлем-каска.

– Но стало не очень хорошо, – разъяснил сопровождающий. – Раньше был просто каменный болван, а в шлеме получился вроде как уже морской пехотинец, только не по форме одетый. Вот, значит, мы потихоньку и привели его внешний вид в соответствие с уставом.

Да уж, теперь к статуе было трудно придаться. Она обзавелась наброшенной на плечи камуфляжной плащ-накидкой, а спереди в разрезе комбеза виднелся треугольник тельняшки. На длинном носу истукана сверкали солнцезащитные очки, из-под шлема к углу рта тянулся стебелек микрофона, а сама рация висела на левом плече. И, разумеется, укороченный федоровский автомат на груди.

После обеда мы с дочерью взяли катер и сплавали почти до поселка аборигенов. Там, неподалеку от места, откуда, правда в десятом веке, вернулся в родной мир Жан, берег образовывал не очень заметную и с моря, и с суши расселину. Настя утверждала, что в мире Жана она выглядит точно так же, как в этом. Мы облазили ее вдоль и поперек, я замерил все интересующие меня размеры, после чего сделал полтора десятка фотографий с разных ракурсов. На этом наши дела в южной части Тихого океана на сегодня были закончены. Оставалось только вернуться в бухту Анакена, а оттуда – через два портала в Гатчину. Естественно, начала двадцатого века.

Глава 21

Надо сказать, что я крайне редко что-либо делаю без, как говорится в определенных документах, «заранее обдуманых намерений». Поэтому и наше с дочерью лазание по расселине производилось не просто так и даже не на всякий случай, а с целью изучить место, где вскоре мне предстояло немного поработать. Вскоре – это совсем рядом по времени, в две тысячи шестнадцатом году. И, как оно ни странно, спихнуть данную работу на кого-нибудь еще было нельзя, ее надо было делать самому. Потому как мало ли какие результаты она может дать...

Изучением Интернета в этих временах пока занималась Настя, а вскоре ее должны были сменить две специально подготовленные девочки. Но поручать им раздобыть информацию, которая вдруг понадобилась мне, было нельзя, несмотря на их допуски по высшей форме.

А заинтересовали меня совсем простые вопросы.

Как в том мире сложились судьбы тех, от кого в мире нашем зависит судьба Российской империи? И в не совсем нашем – судьба Российской Федерации.

Как и положено, начать я решил с себя. Для чего переместился на остров Пасхи шестнадцатого года, быстро дошел до расселины и установил над ней замаскированную под засохший куст антенну с усилителем, чтобы уверенно пользоваться беспроводным Интернетом из гостиницы, до которой было метров триста. Потом спустился вниз, завесил вход в мини-пещеру специально подобранным по расцветке тентом, так что отныне мое убежище можно было обнаружить, только уткнувшись в него носом, скинул рюкзак, открыл его и приступил к обустройству.

Человек я неприхотливый, и вскоре с бытовыми вопросами было покончено. Теперь в центре пещерки стояли раскладной столик со стулом. У стены стояли и лежали: четырехлитровая бутылка с питьевой водой; две двухлитровки из-под кока-колы, в которые перед отправкой в экспедицию я лично залил жигулевское пиво гатчинского разлива; еще одна такая же, только с бензином; туристический примус, контейнер которого мог использоваться в качестве кастрюли; банка растворимого кофе из желудей и ячменя, четыре бомж-пакета «Роллтон», полкило копченой колбасы, десяток вареных яиц, три вяленых леща и буханка черного хлеба.

В самом дальнем от входа углу притулился надувной матрас со спальником. И, естественно, почти все место на столике занимал ноутбук, за который я и засел.

Исследование социальных сетей и мотосайтов быстро показало, что никакого меня в том мире вообще никогда не было. Мои родители приехали в Москву в том же пятьдесят шестом году, но бездетными. Потом у них родилась дочь, которая в свое время осчастливила их внучкой Машенькой. Та выросла, подалась в дизайнеры... в общем, ее биография мало отличалась от таковой у моей племянницы. Причем, как ни странно, даже в плане замужества! То есть и там она ухитрилась выйти замуж за принца. Правда, не за такого, как тут. Впрочем, это неудивительно, ведь наследники престола Российской империи просто так на дороге не валяются. Так что той Маше пришлось удовольствоваться принцем попроще. Это был двоюродный племянник королевы островов Кука, в девятом году по каким-то своим делам заехавший в Москву. Но, несмотря на не самое близкое родство с королевой, он все же был наследником престола, так что вскоре и той Машеньке предстояло стать ее величеством. Однако пока королева помирать вроде не собиралась, хотя ей было, по моему, уже за восемьдесят.

Боря Фишман тоже нашелся, но радовался я недолго. Здесь он никогда не интересовался техникой, а пошел по стопам родителей, то есть поступил сначала в торговый техникум, а потом, закончив «Плешку», стал каким-то мелким экономистом на «Красном Октябре». Жалко, а то я уже начал прикидывать, во сколько раз повысится эффективность исследований, если за решение очередной проблемы посадить сразу двух Фишманов.

Сейчас Боря-бис мирно доживал свой век в Канаде, окруженный сворой любящих детей и внуков. Офигеть, если столько было только официальных, рожденных в законном браке, то я даже побоялся представить, сколько их у него было всего.

Решив немного отвлечься, я вывел на экран карту и посмотрел, где же находятся острова, на которых вскоре предстояло стать королевой моей племяннице Машеньке, у которой никогда не было дяди. Оказалось, что совсем рядом, в неполных пяти тысячах километров от Пасхи! То есть наша Маша, если возникнет такое желание, сможет без особого труда навестить ту Машу. Хотя, пожалуй, это будет лишним. Просто потому, что та Маша, наверное, в силу проживания в тропическом климате и питания всякой дрянью наподобие кокосов, плодов хлебного дерева и каких-нибудь морских огурцов комплекцией более всего напоминала наглядное пособие для изучения человеческого скелета. А у нашей

королевы-императрицы лишний вес – это идея фикс, и как бы она от зависти не села на очередную диету. Нет уж, обойдемся без трогательного воссоединения родственных душ, так всем будет спокойней. Тем более что, кажется, мой сеанс психотерапии, последовавший за недавно закончившейся диетой, возымел хоть какой-то результат.

Мне тогда стало просто жалко племянницу – ведь через неделю голодовки у Маши явно осталось только два желания: похудеть и пожрать. И я ей объяснил, что организм – он ведь как минимум не дурней ее и все понимает. Когда его морят голодом, он это запоминает надолго. И значит, в конце концов получив возможность нормально питаться, тут же начинает откладывать жир впрок. Он же имеет все основания подозревать, что у хозяйки это был не последний приступ временного помрачения рассудка, и делает запасы на черный день. Кажется, Маша прониклась, так что не будем нарушать хрупкое равновесие сведениями об ее пятидесятикилограммовом аналоге.

Решив, что пора сделать перерыв, я взял первую бутылку с пивом и задумался на отвлеченные темы. А именно – дальше действовать по основному или резервному варианту плана?

Основной подразумевал сидение в норе до упора, то есть больше суток безвылазно. Резервный допускал кратковременную прогулку по острову. Если при этом встретится абориген и заинтересуется, кто я такой и откуда взялся, нет никакой необходимости что-то ему врать. Так и ответить, как есть, мол, я отец недавно гостившей у вас русской девушки Насти. Случайно оказался неподалеку и решил заглянуть сюда на предмет проверить, все ли в порядке с островом после визита дочери.

Придя к выводу, что радикально прятаться нет особой нужды, я сначала спустился вниз, к воде, с целью удовлетворения возникшей после приема пива естественной потребности организма. Потом глянул наверх, и лезть туда стало лень. Не для того я трачу свое драгоценное время в этой дыре, чтобы еще и любоваться тут красотами природы! Тем более что никаких положительных эмоций они не вызывают. Нет уж, обойдемся без расслабона – краткий послеобеденный сон, а потом работать, работать и работать.

Следующими объектами моего любопытства стали люди из Федерации – а именно президент, премьер и Никонов. Тут уже не было столь жесткой необходимости смотреть это именно мне, но все же... А вдруг в будущем с ними случится что-нибудь этакое, не очень хорошее? Тогда, если вдруг возникнет необходимость открыть нашим партнерам

глаза, можно будет честно и с чистой совестью заверить – мол, не волнуйтесь, это знаю только я.

Петра Сергеевича действительно ждали определенные неприятности. В тринадцатом году он каким-то боком оказался замешанным в коррупционном скандале с продажей имущества Министерства обороны. Впрочем, до привлечения в качестве обвиняемого дело не дошло, но свидетелем он все же побыл, а потом оказался на какой-то мелкой должности аж в Волгограде. Чему, кажется, был даже рад, ибо дело могло кончиться и хуже.

Скопировав наиболее интересные документы по этому вопросу, я перешел к следующим, то есть к судьбам президента и премьера.

Тут ничего такого не обнаружилось. Правда, в двенадцатом году они поменялись местами, но в этом почти никто и не сомневался ни в нашем, ни в их мире.

Кажется, теперь над премьером, который в бытность мою тюнигером мототехники работал президентом, начали помаленьку сгущаться тучи, но ни к какому результату это сгущение пока не привело. Я покачал головой – мы с Гошей тоже пару раз провернули подобный финт. Его величество вдруг начинал старательно делать вид, что между ним и канцлером пробежала черная кошка, а тот внимательно присматривался, кто именно поднимет голову, воодушевившись столь радостной новостью. Увы, во второй раз никто из хоть сколько-нибудь заметных персон уже не клюнул.

По возвращении в Гатчину меня ждала новость, которую я счел оптимистической, а доложившая ее мне Танечка – неопределенной. Новость состояла в том, что нашелся тип, приехавший к мне на скутере перед началом нашей с Гошей межмировой деятельности.

– Какова, по-вашему, вероятность, что это именно он? – сразу спросил я.

– Боюсь, что сто процентов, – вздохнула директорша СИБа. – Объект явно засек наблюдение, хотя вели его отнюдь не новички. Ближе трехсот метров к нему вообще никто не подходил. Когда же агент начал съемку окон его квартиры с расстояния четыреста двадцать метров, объект открыл окно, высунулся оттуда, подмигнул прямо в объектив, после чего помахал ручкой и удалился из поля зрения. Вот снимки, сами смотрите.

– Это он, но больно уж сильно постаревший, – заметил я, возвращая снимки. – Для человека в возрасте под тысячу лет так сдать всего за полтора года просто неприлично.

– Да, мне тоже так показалось, и агент аккуратно расспросил бабок

у подъезда. До позапрошлого года объект действительно выглядел очень молодо для своих восьмидесяти трех лет по паспорту. А потом резко сдал и начал стареть прямо на глазах. Но ни малейших признаков старческого маразма никто не заметил, скорее наоборот. Из чего я сделала вывод, что планируется переход под новую легенду, причем скоро, но все же не завтра.

Я кивнул. Конечно, если живешь даже пусть и не тысячу, а всего лет двести, то все равно по одним и тем же документам это вряд ли получится. А так – дедуля состарился, ослаб сначала здоровьем, потом рассудком, в один прекрасный день ушел из дома и не вернулся. Ясное дело, что особо активно искать его не будут, и отсутствие результатов поиска никого не огорчит. А тем временем где-нибудь в Саратове или Тель-Авиве вдруг объявится новый житель с безупречной, наверняка прекрасно подтвержденной документами биографией.

– Но все же лучше, пожалуй, поспешить, – предположил я. – Мало ли, вдруг он на старости лет обленится и ему стало влом изображать слабоумие вдобавок к хромоте и... чего он там еще симулирует?

– Сколиоз, ишемию и резкое ухудшение зрения.

– Юморист, блин, почти как я. Если у него и сколиоз с ишемией такие же, как подслеповатость, то с этим дедушкой надо поосторожней. В общем, похоже, что на связь с ним надо выходить мне. Готовьте охрану, причем имейте в виду не только стандартные ситуации, но и вариант, в котором я подвергнусь мощному ментальному воздействию и начну вести себя неадекватно.

– По-моему, вы уже начали, – вздохнула директриса. Впрочем, без особой уверенности в голосе. Потому как она явно понимала – ее агенты смогут увидеть только то, что захочет им продемонстрировать поднадзорный. Я, скорее всего, тоже, но есть надежда, что мне он захочет продемонстрировать больше.

– Ладно, вам, в конце концов, виднее. Где планируете базироваться?

– В своем гараже.

– А если операция затянется, то и ночевать там же?

– Разумеется, не в первый же раз, заодно и молодость вспомню. Кстати, можно ли надеяться, что все охранницы окажутся юными и прекрасными?

– Нельзя, – обломала мои возвышенные мечты Танечка. – А то мне перед Марией Федоровной будет неудобно. Да и перед собой, честно говоря, тоже. Я, можно сказать, как последняя дура, уже больше двадцати лет подряд ему глазки строю, а он? Вот не были бы вы моим бессменным

начальством, ни за что бы не простила такое. Ну а так, конечно, придется простить, но охранниц я вам подберу отнюдь не по критерию внешней привлекательности.

Само собой, я собирался поставить в известность Никонова о своем предполагаемом визите. И как всегда, это следовало сделать, не унижаясь до вранья. Итак, какие именно из многочисленных чистейших правд можно смело ему представить? Что мне вдруг срочно могло понадобиться в том мире?

Ну, например, не помешает поставить в известность Пенсионный фонд о том, что некто Георгий Андреевич Найденев полностью выполнил свой долг перед родиной, сыграв в ящик буквально перед самым выходом на пенсию. То есть он, прекрасно понимая трудности фонда, выплатил практически все, что было положено, но сам ни на какие деньги по вполне объективным причинам не претендует. Эх, если бы так патриотично поступали все! Тогда ни о каком дефиците средств для выплаты пенсий не было бы и речи. И сообщить эту новость должен именно я как единственный родственник усопшего, побывавший на его могиле. Кажется, он приходился мне двоюродным правнуком. Или троюродным, надо будет уточнить перед беседой с постоянным представителем.

Но, как правило, одной причины для объяснения чего-нибудь почти всегда бывает мало. Нужно несколько, причем желательно не очень сильно противоречащих друг другу. Итак, с чего это вдруг меня понесет сначала в гараж, а потом к Черемушкинскому рынку, неподалеку от которого живет мой таинственный незнакомец? Ну, с гаражом все ясно. Небось Сашка до сих пор в сомнениях: а точно ли я ему ничего не должен? От меня не убудет, если я эти сомнения рассею лично.

Я выдвинул третий ящик письменного стола и после недолгих поисков вытащил оттуда искомое – почти целую пачку тысячных, валявшуюся тут еще с времен нашего с Гошей визита в Уссурийск. Пожалуй, этого хватит, даже учитывая инфляцию. Так, а чего мне надо на рынке?

Тот район мне был неплохо знаком, и я быстро вспомнил, что сразу за рынком расположен торговый центр «Триумфальный». И надпись на крыше какой-то неведомый юморист оформил довольно оригинально. Буква «ф» была изображена в виде палки и двух отдельных полукружий, причем из-за наклона шрифта правое казалось гораздо ближе к палке, чем левое. То есть с первого взгляда эта самая «ф» читалась как «ср». Помнится, увидев это произведение каллиграфического искусства, я задумался: неужели прогресс дошел до огромных общественных комплексов подобного профиля? А что, архитектурный стиль

соответствует, вон какие окошки маленькие и мутные. Потом, правда, понял, что это всего лишь универмаг. Вот вам и еще одна вполне уважительная причина – я решил лично сфотографировать объект для показа у нас, мало ли, вдруг такое решение в области наружной рекламы кому-нибудь покажется интересным.

Однако, как это часто бывает в жизни, красивые планы не выдержали первого же соприкосновения с реальностью. Ибо на мой мобильник, ныне хранившийся в посольстве на Даниловской, пришла СМС следующего содержания:

Георгий Андреевич, надеюсь, с моей стороны не будет особой наглостью просить Вас об отсрочке нашей встречи месяца на два. К тому времени у меня появятся дополнительные сведения, а у Вас – дополнительные вопросы, на которые я с удовольствием отвечу. Искренне Ваш Чел. – Птиц.

– Похоже, голубь наш сизокрылый прямо на днях собирается упорхнуть, а потом свяжется с вами уже под новым именем, – предположила Татьяна. – Если, конечно, действительно свяжется. Но мне все же кажется – не стоит ему мешать.

Глава 22

Считается, что одним из важнейших достижений цивилизации является реализация принципа разделения ветвей власти. Казалось бы, что может быть лучше, чем независимые друг от друга законодательная, исполнительная и судебная системы? Да плюс еще четвертая власть, она же вторая древнейшая профессия, то есть пресса, тоже будет не лишней. Для полной завершенности благостной картины сюда под пятым номером можно добавить и первую древнейшую, такие попытки делались уже неоднократно. И все станет просто замечательно! Неужели кто-то сомневается?

Увы, таковые есть. Например, некто Найденов Георгий Андреевич. С ним полностью солидарны Романов Георгий Александрович и Романова-Курильская Мария Александровна, да плюс еще не до конца сосчитанное, но очень немалое количество людей в чинах поменьше. Кстати, и в Российской Федерации сомневающихся тоже достаточно. Почему так? Да потому, что исходный тезис в корне неверен. Нет сейчас таких независимых ветвей власти нигде в мире двадцать первого века, к этому мы еще вернемся. Есть другие, но они не возникли в результате развития демократии и построения гражданского общества, а родились вместе с человечеством. И три их бывало только в не очень длительные переходные периоды, обычно же существуют всего две.

Итак, исторически первым типом человеческого общества была родовая община. Собственно, не только человеческого – у горилл и шимпанзе тоже есть нечто почти такое же. Затем появились племена, то есть объединения нескольких общин по принципу наличия общих предков и длительного проживания на соседних территориях. Эти общества были эгалитарными (вспомните, «либерте, эгалите, фратерните», добрый доктор Гильотен и все такое прочее). То есть люди были практически равны, почти никакой власти не наблюдалось, а та, что все-таки была, базировалась на двух китах – уме и силе. Командовать мог либо самый накачанный обладатель самой здоровенной и суковатой дубины, либо хитромудрый старикашка с большим жизненным опытом, иногда способный спрогнозировать развитие ситуации аж на целый час вперед. Очень редко обе способности объединял в себе один человек. Чаще всего сила и разум имели каждый своего носителя, которые вынуждены были как-то сосуществовать друг с другом.

Потом появились вождества, то есть объединения уже нескольких племен. Как правило, такое становилось возможным только после освоения земледелия или скотоводства и, как следствие, появления излишков продовольствия, которые нельзя было сожрать в один присест, и, значит, их приходилось как-то хранить и распределять. В общем, вождества уже представляли собой зародыши государства. И вот тут к уму и силе добавилась религия – появились первые шаманы. То есть на какое-то время ветвей власти стало три. Однако долго никакой переходный период продолжаться не может, и на основе сплава ума, силы, а также с неизменным добавлением жестокости, жадности, беспринципности и подлости сформировался институт наследственных вождей, олицетворяющих собой государственную власть. Как противовес ему выступала религия.

Этой паре суждена была долгая совместная жизнь – от первых шумерских городов-государств до конца Средневековья. Разумеется, каждая из ветвей власти не отказалась бы сжить конкурента со света, но, как правило, они вынуждены были воздерживаться от особо резких движений, ибо ничем хорошим они не кончались.

Борьба всегда шла с переменным успехом: то какой-нибудь фараон вроде Эхнатона прищучит жрецов, но долго наслаждаться плодами победы у него не получится ввиду преждевременной смерти, не очень похожей на естественную, то служители культа, собравшись с силами, отодвинут монарха от власти и устроят теократию – например, такой процесс в концентрированном виде описан у Стругацких в «Трудно быть богом». Однако результат обычно получался неустойчивым – подобное государство быстро уничтожалось либо восставшим народом, либо более разумными соседями, у себя теократии не допустившими.

Вот только на свете нет ничего вечного, и Средневековье потихоньку подошло к концу. В процессе чего все более явно оформлялась победа государства над религиозными структурами, вплоть до полного их подчинения. Однако не успели всякие короли с императорами и прочими эмирами облегченно вздохнуть – мол, наконец-то покончено с засильем проклятых попов! – как на сцену вылезла только что появившаяся третья сила, именуемая мировой финансовой системой. Причем у нее изначально имелось серьезное преимущество перед любыми предыдущими – интернациональность и независимость от религиозных догм. Еврей-ростовщик, бухарский меняла и джентльмен-работорговец одинаково сильно стремились к прибыли, и в случае ее возможности могли прекрасно действовать заодно, не заморачиваясь вопросами веры, этики,

национальности и тому подобными предрассудками.

Девятнадцатый век стал веком зарождения общемировой финансовой олигархии, двадцатый – веком успешной ее борьбы за подчинение государственных институтов, а в начале века двадцать первого победа так называемого «большого бизнеса» над всеми правительствами Земли окончательно закрепились и законодательно оформилась. Сомневающиеся могут почитать конституцию своей страны, наверняка там найдется пассаж о приоритете международных норм над национальными. Где именно эти самые «международные» пишутся, я думаю, понимают уже все. Исключение – США – на самом деле таковым не является, ибо это государство – место дислокации руководящих органов мировой финансовой олигархии. Какие еще, к чертям, могут быть приоритетные нормы в державе, где живут столь уважаемые люди? Никаких, кроме тех, что они сами установили для этой страны и всего остального мира.

Так вот, исходя из вышеперечисленного, я время от времени впадал в глубокие раздумья. Дело в том, что как раз олигархов-то у нас, считай, и вовсе не было! А ведь совсем недавно были, но вот только...

Кто-то был уничтожен чисто физически. Прочие, в достатке наделенные разумной осторожностью и обостренной чувствительностью пятой точки, пока только морально, то есть перед любым хоть сколько-нибудь значительным действием консультировались либо в финансовом департаменте ее величества, либо в моем комиссариате. А вообще-то народ в олигархи уже не очень-то и стремился. Иными словами, люди с деньгами в политику не лезли, отлично представляя, чем это чревато. Имеющим же власть и представлять ничего не надо было – за незаконное или даже не совсем законное обогащение меньше червонца с конфискацией чиновнику или депутату не могло светить почти ни при каких условиях.

Правда, имелось еще двое, несколько выпадающих из общего ряда, – мы с Машей. Да, мы тоже иногда консультировались в означенных структурах, но немного не так, как прочие. А и денег, и власти у каждого из нас было вполне достаточно. Если же вдруг Маше для чего-то не хватало власти или мне – денег, то мы обращались с просьбами друг к другу и, как правило, не отказывали коллеге в такой малости.

Все так, но королева-императрица – она в первую очередь именно императрица. Во вторую – патриотка России, в третью – Гошина жена, в четвертую – моя племянница, в пятую – курильская королева и только в какую-нибудь энную – олигархиня. Учитывая же, что в эн плюс первую очередь она президент Израиля, волноваться вообще не о чем.

У меня стольких отмазок не было, но ведь с проблемами-то

разбираться предстояло именно мне, а сам с собой я как-нибудь разберусь без привлечения дополнительных теорий.

То есть никакой своей финансовой олигархии в России не имелось. На остатки мировой, ныне сохранившиеся только в Штатах, да и то в заметно уменьшившихся количествах, нашей стране в принципе было глубоко начхать. И значит, потихоньку оформлялась ситуация, при которой государственная власть совсем не имеет каких-либо конкурентов. Что не есть хорошо, ибо давно известно, что монополизм в большинстве случаев ведет к загниванию.

Вообще-то Гоша озаботился этой проблемой сразу после окончания мировой войны и придумал теорию, согласно которой место финансовой олигархии займут органы народовластия, но только они будут не конкурентами государственной власти, а ее партнерами. Насчет этого у меня сразу возникли сомнения, коими я не преминул поделиться с его величеством. Дело в том, что партнер может быть либо активным, либо пассивным. Но кто бы кого и в какой позе ни поимел в данном тандеме, все равно получится нехорошо.

– У тебя просто удивительный талант опошлить что угодно, – вздохнул император. – Неужели ты не можешь представить себе нормального партнерства?

– Еще как могу!

Мне тут же вспомнился незабвенный Леня Голубков.

– Такого, который не халевщик, а партнер. По-моему, это еще хуже. Разведем, а куда их потом девать-то? Мне и так уже жаловались, что Виллюй не резиновый и там скоро мест хватать не будет.

Гоша сказал, что он постарается подумать и конкретизировать свою теорию, но пока ни к каким результатам его раздумья не привели. Что в общем-то понятно, ибо проблема весьма непростая.

Дело в том, что так называемое народовластие, более известное под псевдонимом «демократия», с моей точки зрения, толком не работает вообще нигде. Во всяком случае, мне такие места, где с этим делом полный порядок, просто неизвестны.

Ладно, не будем рассматривать Федерацию, обратим внимание на западные страны. Пусть где-то есть такая, где выборы абсолютно честные, вероятность победы кандидата зависит не от толщины кошелька его спонсоров, а исключительно от предложенной им программы и личных качеств. Не надо крутить пальцем у виска, это я всего лишь мечтаю! Но даже в мечтах не получается привести такую схему к идеалу, ибо народный избранник до избрания и после него – это совершенно

разные люди. И дело тут в основном не в их моральных качествах, хотя, разумеется, таковые тоже, как правило, далеки от кристальной чистоты. Просто бытие – оно, как известно, определяет сознание. И у кандидата на какую-нибудь выборную должность бытие одно, а стоит ему только избраться, как бытие резко меняется. В результате народ только горестно вздыхает, вспоминая, сколь много, горячо и искренне обещал кандидат, и глядя, чего он наворотил, только дорвавшись до власти. А чего же вы хотели? Даже в идеальном случае демократия обеспечивает путь к власти не самым компетентным, а тем, кто умет убедительно и красочно обещать.

Вот тут-то и проявляется главный и обычными методами неискоренимый дефект классической демократии.

Для примера рассмотрим, например, токаря. Или слесаря, или даже разнорабочего. Бывает так, что он уходит в запой? Увы, да, и не так уж редко. Могут его за это уволить? Вполне.

Возможна ли ситуация, когда на заводе установили новые станки и не все токари смогли на них переучиться? Да. И что происходит с теми, кто не смог? Их в лучшем случае переводят в подсобники, а то и вовсе сокращают.

Фантастична ли ситуация, когда выясняется, что подсобный рабочий настолько туп, что не может даже нормально таскать кирпичи? Нет, случается и такое. И никого не удивляет, когда такого дебила выгоняют.

А теперь попытайтесь припомнить хоть один случай прекращения кем-либо депутатских полномочий по причине выдающейся профессиональной некомпетентности – когда избранник вообще не умеет ничего, кроме как болтать не по делу и пилить бюджет, да к тому же еще пьет и прогуливает заседания. Могу сказать, что ничего у вас не выйдет. Если кого-то и лишают депутатства, то исключительно за то, что он потерял страх и начал хапать так, что это стало заметно не только его коллегам по законотворчеству (они-то, как правило, все знают, но молчат), но даже простым избирателям. Так вот, если этот субъект еще и не делился или, тем более, позволял себе идти против интересов тех, кто пропихнул его наверх, то тогда и только тогда он может вновь стать простым гражданином или даже вовсе эком. Причем с депутатами на фоне президентов дела обстоят еще более или менее терпимо. Но может кто-нибудь привести пример импичмента первого лица по мотивам профессиональной непригодности или просто запойного злоупотребления? Вот то-то и оно. Хотя, с моей точки зрения, подобное куда хуже для государства, чем мелкие недостатки типа оральной неводержанности или каких-то там уотергейтов.

В результате, проскочив избирательную кампанию, народные избранники потом чувствуют себя спокойно аж до следующих выборов. За это время они, как правило, успевают или наворотить, или наворовать более чем достаточно. Или и то и другое, если есть избыток энергии.

В общем, по моему скромному мнению, ни на роль государственной власти, ни на роль ее конкурента демократия ни в каком виде не годилась совершенно. Самое большее, что можно ей позволить, – делать перед глупыми избирателями вид, что это именно она тут всем управляет, а заодно и является оппозицией самой себе. Ну и веселить подобным образом действий тех, кто поумнее.

Разумеется, совсем без какого-либо участия народа в государственных делах не обойдешься. Я это понимал и всемерно поощрял в том самом народе стремление к эпистолярному способу поддержания справедливости, то есть по мере сил развивал культуру доноса. И, хотя тут были достигнуты определенные успехи, на роль конкурента государственной власти это общественно-политическое явление не тянуло. Максимум, с чем его можно сравнить, – это с прыщом на заднице, создающим определенные неудобства при возлежании на лаврах.

Однако когда я более или менее вник в проблему, меня посетила мысль. Ведь чему нас учит марксизм-кисинизм и, кажется, еще и Гегель до кучи? Тому, что развитие идет по спирали. И значит, общество периодически возвращается к тому, что оно уже когда-то проходило, но только теперь уже на более высоком уровне. Поэтому не пора ли вернуться к религии? Или даже религиям, каши маслом не испортишь. Разумеется, не пуская их возникновение и развитие на самотек, как это было в темном прошлом. Ведь сейчас у нас есть прекрасные примеры четкой работы выпускников духовного факультета высшей спецшколы ДОМа. Одна только секта Свидетелей Второго Пришествия, за последние пять лет очень неплохо развернувшаяся в Штатах, чего стоит! Нет, не зря в свое время ее основатель, ныне известный под именем отец Плутоний, первым получил красный диплом.

Правда, пока все наши религиозные новации шли на экспорт, ибо, как известно, опыты надо ставить на мышах, а в крайнем случае – на обезьянах. Но, кажется, пора переходить к следующей стадии.

Я нажал кнопку связи с дежурным секретарем.

– Алеша? Будьте добры, узнайте, когда защита диплома у студента вечернего отделения духовного факультета спецшколы Григория Ефимовича Распутина.

Глава 23

Когда-то совсем давно, еще в том мире, где в конце концов взорвался супервулкан, молодой Дюваль читал, что человек в полном одиночестве жить не может. И что Робинзон Крузо на самом деле прожил бы на своем острове всего года три, а потом благополучно свихнулся бы. Однако теперь бесспорность данного тезиса вызывала у Роберта некоторые сомнения – ведь прожил на своем острове уже четыре с половиной года, и ничего. Правда, поначалу появилась привычка разговаривать с самим собой, но юноша это вовремя заметил и взял за правило без собеседника языком не трепать. В качестве собеседников сначала выступали иногда заглядывающие на огонек местные нелетающие птицы, а потом интерактивная игра в ноутбуке. Кроме того, время от времени Роберт читал вслух. И этого вполне хватало, чтобы не разучиться говорить и не особо страдать от одиночества. Однако, если честно, то за четыре с лишним года оно Дювалю все-таки порядком надоело. Но возвратиться в свое время он не мог. Во-первых, было просто некуда – ведь он покинул дом как раз в тот момент, когда его накрыла пирокластическая волна. А во-вторых, пока он был тут, на острове, его отец с матерью еще не родились и, значит, не умерли под завалами раскаленных камней. То есть еще оставалась надежда, что все можно будет как-то исправить. Вот только вернуться Роберт мог исключительно в тот самый момент, в который он покинул двадцать первый век. То, что было раньше, почему-то оказалось для него закрыто. Наверное, потому, что, проникнув туда, он мог встретить сам себя, а это наверняка противоречило чему-нибудь фундаментальному.

Хотя...

Ведь если вернуться не за неделю до катастрофы, а лет за двадцать, то никакого Роберта Дюваля там встретить не получится! Ведь его еще нет даже в проекте. Да, но как тогда спасти родителей – сделать так, чтобы они, поженившись, жили не в Биллингсе, а, например, в Париже или Новом Орлеане? Но ведь тогда вместо Роберта у них наверняка родится кто-нибудь другой, даже если его назовут так же. И что тогда будет с ним, вот этим самым Робертом Дювалем, ныне проживающим на острове Пасхи далекого прошлого? Нет, это тоже не идеальный вариант. Нужно, чтобы кто-то, не имеющий к Роберту никакого отношения, убедил родителей сменить место жительства незадолго до катастрофы. Тогда они останутся живы, но, правда, появится двойник Роберта. Интересно, он тоже сможет

переходить на остров, и если да, то в какое время? Если в то же самое, то будет интересно познакомиться. Однако для подготовки этого события нужно переместиться в будущее, но до того, как родители встретились. А еще лучше – до того, как они вообще родились. Не исключено, что это возможно, ведь до этого он безуспешно пытался переместиться в незадолго до извержения. Кстати, из двадцать первого века почему-то получалось переходить только сюда, на край рощи рядом с небольшой бухточкой. И возвращаться домой легко получалось только отсюда. Но, может, это не единственная аномальная зона на острове?

Роберт взял блокнот, карандаш и, почесав в затылке, приступил к разработке плана поиска аномальных зон.

Действительно, в течение двух месяцев молодой человек обнаружил еще две зоны, из которых в принципе можно было куда-то попасть, но они ему чем-то не приглянулись. Возможно, ими придется заняться потом, а пока лучше поискать еще. Глядишь, и найдется что-то получше.

Оно нашлось в процессе обследования полуострова Поике, у подножия одноименной горы. То, что это действительно аномальная зона, Роберт понял сразу, поднявшись на небольшое плоскогорье, или, точнее, холм с как будто чем-то аккуратно срезанной вершиной. На пятачке росла густая и высокая трава, но ни деревьев, ни даже кустов не было.

Эта зона отличалась от ранее найденных тем, что из нее нельзя было попасть в двадцать первый век. Но зато можно было еще куда-то, как вскоре показалось Роберту, в какие-то совершенно необычные места и времена. Причем ему туда очень хотелось. Настолько, что даже мелькнула мысль попытаться активировать переход прямо сейчас, пока не передумал. Впрочем, жизнь на острове приучила Дюваля к осмотрительности, в силу чего он не стал спешить, а потратил два дня на сборы. И только потом снова поднялся на срезанную вершину холма с объемистым рюкзаком за плечами и кобурой с револьвером на поясе. Пару раз глубоко вздохнул, сосредоточился, закрыл глаза и сделал четыре мелких шага вперед. Собственно, он уже на третьем понял, что можно открывать глаза, но на всякий случай шагнул еще.

Что удивительно, место осталось почти тем же самым, только трава на нем была существенно ниже и реже. Лес вокруг холма тоже заметно измельчал, но вот на месте давно потухшего вулкана Поике с озером в кратере возвышалась гора высотой едва ли не полторы тысяч футов, и ее вершина слегка дымилась, а склоны все были в черных лавовых потеках и практически лишены растительности.

Роберт посмотрел влево, где из-за леса раньше была видна гора

Теревака. Хотя лес теперь закрывал обзор гораздо меньше, никакой горы там не было. Местность просто постепенно опускалась, лес уже в миле с небольшим становился зарослями мелких кустов, а за ними виднелась синяя гладь океана.

Молодой человек глянул назад, где тоже должен быть океан, и поначалу просто его не нашел. Правда, потом присмотрелся и увидел у самого горизонта полоску воды.

В том, что это остров Пасхи, Роберт почти не сомневался, ведь плато, на котором он стоял, было явно тем же самым. Но что случилось с горой Поике, куда делась Теревака, и почему океан с одной стороны несколько ближе, чем должен быть, а с другой существенно дальше?

Молодой человек повнимательнее присмотрелся к вершине горы, потом снял рюкзак и сел на траву. Даже если этот вулкан начнет извергаться прямо сейчас, времени вполне хватит вернуться на свой остров, где все три вулкана давно потухли. Значит, можно без суеты осмотреться и обдумать, в когда и куда его занесло и что делать дальше. Именно в такой последовательности, то есть сначала юноша решил определиться во времени и быстро припомнил все, что он знал про историю острова Пасхи – он решил исходить из того, что это именно тот самый остров.

Итак, остров Пасхи возник в результате последовательного извержения трех вулканов, причем самый первый, Поике, пробудился довольно давно, не менее миллиона лет до нашей эры. А по другим источникам, вообще не менее трех. Потом произошло извержение Рано-Као. И уже совсем недавно, примерно за двести тысяч лет до появления здесь первых аборигенов, произошло третье извержение, в результате которого возникла гора Теревака, а остров приобрел современные очертания.

Так вот, никакой Тереваки тут точно не было. Более того, сколько Роберт ни глядел на запад, в том числе и в бинокль, Рано-Као он тоже не обнаружил. Значит, этого вулкана тоже еще нет, или, в крайнем случае, он пока еще настолько мал, что его не видно из-за леса. Выходит, меня закинуло на миллион или более лет назад, прикинул Роберт. В плейстоцен, причем ближе к началу. Тогда косяком шли оледенения, и, значит, уровень океана может быть значительно ниже, чем в двадцать первом веке. Понятно, почему на юге океан отступил так далеко. Да и прохладно тут сейчас по сравнению с тем миром, что юноша недавно покинул. Опять же в лесу есть деревья, похожие на сосны, а раньше (или, наоборот, позднее) их не было совсем. Пожалуй, надо исследовать остров, причем ничто

не мешает начать это прямо сейчас.

Роберт несколько удивился в принципе несвойственной ему торопливости. И вообще он чувствовал себя как-то странно. Его буквально переполняла энергия, и он сидел как на иголках. Хотелось бегать, прыгать, даже орать что-нибудь нечленораздельное – в общем, вести себя прямо как обезьяна, которая только что слезла с дерева, отчего возгордилась, почувствовала себя человеком и теперь искала лишь дубину поздоровее, чтобы крепко сжать ее в волосатых лапах, издать воинственный визг и начать прогрессировать.

Еще только начиная переходы на остров Пасхи, Роберт заметил, что вроде бы он там чувствует себя лучше, чем в двадцать первом веке, но отнес это к влиянию чистого воздуха и вообще неизгаженной экологии. Хотя, конечно, все странности это не объясняло. Например, почему в девятом веке (Роберт считал, что на его острове сейчас именно девятый век) похожий по размеру синяк сходит в полтора раза быстрее, чем в двадцать первом?

Так вот, сейчас он чувствовал примерно то же самое, но в гораздо большей степени. Пять миль до океана молодой человек преодолел чуть ли не бегом. По лесу! С довольно тяжелым рюкзаком! И совершенно не устал, только есть захотелось. Кроме того, спускаясь с плато, юноша рассадил руку о какой-то острый камень. Естественно, он не растерялся, а быстро достав аптечку, продезинфицировал и перебинтовал рану. Она почему-то весь день чесалась, хотя раньше такого не происходило. На всякий случай вечером Дюваль разбинтовал руку, чтобы посмотреть, не началось ли там какое-нибудь воспаление. И замер, удивленный.

Никакой раны он не увидел. На ее месте был малозаметный шрам, на вид – примерно двухнедельной давности.

Через двое суток и он исчез. Как, впрочем, и все остальные шрамы и шрамики, которыми молодой человек успел обзавестись за свою недолгую жизнь.

За эту пару дней Роберт смог более или менее изучить вариант своего острова в далеком прошлом. В первый день он дошел от горы Поике до крайней западной оконечности, а во второй исследовал остров по береговой линии, отмахав за день миль тридцать. Вот тут он уже устал, но совсем немного. И эта усталость была приятной.

Сидя у потрескивающего костра, Роберт лениво размышлял о неизведанных пока тайнах своего острова, когда его внимание привлекла странная веточка, лежавшая футом в шести слева. Но вставать, чтобы взять ее и рассмотреть повнимательней, было лень. Вот если бы она лежала

поближе и до нее можно было дотянуться не вставая...

Веточка вдруг двинулась к молодому человеку. Ба, да это палочник! Но какой же крупный – почти десять дюймов в длину. Во времена, которые Роберт условно считал девятым веком, таких насекомых на острове Пасхи не водилось. А вот за миллион лет до нашей эры – почему бы и нет? Птиц тут пока не очень много, а нелетающих, похоже, нет вообще. Видимо, еще не успели в райском месте разжиреть и облениться до потери крыльев. Птицам ведь нужно довольно много времени для того, чтобы прийти к выводу о ненужности полетов. Типа, зачем, когда крылья только мешают ковыряться в земле? К тому же с высоты можно и упасть, а из норы при всем желании не получится. Да, птицам потребовалось около миллиона лет... а человечество прекрасно успело за сто с небольшим. В начале двадцатого века оно стремилось в небо, в середине – в космос, а в двадцать первом куда? К кормушке! Какой еще космос, когда и на земле очень даже неплохо! Ну, не всем, разумеется, а только гражданам цивилизованных стран. И средства лучше пустить на увеличение социальных выплат, чем вкладывать их в космос, то есть пускать по ветру.

Пока Роберт размышлял о путях развития человечества, палочник куда-то уполз. Но не успел молодой человек толком расстроиться, что не удалось его внимательно рассмотреть – ведь ископаемое же! – как тот вернулся.

«Он что, мои мысли читает?» – в некоторой растерянности подумал юноша и, не особо надеясь на успех, приказал насекомому:

– Иди отсюда!

Палочник бодро пополз от костра.

– Ко мне!

Насекомое развернулось и медленно приблизилось к ноге Роберта.

Через полчаса юноша убедился, что палочник действительно выполняет его команды, причем безразлично, мысленно они были отданы или вслух. Правда, не все – как прыгать на месте, так и бежать галопом насекомое отказалось.

Еще через два дня Роберт решил сделать перерыв в исследованиях – слишком уж много информации накопилось, пора было ее как-то обдумать и систематизировать. Он вернулся в девятый век и теперь каждый вечер часа по два сидел на берегу океана с ручкой и блокнотом – любовался закатом и размышлял.

Итак, в плейстоцене у него резко повысились иммунитет и скорость регенерации. Кроме того, появились новые, ранее недоступные возможности – например, теперь юноша мог по желанию ускорять

или замедлять частоту сердцебиения. Да плюс еще экстрасенсорные способности. Палочки просто оказались наиболее восприимчивыми, но бабочками тоже получалось командовать, и иногда даже птицами. Впрочем, довольно редко и неуверенно – результат был на грани ошибки эксперимента. Причем все это не исчезло сразу по перемещению в более поздние времена, а просто начало помаленьку затухать. Через две недели Роберт уже не мог командовать насекомыми, да скорость регенерации, которую он проверял, ежедневно царапая себе левую руку, тоже начала падать. Итак, похоже, что он чем-то быстро зарядился в плейстоцене, а в девятом веке это «что-то» потихоньку уходило, а подзарядки здесь не было. Или, точнее, почти не было. Так как юноша не увлекался сказками про эльфов и магов, то он решил назвать это не маной и не силой, а полем. Итак, около миллиона или двух миллионов лет назад Земля имела какое-то поле. В девятом веке от него сохранились только слабые остаточные проявления, а в двадцать первом и они исчезли напрочь. Что является источником этого поля, сейчас выяснить было невозможно, и Роберт решил пока считать им саму Землю. Или, скорее, ее биосферу.

Человек это поле явно может использовать. Но раз так, то его... ну, скажем, напряженность... она обязательно будет уменьшаться. И чем больше на свете людей, тем сильнее они уменьшают напряженность. Очевидно, что существует какая-то пороговая численность человечества, при превышении которой неведомый источник генерации поля перестает компенсировать увеличившееся потребление. И значит, напряженность начинает лавинообразно падать. Похоже, этот порог был пройден незадолго до девятого века.

За то время, что Роберт жил не в двадцать первом веке, его стратегические планы оставались неизменными – спасти от извержения супервулкана родителей. И если получится, то еще кого-нибудь. А вот предполагаемые методы претворения в жизнь этих планов менялись.

Сначала молодой человек хотел построить лодку и добраться на ней до обитаемых мест. А что? Тихий океан переплывали на простых спасательных шлюпках, на весельных лодках и даже на плотках.

Однако по завершении постройки небольшого катамарана выяснилось, что вот конкретно на этом корабле от берега лучше особо не удаляться. Кроме того, мальчик вырос, много читал и пришел к выводу, что вряд ли люди, даже если он до них доплывет, вот так прямо все бросят и кинутся ему помогать. Нет, скорее его обратят в рабство. И это будет еще не самое плохое, ибо рабство есть не у всех народов. А вот аппетит – у всех. Могут и просто сожрать.

Тогда Роберт решил действовать сам, то есть найти дорогу в какие-нибудь иные времена, еще задолго до извержения. На всякий случай лучше вооружиться, набраться опыта и далее действовать по обстоятельствам.

И вот теперь его планы претерпели третью коррекцию. Раз уж в плейстоцене перед ним открываются такие возможности, то было бы глупо не попытаться ими воспользоваться. А значит, там надо устроить нормальный базовый лагерь, как в девятом веке, и начинать вдумчиво исследовать, что может и чего не может дать это неизвестное биополе.

За три месяца экспериментов и тренировок выяснилось, что его возможности довольно далеки от безграничности. Да, скорость регенерации сильно повысилась. Кроме управления частотой сердцебиения Роберт научился ослаблять болевые ощущения и в пределах пары градусов регулировать температуру тела.

С управлением живыми существами тоже получалось не так чтобы уж очень. Оказалось, что чем мозговитее существо, тем слабее оно реагирует на команды. Насекомые демонстрировали почти полное подчинение – естественно, в пределах своих возможностей. Рыбы некоторые команды выполняли, а некоторые – нет. Птицы реагировали на мысленные посылы только в порядке исключения. Дельфины же чаще всего просто игнорировали потуги молодого человека. Впрочем, иногда они подплывали к лодке и высовывали морды из воды с таким видом, словно спрашивали: чего тебе, убогий?

Попытки же воздействовать на неживые объекты вообще успехом не увенчались. Правда, один раз плавающая в луже сухая сосновая иглолка повернулась острием на север, как и хотел молодой человек, но, наверное, это была случайность. Во всяком случае, повторить результат не удалось.

– Итак, – подвел итог своим усилиям Роберт по истечении трех месяцев пребывания в плейстоцене, – лавры властелина мира мне не светят. Царем зверей, похоже, в ближайшее время тоже не стать. Пока я гожусь только на роль повелителя мух.

Глава 24

В конце февраля двадцать третьего года мы с Гошей решили, что пора как-то начинать официально оформлять ситуацию вокруг острова Пасхи. Вообще-то по факту он сразу после визита туда принцессы Анастасии стал российским протекторатом, но правительство Чили пока никак на это не реагировало. Возможно, потому, что ничего не знало. А не знало оно потому, что в упор не желало знать. Такое отсутствие любопытства базировалось на щедрых (ну, разумеется, по чилийским меркам) пожертвованиях, выданных Одуванчиком ключевым лицам. И, понятное дело, на его репутации, ибо все в тихоокеанском регионе отлично знали, что лорд-протектор умеет раздавать не только пожертвования. Однако необходимость как-то закрепить сложившееся положение дел никуда не исчезла. Хотя, впрочем, еще и не стала такой уж неотложной.

– Ладно, – пообещал я его величеству, – как только руки дойдут, тут же все оформлю.

– Желательно без жертв, – уточнил свою позицию император.

– Ну, совсем без них может и не получиться. Но они если и будут, то единичные, не с нашей стороны и не среди рапануйцев.

– Хорошо, в таком формате это допустимо.

И значит, раз дело получалось не особо срочным, можно было для начала подождать какой-нибудь благоприятной случайности. Они, кстати, бывают гораздо чаще, чем считает большинство. Просто их надо уметь сначала распознать, а потом грамотно ими воспользоваться. Так что, когда я услышал от директрисы ДОМа новость относительно одного нашего хорошего знакомого, у меня в голове тут же щелкнуло: кажись, оно. Впрочем, тут можно рассказать и поподробнее.

– Вроде все, а впрочем, еще наша ее величество президентша пригласила погостить в Петербурге господина Немнихера, – сообщила мне Танечка в конце очередного доклада.

– И что? – пожал плечами я. – Не в первый же раз. Думаете, я так страдаю от разлуки с ним, что теперь начну считать часы до начала долгожданной встречи?

– Насчет вас не знаю, а вот он точно от чего-то страдает. По моим сведениям, от беспокойства. Во всяком случае, он попытался осторожно выяснить, не вы ли являетесь инициатором приглашения. Не получив достоверных сведений, Арон Самуилович сделался тревожен. Поэтому

у меня предложение – давайте пошлем за ним ваш «Аист». И тройку моих девочек в качестве почетного эскорта для столь дорогого гостя. Глядишь, за время полета человек и дозреет до чистосердечного признания.

– Вы еще что-нибудь раскопали про этого ворюгу?

– Увы, пока нет. Но такого, чтобы ему не в чем было признаться, просто не может быть!

– Разве нам от него именно сейчас что-то нужно?

– Не обязательно от него, но вообще-то было бы неплохо, чтобы кто-то отвлек на себя внимание по поводу острова Пасхи.

«Аист» с израильским министром иностранных дел на борту прибыл в столицу Российской империи без пятнадцати одиннадцать вечера. Так как самолет принадлежал правительственному авиаотряду, то, ясное дело, сел он не в Пулково, а в Гатчине. В силу того, что королева-императрица ложилась спать довольно рано, а канцлер, наоборот, довольно поздно, не было ничего удивительного в том, что прямо с аэродрома господин Немнихер направился именно к нему. Разумеется, можно было поехать в израильское посольство, где и переночевать, а с утра явиться к ее величеству, но... больно уж многозначительно улыбались в полете девушки почетного эскорта, и Арон Самуилович решил не рисковать.

Как только визитер зашел в мой кабинет, по возвышенному и даже, не побоюсь этого слова, одухотворенному выражению его физиономии даже хуже знакомый с ним человек, чем я, догадался бы, что господину министру есть в чем сознаться. Или покаяться. И он не обманул моих ожиданий.

– Увы, Георгий Андреевич, время безжалостно, все мы смертны, и только некоторым, самым достойным, перед уходом дается радость просветления, – осторожно присев на краешек стула, горестно поведал мне гость.

Интересно, подумал я, где же он ухитрился столько украсть, чтобы в пятьдесят семь лет задуматься о вечном? Да нет, скорее всего имеется в виду кто-то другой.

– Дорогой Арон Самуилович, не надо пробуждать во мне сострадание, а то ведь я, глядя на ваши мучения, могу решить помочь вам их прекратить. Давайте вы мне лучше сразу скажете, о каких суммах тут может идти речь? А потом мы с вами вместе подумаем о том, как оптимизировать расходы, увеличить доходы и разделить их по справедливости.

Министр внял моим предостережениям, и я услышал захватывающую дух историю. Нет, то, что Николай Константинович Судзиловский, он же

бессменный президент Гавайской Социалистической Республики Каука Лукини, разочаровался в социализме и устал от власти, мы и так знали. Но не волновались – подумаешь, один президент уйдет, другой придет, ничего страшного.

– Николай Константинович решил не выставлять на очередных выборах свою кандидатуру, а уехать на Филиппины и посвятить остаток жизни научным исследованиям, – продолжал рассказ Немнихер. – И я его вполне понимаю. В последний приезд на Гавайи я встречался с госпожой Лилиуокалани. К сожалению, ее земной путь явно подходит к концу.

Да уж, последней королеве Гавайев, ныне скромно проживающей в Гонолулу на персональную пенсию пять тысяч в год, недавно перевалило за девяносто, и она уже три года как пребывала в полном маразме.

Немнихер тем временем собрался с силами, глубоко вздохнул и перешел к главному:

– Ее бывшее величество, пребывая в глубокой озабоченности будущим своей родины, согласилась усыновить вашего покорного слугу. То есть меня.

М-да, а ведь Танечка про это не в курсе, подумал я. Хотя, если и сама бывшая королева тоже ни сном ни духом, это вполне объяснимо. Но зачем оно Немнихеру?

Так я и спросил.

– Георгий Андреевич, но ведь выборы каждые четыре года – это большие деньги! А учитывая, что теперь кандидатом в президенты может стать вообще кто угодно, да неизвестно, сколько вообще этих кандидатов будет, деньги могут стать очень большими.

– Опять же с уходом Судзиловского некому будет лоббировать интересы компании «Лукини – Немнихер вояж», – предположил я.

– Совершенно верно! Вы, как всегда, смотрите прямо в корень. А референдум о восстановлении монархии на Гавайях, хоть и может обойтись немного дороже выборов, произойдет всего один раз.

– Так вы, значит, метите в короли? Да уж, помрете вы точно не от скромности. Но как же, позвольте полюбопытствовать, быть с идеалами социализма – неужели вы собираетесь их предать?

– Георгий Андреевич, да как вы могли такое подумать! Это же главное в моей жизни. Как должность короля сможет помешать борьбе за построение социализма? Наоборот, господин Кисин в своей последней работе «Марксизм и женский вопрос» утверждает, что необходимым условием для этого является достаточная концентрация власти. И королю обеспечить ее будет проще, чем президенту. Я уверен, что Гавайское

Социалистическое Королевство не только в кратчайшие исторические сроки построит развитой социализм, но и твердой поступью пойдет к коммунизму.

– Эх вас понесло-то... ладно, я в принципе не против того, чтобы во главе Гавайев снова встал король. Но это должен быть человек высочайших моральных качеств! Образец, я бы сказал, честности и человеколюбия.

– Подобные слова, Георгий Андреевич, пробуждают робкую надежду, что вы видите эти качества в вашем покорном слуге.

– Да, вижу, но пока, увы, не очень явственно. Зато, если вы еще раз продемонстрируете ваши безукоризненные достоинства, у меня не останется слов, кроме выражающих полное одобрение упомянутых вами планов. Вы готовы?

– Всегда готов, ваше высочество!

– Похвально. Так вот, недавно народ острова Пасхи решил сбросить ярмо чужеземного угнетения и восстановить независимость своей родины. Разумеется, Россия готова помочь его свободолюбивым устремлениям... но... вы же понимаете, какой тут поднимется визг про аннексию, оккупацию, дипломатию с позиций силы и еще черт знает про что. Зато если этот остров на свои деньги купит человек с безупречной репутацией, а потом подарит его на Новый год народу рапануйцев, у злопыхателей будет гораздо меньше простора для маневров. О вашей любви к детям после истории с «Херсоном» ходят легенды, а ведь аборигены острова Пасхи – они и есть натуральные дети природы.

– Георгий Андреевич, поверьте, я бы с радостью, но у меня просто не хватит денег!

– Во-первых, вы врете, а это неприлично для монарха. Он может недоговаривать, добросовестно заблуждаться, но вот нагло и, главное, глупо врать не имеет права. Во-вторых, Россия понимает ваши финансовые трудности и примет меры по их нивелированию. В-третьих, каждый уважающий себя монарх обязан в первую очередь решить вопрос престолонаследия. Это к тому, что, если из выделенных на освобождение острова средств испарится больше пяти процентов, вопрос престолонаследия станет самым актуальным в вашем недолгом царствовании.

Израильский министр сложил на груди лапки, соорудил огорченно-постную морду лица и стал похож на Рекса, когда тот, пытаясь стащить банку сметаны, разбил ее и, весь в белом, делал вид, что не понимает, в чем же его совершенно необоснованно подозревают.

Однако оставался еще вопрос, который неплохо было бы прояснить, с чем я и обратился к Немнихеру:

– Арон Самуилович, а на кого вы собираетесь оставить пост министра иностранных дел?

– Ваше высочество, неужели я вас чем-то не устраиваю?

– То есть вы хотите быть одновременно и королем Гавайев, и министром иностранных дел Израиля? Ничего так запросы... хотя...

Я вспомнил Луиса Амадо Первого. Правда, он собирался совмещать должности внутри одного королевства. Но зато сразу три!

А мой гость вдруг ни с того ни с сего проявил отвагу, более приличествующую королю, нежели главе МИДа. И ляпнул, правда, зажмурившись:

– Ведь ваше высочество, являющееся для меня примером, не только государственный канцлер Российской империи, но и принц-консорт Ирландского королевства!

– Спасибо, что напомнили. Действительно, а не жениться ли вам? Тогда «принц-консорт Немнихер» будет звучать очень неплохо. Да не пугайтесь вы, это пока шутка. И если не начнете давать волю своим хватательным инстинктам, то она таковой и останется.

Глава 25

Не так уж трудно догадаться, зачем в свое время в Советском Союзе были организованы творческие союзы – ну там писателей, художников, кинематографистов, журналистов и, возможно, еще кого-то аналогичного. Дело в том, что творческая интеллигенция, или если выразиться точнее, то образованщина, есть по своим глубинным устремлениям сила деструктивная. Потому как создать настоящее произведение искусства совсем непросто. Для этого необходим не только талант, который, между прочим, встречается достаточно редко. Нужно еще и желание вложить душу в то, что собираешься донести до людей. Да и сам, так сказать, объект донесения тоже должен быть, то есть автор обязан иметь за душой хоть что-то, чем не стыдно поделиться с широкими массами. Ну и где столько всего этого взять?

Есть, конечно, путь и попроще – пристроиться вылизывать афедрон власти. Особого таланта тут не нужно, самоотверженности и готовности стойко переносить нужду и невзгоды – тем более. Потребна только определенная усидчивость и минимальное владение словом, кистью и прочими орудиями творческого труда. Плюс, разумеется, полнейшее отсутствие брезгливости. Но даже таким весьма усеченным набором качеств обладает далеко не каждый. И как тут быть? Да очень просто – нужно начать поливать грязью свою страну, за желающими оплатить подобное творчество дело не станет. Естественно, власть должна бороться с подобными индивидуумами мягко, бережно и даже в какой-то мере нежно – иначе они творить не согласны.

«Творцы» полезли изо всех щелей при Александре Втором. Александр Третий совсем немного затянул гайки – и, о чудо, они почти мгновенно попрятались. Стоило только сесть на трон Николаю – творческая интеллигенция с радостным визгом и утроенными за время вынужденного безделья силами вновь ринулась обгаживать все подряд, лишь бы объект имел хоть самое отдаленное отношение к русской государственности.

Когда на престол взошел Гоша, а из-за его спины начал все чаще выглядывать сатрап и душитель всех и всяческих свобод Найденов, описываемая часть творческой интеллигенции быстро сообразила, что избежать общественно-полезного труда на алмазных котлованах Вилюя можно всего двумя путями. Или в коленопреклоненной позе скромно пристроиться позади власти, но такое ответственное дело мы с Гошей кому

попало не доверяли – смотри выше. Или закрыть дома окна, двери, залезть под одеяло и только там, обмирая от ужаса перед своим героизмом, шепотом прокричать два-три проклятия кровавому режиму. Но не увлекаться, а то вдруг из домашних кто услышит? Донесут ведь, сволочи.

При Сталине происходило в общем-то же самое, но с одним отличием – поле выбора у него было гораздо уже. Все-таки после Гражданской войны с хоть как-то образованными людьми стало не очень хорошо. И он вынужден был использовать всех. Так сам и сказал: «Других писателей у меня нет».

Вот, значит, именно из соображений направить разрушительную энергию интеллигенции в созидательное русло и были организованы творческие союзы. Им выделялись какие-то материальные блага – оклады, спецпайки, дачи, даже автомобили, – правда, в мизерных количествах. Но все это выделялось на союз, а уж внутри него творцы должны были разбираться сами. И теперь они могли безбоязненно реализовать себя в интригах, подсиживании, кляузах, доносах друг на друга и так далее.

Однако время показало, что у данной системы есть и определенные недостатки. В частности, в столь насыщенной обстановке многим элементарно не хватало времени для творчества. Фадеев, например, за всю свою жизнь написал всего три с половиной романа, да и то без отращения можно было читать только первые два. Алексей Толстой тоже не слишком часто радовал читателей новинками, но этот хоть сумел обойтись без катастрофического падения качества своих опусов.

Гораздо более серьезный недостаток проявился в перестройку. Сталина над ними уже не было, врать и клеветать на свою страну можно было безбоязненно, но теперь они могли делать организованно, отчего эффективность их гнусного труда заметно повысилась. В надежде, что благодарный Запад завалит их гонорарами, как у Стивена Кинга или Артура Хейли. Или, учитывая важность стоящей перед ними задачи – подготовить почву для развала Союза, – даже выше.

Разумеется, помянутый Запад их кинул – хоть сколько-нибудь заметного материального успеха не добился никто, даже общеизвестный лауреат Нобелевской премии. Однако навредили они немало. Но что характерно, люди действительно талантливые ни при Николае, ни в перестройку в безобразиях практически не участвовали.

Так вот, у нас творцы со способностями от умеренных до весьма умеренных по мере надобности объединялись не в союзы, а в тематические бригады, и к распределению благ их никто, разумеется, не допускал –

все шло сверху. Ибо, как сказал один поэт, «на свете нет печальнее базара, чем хай творцов на темы гонорара».

Поэтами и художниками у нас занималась Маша. Писателями широкого профиля – Мари и Гоша. Пишущие для детей и юношества находились под моим, так сказать, покровительством. За киношников отвечала Танечка. А работающими на экспорт, в основном в англоязычные страны, руководил Боря Фишман. Причем, что интересно, его бригада была самой малочисленной, но по объему выпускаемой продукции в разы превосходила все остальные, вместе взятые.

Ну а те, кому было что сказать, да еще и с талантом, работали индивидуально.

Так вот, после очередного планового визита в Москву, на авиазавод и АРН, я, как всегда, ненадолго залетел и в Георгиевск. Где собирался в числе прочего повидаться с Борей, узнать, как у нас обстоят дела с новинками электроники, а ближе к вечеру употребить с ним по стопке фишмановки, в процессе чего поделиться информацией про остров Пасхи и явления вокруг него. Знакомиться с творчеством Бориных подшефных я не планировал, но судьба распорядилась немного иначе.

В приемной были явственно слышны голоса, доносившиеся из кабинета. Странно, ведь я уже обращал внимание на плохую звукоизоляцию этого помещения и велел ее улучшить. Потом какой-то кандидат в комиссары проверил и письменно подтвердил, что теперь все в порядке. Неужели наврал?

Оказалось, что нет. На сей раз утечка звуков носила явно рукотворный характер, то есть дверь в кабинет была открыта. Не то чтобы настезь, но все же довольно основательно.

– Подслушиваете? – шепотом спросил я у секретаря, кивнув на дверь.

– Вынужден, – со вздохом ответил молодой человек. – Его высокопревосходительство открыл у себя окно и велел держать дверь в таком положении, чтобы хоть какой сквозняк образовался. У него же сейчас писатели, а они кто пьян, кто с похмелья, и ни один мыться не любит.

– Может, господам просто времени не хватает, творческие же люди. Помочь им не пробовали?

– Без толку, – снова вздохнул секретарь. – Как-то раз Борис Иосифович в сердцах приказал принудительно вымыть двоих самых отъявленных, так они, бедолаги, долго после этого не могли родить ни одной приличной строчки.

– Что, самовыражались исключительно матом?

– Если бы! Нет, писали настолько пресно, что никто вообще больше двух страниц не мог прочесть без зевоты. Только месяца через полтора эти щелкоперы как-то оклемались. Борис Иосифович плюнул и заказал смонтировать в кабинете вытяжку, а пока она не готова, так обходится.

Ну раз мой друг сам велел открыть дверь, то я счел возможным прислушаться.

– Чему я вас учил, господа? Чему? Вдохновение – это такая вещь, которая у всякого может вдруг взять и кончиться, – доносился из кабинета страстный монолог Бори. – И если оно таки временно ушло, то надо просто долить. Воды в текст, а не водки за воротник! Но ведь с умом же надо доливать, а не как вы! Ну куда это годится, если первые сто страниц идет вполне приличная писанина, а потом до самого эпилога сплошная вода, причем любому ясно, что она налита исключительно для увеличения объема. Что? Эпилог ничуть не лучше, просто там вместо воды сопли. В середину доливать надо! Причем не все в одно место, а тут капельку, там ложечку... произведение от правильного долива только выиграет! Вашему читателю не нужны сильные, то есть концентрированные эмоции героев, он просто не знает, что это такое. Поэтому разбавлять все равно придется, а у вас заодно еще и объем дойдет до требуемого. Учитесь у Плешакова! Почему у него мне никогда ничего не приходится править?

– Потому что ему жена регулярно фишмановки подносит, – завистливо прокомментировал кто-то из воспитуемых.

– Не путайте причину со следствием! – возмутился Боря. – Вот как начнете писать на одном уровне с ним, тогда и вам поднесут, а пока довольствуйтесь тем, что есть.

– Так ведь совсем ничего нету! – простонал страдающий голос.

– Значит, не заслужили. Все, совещание окончено.

Секретарь встал и распахнул дверь в небольшой закуток за его местом. Я прошел туда, дабы не смущать нежные души Бориных гостей лицезрением своей персоны, да еще и в мундире. Подождал, пока они вышли, и зашел в кабинет. Мы поздоровались. И я, пока не забыл, задал уже почти пять минут не дающий мне покоя вопрос:

– Слушай, ты же сам мне год назад жаловался, что твой классик англоязычной литхалтуры Плешаков помер-таки от пьянства! А теперь что, воскрес?

– Нет, это скорее реинкарнация. Мадам Плешакова, едва отметив сорок дней, начала искать нового мужа и буквально через неделю нашла. Причем, что интересно, даже более плюгавого, чем предыдущий! Пьет столько же, пишет ничуть не хуже и, пожалуй, немного быстрее. В точно таком же

стиле.

– Может, это она сама творит, а мужья ей нужны только как ширма?

– Нет, я специально проверил – сама она только переводит. Умеет, значит, пробудить вдохновение в таких хмырях. Прямо тебе не женщина, а какая-то, извиняюсь за выражение, муза.

Вечером я, как и собирался, перечислил Боре последние новости относительно иных миров. Боря задумался.

– Знаешь, – сообщил он после второй рюмки, – не только у тебя в юности были завиральные идеи. У меня тоже. Просто ты свою здесь уже успел реализовать – имеется в виду магнитоплан, – а я еще нет.

– Ну, предположим, реализовал идею не я, а Рябушинский, но толчок ему действительно дал я. А у тебя что?

– Да уж не какая-нибудь железяка, а нечто гораздо глубже, шире и объемней. Общечеловеческого, так сказать, плана.

– Ой, я уже почти испугался.

– И правильно. Так вот, есть такая закономерность – чем дальше в прошлое, чем чаще упоминаются разнообразные сверхъестественные явления. Колдуны там, ведьмы всякие, домовые, шаманы...

– Кашпировские, Чумаки, жулики, мистификаторы, – продолжил я перечисление сущностей.

– И это тоже, – не стал спорить Боря, – но все-таки что-то рациональное тут есть, нутром чую. А вот сейчас что ни экстрасенс, то жулик с почти стопроцентной вероятностью. Почти – это потому что среди каких-нибудь чукчей, эвенков или бушменов уникамы подобного плана все-таки изредка встречаются. Но, что интересно, привезут такого в Москву, например, и все сверхспособности как корова языком слизнула. Так вот, моя гипотеза в том, что на Земле действует какой-то фактор, пробуждающий в человеке те самые сверхспособности. Причем материальный, хотя это скорее всего не вещество, а поле. И у него, как и всего материального, есть такое свойство – если потребителей будет много, то на всех не хватит. А если оных потребителей станет слишком много – как сейчас людей, – то не достанется никому. Точнее, каждый получит настолько мало, что не сможет это никак использовать. За исключением отдельных уникамов, у которых, во-первых, велики врожденные способности к использованию, а во-вторых, которые живут в малонаселенных местах, где концентрация моего гипотетического фактора хоть и незначительна, но выше. Кстати, вот тебе косвенное подтверждение. Как, по-твоему, австралопитек ухитрился выжить в саваннах Южной Африки? Это же существо даже немного меньше

шимпанзе, да к тому же неуклюжее, потому как уже пыталось ходить на двух ногах, но толком еще не умело. Слабое. Ни когтей, ни серьезных зубов не имеющее. Достаточно крупное, чтобы представлять гастрономический интерес для всяких львов и прочих хищников, которых тогда, кстати, было куда больше, чем сейчас. И недостаточно мелкое для того, чтобы эффективно прятаться в разных щелях. Похожим набором свойств обладают только крупные нелетающие птицы, но они смогли выжить только там, где никаких серьезных хищников не водилось. Да и то большинство способно быстро бегать, чем австралопитеку похвастаться не дано. Так вот, я думаю, что австралопитек первым среди живых существ научился использовать этот самый икс-фактор, отчего не только выжил, но и в конце концов смог эволюционировать до человека. А люди начали множиться по экспоненте, и сейчас мы имеем то, что имеем. В местах с хоть сколько-нибудь высокой плотностью населения настоящих экстрасенсов не встретишь. Может, не зря всякие пророки и философы стремились к уединению. Наверное, чувствовали что-то этакое.

– Ага, – согласился я, – как мне помнится, выпускники филфака МГУ стремились к уединению прямо-таки все поголовно, но, правда, несколько своеобразно. Прилагали титанические усилия, чтобы остаться в Москве, причем желательно внутри Садового кольца. И кстати, единственный в моей практике настоящий экстрасенс встретился мне здесь, в Георгиевске. Сергей Юльевич Витте его звали.

После чего я рассказал Боре историю про лохотрон, портал и эксперименты Сергея Юльевича со спичками.

– И ты его потом взорвал, живодер! – возмутился Боря. – Причем труп тебе был совсем не нужен, там же все раскидало по молекулам. Ну нельзя же так! У тебя тогда что, нормального подвала не имелось? Посадил бы его туда, порасспрашивал, поисследовал, на что он способен... даже если он от этого помер бы, так ведь с пользой для науки! А не как у тебя – бабах, и нету экстрасенса. Вдруг он был последний в мире?

– Увы, – вздохнул я, – все мы в молодости совершали те или иные ошибки. И ты, значит, теперь хочешь в десятый век, когда народу на Земле действительно жило гораздо меньше? Ладно, организую, проверяя на здоровье свою теорию. Как соберешься, двигай в Гатчину, старты сейчас производятся оттуда.

– Недели через три, мне еще надо кое-какую аппаратуру подготовить.

– Не хочешь, значит, голыми руками колдовать? А вот Мерлин, говорят, никакой аппаратурой не пользовался. Уж электроники-то у него

точно не было.

– Так он не в десятом веке жил, а, если не ошибаюсь, в шестом. Тогда, наверное, концентрация икс-фактора была выше.

– Или у него способностей было побольше, чем у некоторых. Ладно, как будешь готов, звякни, и хоть на следующий день можем отправляться.

Глава 26

Эндрю Уоллок растерянно моргал, пытаясь сообразить – что с ним стряслось, как он тут оказался и что, черт побери, это вообще за место?

Впрочем, ответ на последний вопрос нашелся сразу. Ясно, что это угол Бурбон-стрит и Канал-стрит. Но вот по двум первым пунктам ясности почти не прибавилось. Вроде они с Эйлин собирались показывать Новый Орлеан приехавшей в гости теще, а с чего начинать показ, если не с Французского квартала? Но то-то и оно, что только собирались, Эйлин едва-едва начинала причесываться перед выходом из дома. Как же они дошли сюда? Может, он просто забыл? Странно, сегодня же я вообще не пил, а вчерашнее было чисто символическим и в расчет принято быть не может, подумал Эндрю. Стоп, но ведь и Эйлин стоит с разинутым ртом, всем своим видом изображая крайнее обалдение! Похоже, ее тоже накрыло. И молодой человек, стоящий неподалеку, опять же как-то очень уж удивленно озирается.

Юноша подошел к Уоллокам и неуверенно спросил:

– С вами все в порядке?

– Вроде да, – почесал в затылке Эндрю, – хотя, с другой стороны, вроде и не совсем. А почему вы спрашиваете?

– Понимаете, – замялся юноша, – какая-то странная история. Похоже, что я начисто забыл, что со мной происходило в последние полчаса. А все остальное помню! Хотя, может, это мне только кажется... вы не подскажете, какой сегодня день? И дата?

Эндрю кивнул, собираясь сказать, что с ним произошло то же самое, но тут очнулась Эйлин:

– Среда, двенадцатое апреля тысяча девятьсот шестьдесят первого года.

Потом на лице жены появилось обычно не свойственное ему выражение, долженствующее отображать работу мысли, и она сбивчиво затараторила:

– Ой, я, кажется, поняла... мне позавчера Катрин рассказывала... это инопланетяне! Они летают на своих тарелках и воруют людей, а случайным свидетелям стирают память... о боже, где мама? Неужели они ее украли? Мама! Ма-а-ама!!!

Эндрю Уоллок начал мысленно возносить хвалу неведомым инопланетянам, но буквально через полминуты его хрустальным надеждам

было суждено вдребезги разбиться о грубую действительность. С противоположной стороны Бурбон-стрит донесся трубный глас тещи:

– Дети мои, где вы? Я вас потеряла!

Роберт неторопливо шел по Канал-стрит в сторону Миссисипи. Кажется, все получилось так, как планировалось. Эти двое, видевшие момент его появления, забыли ровно полчаса своей жизни. И попал он именно в тот момент прошлого, в который и хотел. Теперь предстояло без особой спешки легализоваться в Новом Орлеане – у молодого человека уже были прикидки, как это лучше сделать. А потом устроиться на работу в какой-нибудь яхт-сервис. Потому как спешить теперь было совершенно некуда, а практические знания о маломерных морских судах лишними точно не будут. То, что одной теории, да к тому же обрывочной, недостаточно даже для уверенного плавания вокруг острова, Роберт понял давно. Да и катамаран месяц назад разбился на камнях неподалеку от Тонгарики, а строить второго такого же уродца не хотелось.

Роберт изучал свои дополнительные возможности, возникающие от пребывания в плейстоцене, почти два года. За это время он выяснил, что имеет возможность как-то управлять не только насекомыми, но и рыбами, птицами и даже млекопитающими. Просто для более развитых в умственном отношении существ потребовались иные алгоритмы. В принципе все было вполне логично. Попробуйте ради эксперимента на улице что-нибудь приказать незнакомому человеку. Если при вас не будет ничего подтверждающего права отдавать приказы – например, мундира полицейского или направленного в живот собеседнику дробовика, то вас или проигнорируют, или пошлют, или даже совершат оскорбление действием, то есть дадут в рыло. Однако если ваше пожелание будет оформлено в виде просьбы, то появляется отличная от ноля вероятность его выполнения. Если же удастся убедить человека, что он сам только об этом с самого детства и мечтал, то та самая вероятность вплотную приблизится к ста процентам. Кстати, именно на этом основаны как реклама, так и почти все предвыборные технологии. Оказывается, и экстрасенсорное внушение подчиняется тем же самым закономерностям, сделал вывод Роберт. Правда, на людях за отсутствием таковых на острове он ничего проверить не смог, но управление дельфинами получилось очень неплохо. А Роберт читал статьи, где утверждалось, что они в чем-то даже умнее людей. Во всяком случае, у них мозг больше и сложнее по устройству.

Но попытки разобраться в алгоритме работы аномальных зон, коих на острове нашлось четыре и через каждую можно было попасть в несколько миров (или времен, Роберт уже понял, что это вопрос терминологии), поначалу к успеху не приводили.

Сначала он решил попытаться проникнуть в более поздние времена острова Пасхи, примерно в начало семнадцатого века, когда, по имеющимся сведениям, цивилизация аборигенов пребывала в самом расцвете. Так вот, молодому человеку пришлось две недели подряд с рюкзаком за спиной приходить на помеченную флажками площадку, где он закрывал глаза и старательно повторял про себя: «Хочу в тысяча шестисотый год». И ничего не происходило, хотя Роберт чувствовал, что очень даже могло произойти. И однажды он, разозленный собственным бессилием, мысленно простонал: «Да хоть куда-нибудь в конце-то концов». После чего открыл глаза и убедился, что именно куда-нибудь он и попал.

По общим очертаниям место было похоже на все тот же остров Пасхи, но и климат, и растительность отличались радикально.

Было довольно прохладно – не больше пятидесяти градусов по Фаренгейту. Небо оказалось полностью затянуто плотными тучами какого-то серо-фиолетового цвета – таких молодой человек здесь никогда не видел. Лес был редким и с множеством мертвых деревьев, а листья живых оказались покрыты каким-то серым налетом. Наконец, воздух заметно пахивал горелой серой.

Сделав несколько фотографий и взяв образцы травы и листьев, молодой человек покинул это не слишком гостеприимное место. В какие именно времена его закинуло, можно будет разобраться в любом базовом лагере – хоть в девятом веке, хоть в плейстоцене. В конце концов, при необходимости сюда можно и вернуться, теперь это не составит труда.

Действительно, для внесения ясности потребовался еще один заход. Во время него Роберт увидел, что все три вулкана, образовавшие остров, на месте, и ни один не проявляет никаких признаков активности. Потом он убедился, что постоянно дующий ветер – западный, и облака тоже идут с запада на восток. Больше его ничего здесь не интересовало, и он вернулся в девятый век.

Итак, картина напоминала последствия извержения вулкана – или обычного, но недалеко, или сверхсильного, который мог находиться хоть в тысячах миль. Роберт склонялся к второму предположению, ведь три местных горы следов недавних извержений не имели. Например, это могло быть извержение супервулкана Таупо в Новой Зеландии. Во времена, когда остров Пасхи состоял уже из трех гор и имел вид треугольника, таковых

произошло целых два. Одно в минус двадцать седьмом тысячелетии, а другое в сто восьмидесятом году от Рождества Христова. Так это что же, времена, в которые его могут перемещать аномальные зоны, привязаны к извержениям? Первое произошло, когда Йеллоустон уже был готов взорваться. Может, и в девятом веке тоже имело место что-нибудь подобное.

Так как Роберт еще до катастрофы заинтересовался вулканами, то у него в ноутбуке были зафиксированы наиболее значительные извержения в истории Земли. Так, что у нас тут есть в более или менее цивилизованных временах? О, извержение Кракатау в тысяча восемьсот восемьдесят третьем году. Правда, на острове Пасхи в это время свирепствовала эпидемия оспы, да и вообще остров уже стал довольно гиблым местом. Хм, а не попробовать ли попасть в Нью-Йорк тех времен?

«Попасть» удалось со второй попытки, вот только место Нью-Йорк не напоминало совершенно, да и насчет года у Роберта сразу появились сильные сомнения.

Молодой человек очутился в редком и довольно странном лесу, образованном узловатыми, невысокими, но зато очень разлапистыми деревьями. Роберт, хоть и интересовался ботаникой, однозначно определить их не смог. По общему виду и строению ствола они напоминали рату Южного острова Новой Зеландии, но имели другую форму листьев.

Шел снег с дождем, дул сильный ветер. Роберт вздохнул – что же, ничего не поделаешь, это явно не Нью-Йорк, – и совершил обратный переход. Наверное, вулкан Кракатау извергался не один раз, решил юноша. И вряд ли бабах тысяча восемьсот восемьдесят третьего года был самым сильным. А несколько миллионов лет назад место будущего Нью-Йорка вполне могло выглядеть именно так, и тогда понятно, почему деревья незнакомые. Они небось вымерли при очередном изменении климата. И что же теперь делать? Как обеспечивать хоть сколько-нибудь точную наводку по времени?

Для получения ответа на этот вопрос понадобилось полгода, в течение которых Роберт посетил самые разные времена, но в основном в пределах своего острова. Это было единственное место в пространстве, в которое он мог гарантированно попасть. С временами же ситуация прояснилась позже.

Молодой человек задумался: неужели в качестве привязок могут выступать только извержения? Может, годится любая катастрофа, лишь бы она была достаточно масштабной?

Сказано – сделано, и привязкой для следующего перехода было выбрано падение Тунгусского метеорита. Получилось с первой попытки,

после чего Роберт минут пятнадцать любовался пейзажами острова Пасхи образца тысяча девятьсот восьмого года. Они произвели на юношу настолько удручающее впечатление, что он даже не стал пытаться разыскать аборигенов, хотя перед путешествием вполне допускал такой образ действий, тщательно почистив и смазав свой револьвер.

Да уж, размышлял потом юноша в плейстоценовом лагере, человек по своему разрушительному потенциалу превосходит любой метеорит. Интересно, а нельзя ли использовать события внутри человечества как привязки, аналогичные природным? Ведь для острова Пасхи началом экологической катастрофы стало появление аборигенов на его берегах.

Высадка первых переселенцев в бухте Анакена, за которой Роберт наблюдал в бинокль со склона горы Теревака, происходила долго и беспорочно. Будущие аборигены еле ползали, видимо донельзя вымотанные за время длительного плавания. Одну из трех лодок они ухитрились утопить на камнях в западной части бухты и потом долго ныряли за каким-то имуществом. Затем была поймана неосторожно подошедшая нелетающая птица, ее быстро ощипали, наскоро пожарили на костре и начали было жрать, но процесс поедания скоро прервался, сменившись дракой.

Дрались аборигены вяло, без вдохновения, огонька и членовредительства, но все же через полчаса действие завершилось явной победой более многочисленной стороны. Похватав все выгруженное и не забыв объедки птицы, победители удалились на юг, в сторону бухты Ханга-Роа. Две полузатопленные лодки, видимо, не представляли уже вовсе никакой ценности, на них никто и не посмотрел. Побежденные остались на берегу – побитые, голые, босые и без малейших признаков какого-либо имущества, не считая тех самых лодок. Роберт решил, что сейчас, пожалуй, самый подходящий момент для знакомства, и, на всякий случай еще раз проверив, не застревает ли револьвер в кобуре, покинул свой наблюдательный пост и начал спускаться к бухте.

Действительно, с побитой частью переселенцев удалось довольно быстро познакомиться, а потом и почти подружиться. Оказалось, что ушедшие хулиганы принадлежали к другому племени. На родине племена, вообще-то относящиеся друг к другу без особой любви, вынужденно объединились для отпора приплывшим с соседнего архипелага агрессорам, но потерпели поражение в войне. И значит, уцелевшие наобум отправились в океан, ибо альтернативой этому была смерть или в лучшем случае рабство. Однако когда их тяжелый и рискованный путь все-таки закончился, вместе с ним закончилось

и временное перемирие.

Длинноухие – так новые знакомые называли своих не очень добрых соседей – один раз пытались нанести визит, но были отогнаны двумя выстрелами из револьвера. Кстати, разницы в строении ушей Роберт не заметил. Во всяком случае, с расстояния в сто пятьдесят футов она не наблюдалась даже в бинокль.

Молодой человек не сразу решился использовать новых знакомых в качестве подопытных для дальнейшего изучения своих недавно приобретенных экстрасенсорных способностей, но потом смог убедить себя, что это необходимо для их же блага. Ведь патронов у него совсем немного, и, когда они кончатся, он больше не сможет защищать их от длинноухих. А разобравшись со своими способностями и усилив их – наверное, сможет.

Подопытных же ни в чем вообще не пришлось убеждать. Старик Моуки, взявший на себя руководство огрызком племени короткоухих, заявил: великий Роу-Би, что на языке их далеких предков означает «человек-птица», находится в своем праве и поэтому может делать что хочет.

Для более или менее ясного понимания, что он может и чего не может, Роберту потребовалось около трех месяцев. Оказалось, что людям можно мысленно приказывать ничуть не хуже, чем дельфинам, но вот выполнять они будут далеко не все. Во-первых, команда для быстрого и безусловного исполнения должна быть простейшей, типа «иди сюда» или «иди отсюда». Попытки отправить подопытного даже по не очень сложному маршруту удавались в лучшем случае через раз. Во-вторых, действие не должно было вызывать у объекта управления внутреннего отторжения. Например, на просьбу поймать и принести морского ежа положительно реагировали только двое из восьми подопытных. Почему-то короткоухие, или, как они стали называть себя на новом месте, рапануйцы, не любили этих вкусных и полезных животных. Более того, даже простейшие команды можно было одновременно транслировать не более чем двоим, а хоть сколько-нибудь сложные – только индивидуально.

Однако этим возможности Роберта не ограничивались. Выяснилось, что у молодого человека появилось нечто вроде ментального оружия. Он мог, как сам это определил, наносить «бум по мозгам» и «бум по памяти». В первом случае подопытный чувствовал что-то вроде удара дубиной по затылку и при увеличении мощности воздействия терял сознание. В зависимости от мощности «бума» он мог валяться бесчувственным от пары минут до получаса. Наверное, так можно было

и убить, у Роберта еще оставались резервы, но опытов с летальным исходом на своих он ставить не хотел, а чужие после знакомства с возможностями револьвера больше не приходили.

В результате «бума по памяти» подопытный забывал все, что происходило с ним за какое-то время непосредственно перед ментальным ударом. После месяца тренировок Роберт научился с достаточной точностью варьировать это время от десяти минут до двух часов. Правда, если этот же человек потом подвергался «буму по мозгам», даже совсем слабому, то он мог вспомнить забытое. А мог и не вспомнить, и вообще это Роберта не очень заинтересовало.

Таким оружием можно было воздействовать и на несколько человек сразу, лишь бы они стояли не очень далеко друг от друга. Правда, предельная дальность воздействия не потрясала воображение и после месяца тренировок составляла чуть больше ста футов.

В общем, Роберт сделал вывод, что для манипулирования хоть сколько-нибудь большими массами людей его сверхспособности не годятся. В качестве оружия их применять можно, но это, если подумать, будет не такое уж эффективное оружие. Автомат Калашникова, например, даже в не очень умелых руках способен на гораздо большее.

И наконец, молодой человек решил, что теперь он достаточно подготовлен для экспедиции в более поздние времена и в более населенные места, чем остров Пасхи одиннадцатого века. Хотя сюда, наверное, он еще вернется. Но потом, а пока – вперед! Скорее всего, день, когда человек впервые поднялся в космос, достаточно уникален, чтобы служить привязкой по времени. А в пространстве...

Отец как-то раз взял с собой маленького Роберта, когда поехал в гости к своему двоюродному брату в Новый Орлеан. И, хотя юному Дювалю тогда было всего пять лет, пару мест этого города Роберт до сих пор помнил так, будто побывал там вчера.

Глава 27

Царствующая королева Курил, ее величество российская императрица и по совместительству бессменный президент Израиля, она же моя племянница Маша, в молодости любила путешествовать и предавалась этому занятию всякий раз, как только у нее образовывались хоть какие-то превышающие прожиточный минимум деньги. За время жизни в двадцать первом веке племянница успела побывать в Израиле (ясное дело, не в том, где она сейчас президент), в Доминикане, Гоа, Вьетнаме, Египте, Таиланде и, само собой, в Турции. Еще ей очень хотелось на Канарские, Гавайские и Сейшельские острова, но дело упиралось в недостаток финансов. Поэтому после ее знакомства с цесаревичем Георгием и перемещения в самое начало двадцатого века я первое время беспокоился, как бы ее куда-нибудь не потянуло. Финансовые-то возможности расширились очень сильно! Но, похоже, путешествия привлекали Машу в основном потому, что это было, во-первых, круто. А во-вторых, требовало преодоления определенных трудностей в виде дошираковой диеты, потому как иначе деньги как-то не копились. Как только любое путешествие стало ей по карману без питания растворимой лапшой, она тут же потеряла к ним всякий интерес. Поначалу девочке еще пришлось слетать на Дальний Восток, немного там повоевать с японцами, а потом короноваться в качестве курильской королевы, но в дальнейшем она стала настоящей домоседкой и даже в Ялту выезжала не каждое лето, говоря, что отдыхать прекрасно можно и в Петергофе.

Впрочем, как справедливо заметил какой-то философ – кажется, Гегель, – развитие идет по спирали. И вот, значит, в результате путешествия на остров Пасхи десятого века королевой-императрицей вновь овладела, как сказал поэт, «охота к перемене мест».

Сначала ее двойное величество захотело на Сейшелы, ибо фотографии Канар и Гавайев я ей неоднократно показывал, и эти острова теперь ее не прельщали.

Так как на Сейшелах в описываемое время базировались боевые пловцы адмирала Беклемишева, то я просто позвонил Михаилу Николаевичу, и через два дня в Гатчину с попутным бортом прилетела банка с пауками, наловленными тамошними моряками за один вечер. Пауков было много, и выглядели они достаточно омерзительно, так что я тем же вечером бестрепетно водрузил оный презент на стол во время

нашего очередного совместного ужина в Зимнем. И пояснил, что вреда фауне Сейшельских островов не нанесено, пауков там осталось еще более чем достаточно. Настолько, что местные змеи, хоть их и немало, просто не справляются с пожиранием этих тварей.

В результате показа достижений прикладной энтомологии вопрос с данными островами как-то сам собой увял, но Маше все равно не перестало хотеться куда-нибудь в незнакомые места. И Гоша, будучи любящим мужем, предложил ей съездить в здешний Израиль. А то ведь получается даже как-то странно, заметил император. Мол, ее величество Мария Романова-Курильская досиживает в тамошних президентах уже третий срок и собирается баллотироваться на четвертый, причем никаких сомнений по поводу результата выборов ни у кого нет, а сама ни разу не была в стране, народ которой много лет подряд оказывает ей столь высокое доверие! И даже, кажется, дорогая не очень ясно представляет себе, где эта самая страна находится. Не пора ли поближе познакомиться с электоратом?

– Если бы дело было только в этом, – хмыкнула Маша, – то лететь никуда не потребовалось бы. Того электората и в Питере ошивается более чем достаточно, особенно в сфере банковского бизнеса, который мне приходится курировать. Но сама по себе идея неплохая, тем более что мне действительно не помешало бы на месте уточнить кое-что относительно последней гавайской инициативы Арона Самуиловича.

– Последней – это в каком смысле? – поинтересовался Гоша, как-то искоса глянув на меня.

– Не в таком, про какой ваше величество изволило подумать, – успокоил я императора. – Ни у меня, ни у Маши особых претензий к Немнихеру нет, так что пусть пока поживет, от него временами даже польза бывает. Он, конечно, иногда ошибается, но почти всегда успевает вовремя и с процентами исправить свои ошибки.

– Вот именно, – подтвердила племянница, плотоядно усмехнувшись.

А я мысленно посочувствовал израильскому министру иностранных дел – похоже, гавайская корона обойдется ему несколько дороже, чем он надеялся.

Должен покаяться – поначалу у меня даже мелькнула мысль лично сопроводить племянницу к ее избирателям, дабы на месте убедиться, что ей там ничто не угрожает. Но не успела она, эта самая мысль, толком угнездиться в сознании, как была безжалостно придушена. В самом деле, если созданная мной служба охраны не сможет обеспечить должную безопасность объекта, тем более в лице царственной особы, то мне надо

не разъезжать по Израилям, а идти топиться в пруду за ТЭЦ. Кроме того, имелась и еще одна причина отказаться от сопровождения Маши. На днях в Гатчину должен был приехать Фишман, и я собирался отправиться с ним в десятый век, где посмотреть, как он будет проводить свои трансцендентные исследования. В общем, пусть королева-императрица летит к евреям хоть и не одна, ведь ее кроме охраны наверняка будет сопровождать немало клерков из финансового ее императорского величества департамента, но без канцлера.

Итак, я принял решение, но почему-то на самом краю сознания осталось неуверенное сомнение. Все ли я учел?

Вот только было это сомнение совсем небольшим, слабым и каким-то недоношенным, в силу чего к изменению планов оно не привело.

Боря, как и было условлено, приехал в Гатчину с аппаратурой, при помощи которой он собирался проводить свои исследования. Правда, я считал, что это будет максимум чемодан, так как ограничений с элементной базой из двадцать первого века у Фишмана не было, но он привез целый вагончик. Этакую средних размеров бытовку на колесах. Поэтому переходить на остров нам пришлось не из дворцового подвала, а со спецполигона, расположенного на другой стороне озера.

При въезде на полигон Боря с интересом воззрился на красочный плакат, гласящий:

Нарушитель, имей в виду! Пуля от предупредительного выстрела может абсолютно случайно попасть в голову!

Под надписью художник в меру своего таланта попытался изобразить, что происходит с той самой головой после попадания двенадцатимиллиметровой пули.

– И много тут у тебя уже нарушителей настреляли? – поинтересовался друг.

– Пока ни одного, так для того и плакаты висят. Лучше заранее напугать всех сразу, чем потом тратиться на похороны каждого в отдельности, хоть и по упрощенной процедуре. И кстати, ты вроде что-то хотел рассказать до того, как отвлекся на этот образец наглядной агитации?

– Да, тут у меня сейчас проходит практику дочь твоей Татьяны Лена. Вот, значит, перед самым моим отъездом она пришла с заявлением, что с ней хотел познакомиться иностранец. Правда, не совсем настоящий, из Бухары, какой-то побочный сын бывшего тамошнего эмира, но у нас

все же режимный объект и о таких вещах необходимо докладывать. Леночка как раз занималась системами видеонаблюдения, так что она не стала ничего пересказывать, а просто продемонстрировала запись. Выглядело это примерно так...

Далее Боря, обладающий неплохими актерскими способностями, в лицах воспроизвел мне состоявшуюся беседу.

– Несравненная Елена, – начал он елейным мужским баритоном, – позвольте мне положить к вашим прекрасным ногам свои руку и сердце!

– Я польщена столь щедрым предложением... – это уже мелодичным девичьим голоском, – вот только почему прямо сюда? Хотя пол вроде недавно помыли, но все равно как-то странно класть сюда такие вещи. Ну, сердце ладно, это довольно востребованный орган. Руку тоже? Зачем? Лучше скажите, с почками у вас как – здоровы? А потом, если вам это не покажется трудным, вкратце опишите состояние печени. И позвольте сделать ответный комплимент? Таких красивых глаз, как у вас, мне ни у кого еще не доводилось видеть.

– Вот примерно так, – закончил Боря и поинтересовался: – Твоя небось тоже отшивает женихов подобными методами?

– Да что ты, Настя очень добрая и деликатная девочка, которой мать старательно прививала хорошие манеры. Я, правда, по мере сил и не менее старательно прививал несколько иные, так что теперь у нее есть выбор, какими пользоваться в каждом конкретном случае, но это уже другой вопрос. Так вот, когда Патрик, ее давний воздыхатель, в очередной раз признался ей в любви, она попросила его о небольшой услуге. Мол, ей времени ужасно не хватает, а к вечеру надо обязательно узнать, во время какого именно своего кругосветного путешествия – первого, второго или третьего – скончался капитан Кук.

– И что ответил этот весьма эрудированный юноша?

– Что настолько глубоко он, к сожалению, историю мореплавания не изучал, но немедленно идет в библиотеку, где выяснит точно. В чем тут подвох, он понял только после того, как Настя со скорбью в голосе предположила – скорее всего, посещение библиотеки тут уже не поможет.

Сразу за воротами мы остановились, чтобы подождать автомобиль его величества, подъехавший через пару минут после нас. Настя уже ждала на полигоне – этот заход планировался всем составом открывателей, чтобы можно было не волноваться насчет времени, проведенного на острове. Все равно и в империи, и в Федерации оно будет стоять.

– Извини за небольшое опоздание, твоя дочь небось уже заждалась, – сказал император, здороваясь.

– Опоздал только Владимир, а мы, будучи для госпожи старшего ликтора начальством, всего-навсего задержались, – успокоил я Гошу. – Ничего с ней за пять минут не случится. Ладно, пошли, открываете сегодня вы с Вовой.

В десятом веке каждый занялся своим делом. Гоша с Володей стали усиленно готовиться к совещанию на тему реформы наших вооруженных сил, которое должно было начаться через две недели. Боря сутками пропадал в своем вагончике, изредка вылезая оттуда лишь затем, чтобы поесть, совершить действия обратного порядка и доложить, что им получены совершенно сногшибательные результаты. Какие именно – он пока сказать не может, ибо сам ничего не понимает, но как только поймет – мы будем потрясены. Ну а ваш покорный слуга и Настя занимались поддержанием жизнедеятельности всей этой оравы. То есть Настя охотилась и собирала «персики», а я ловил рыбу и заготовливал дрова. Причем моя часть обязанностей в общем-то не отнимала ни сил, ни времени, а вот дочь днями напролет носилась по всему острову. Впрочем, ей это явно нравилось. Помнится, у меня в ее возрасте тоже было шило в заднице.

Так вот однажды дочь сообщила мне, что на востоке острова, за южным склоном горы Поике, она нашла что-то очень интересное. Но что именно, объяснить не смогла.

– Ты не от Бори заразилась? – поинтересовался я. – Тот тоже который день подряд интригует, а все без толку.

– Нет. Я действительно не могу объяснить, чем то место странное, но, в отличие от дяди Бори, готова его показать. Это километров семь на восток вдоль берега, а сразу за горой полтора километра точно на юг. Если выйдем после завтрака, то к обеду успеем вернуться. Если даже опоздаем, то не очень сильно.

– И ты готова ради этого показа потом есть то, что приготовят его величество и его высочество? Нас-то не будет, а Боря, хоть и умеет неплохо готовить, до такой прозы жизни явно не снизойдет.

– Да.

– Ясно – значит, дело действительно важное. Хорошо, завтра с утра выходим.

До места мы добрались часа за три.

– Вот! – гордо заявила Настя, приосанившись и вытянув руку наподобие Ленина на броневике.

Я зевнул и принялся разглядывать это «странное место». Хм, просто

холм со срезанной вершиной. Причем срезанной неровно, кое-где даже откровенно криво. Маленький, высота от десяти до пятнадцати метров над окружающим ландшафтом. Площадь плечи наверху – соток десять-двенадцать. Единственная странность – там нет ни деревьев, ни кустов. Только трава, и довольно высокая.

– Почему там нет деревьев? – спросила Настя.

– Навскидку могу назвать аж три причины. Первая – случайно залетевшие семена сдувает ветром. Вторая – те, что как-то все же укоренились, душит трава, вон она там какая вымахала. И третья – нелетающим птицам туда неудобно забираться, они и не забираются. И значит, никаких семян не выкакивают.

– А у меня гипотеза попроще, всего из двух пунктов, – задумчиво сказала дочь. – Либо там есть что-то этакое, либо, наоборот, там чего-то нет. И для проверки нам надо туда забраться. Полезли?

Никаких трудностей восхождение не составило даже для меня, а уж Настя на это мини-плато просто вспорхнула.

– Ничего не чувствуешь? – поинтересовалась она.

– Ага... ты права, местечко довольно интересное. Давай-ка попробуем открыть мини-портал в Гатчину.

Ничего у нас не получилось. Ни в Гатчину, ни в наш двадцать первый век, ни даже в мир Жана. Причем, что интересно, я точно чувствовал, что куда-то отсюда открыть переход можно! Вот только для открытия необходимо более или менее представлять себе, куда именно ты ломишься, а как раз с этим были проблемы.

На всякий случай мы слезли с холма, отбежали метров сто и в темпе на пару секунд открыли маленькую дырочку в гатчинский подвал. То есть убедились, что наши способности никуда не делись, это просто место такое. Из которого можно попасть только по одному адресу.

– То, куда можно открыть портал с плато, может выглядеть как угодно, – начал вслух рассуждать я. – И все эти вероятности нам ничего не дают, кроме одной. Той, при которой по ту сторону портала будет точно такое же плато. Ну или по крайней мере очень похожее.

– А ведь верно, – загорелась Настя, – тут же наверняка ничего не менялось тысячи, а то и десятки тысяч лет, пока не пришли эти гадские аборигены. Давай попробуем, может, ты и прав?

Я демонстративно вздохнул и укоризненно посмотрел на дочь.

– Настенька, чему тебя только в спецшколе учили – у нас что, где-то горит? А если нет, то куда ты собралась чуть не голой, всего с одним запасным магазином к пистолету, с какой-то складной ковырлялкой вместо

ножа, без запасов воды, провизии и, самое главное, без четкого плана действий?

– Так я же предлагаю только посмотреть...

– Вы с Кобзевым даже смотреть ничего такого не собирались, однако это не помешало вам попасть по полной, – напомнил я. – В общем, возвращаемся и садимся составлять список всего необходимого и возможные варианты наших действий. Потом обсуждаем их с Георгием Александровичем и Вовой... да и Боря, хоть он и не открыватель, тут тоже лишним не будет. Скорее всего, что-то придется притащить из двадцатого века, хотя не факт, у нас тут по идее есть запасы на все случаи жизни. И только после этого начинаем что-то предпринимать. Согласна?

– А куда же я денусь... вот только кем мы будем выглядеть, если никакого открывания у нас не получится?

– Разумными и предусмотрительными людьми, хорошо понимающими, что отрицательный результат часто бывает не менее ценен, нежели положительный. Все ясно? Тогда двигаем в лагерь. Если поспешим, то можем успеть сами приготовить обед, не затрудняя этим низменным занятием их высочество и величество.

Глава 28

Мы с дочерью успели вовремя, до обеда еще оставалось достаточно времени, чтобы приготовить его в срок, но тут вдруг возникли совершенно неожиданные трудности. Они были связаны не с тем, что исходных продуктов оказалось мало или они были ненадлежащего качества, вовсе нет. С дровами тоже все было в порядке, и очаг горел как положено. Однако, едва мы приступили к ошпыванию пойманного Настей по дороге обратно пастушка, из своей бытовки вылезло его высокопревосходительство генеральный комиссар Борис Иосифович Фишман, причем не просто так, а с торжествующей улыбкой на устах.

– Эврика! – заявил этот Архимед. – Я уже почти во всем разобрался, и теперь осталось только внести в картину завершающий штрих.

Потом Боря внимательно поглядел сначала на Гошу с Володей, увлеченно о чем-то спорящих в сторонке, потом на нас с Настей. На его высоком челе отразилась работа мысли. Кажется, ему нужна была какая-то помощь и он раздумывал, кого бы из присутствующих припахать. Однако, похоже, исследователь вовремя задействовал аналитические способности и сообразил, что император с сыном вряд ли прямо сейчас все бросят и кинутся ему помогать. А если это сделаем мы с Настей, то он останется без обеда. Остальные тоже, но вряд ли это послужит утешением. Они-то с утра завтракали, да плюс вчера и ужинали, и обедали, а Боря до таких мелочей жизни не снизошел, будучи сильно занят исследованиями. Поэтому ученый изрек:

– Вы не отвлекайтесь, я сам сейчас наловлю насекомых, необходимых мне для демонстрации. Жора, ты не знаешь, водятся ли на острове какие-нибудь опасные, с которыми лучше не связываться?

Ответила ему Настя:

– Нет, дядь Борь, тут все безобидные. Правда, жуки, похожие на больших тараканов, иногда кусаются. Но, во-первых, совсем слабо, во-вторых, их для этого нужно сильно разозлить, а в-третьих, их здесь нет, они водятся только в роще около Тонгарики.

Оказалось, что Боря весьма предусмотрительный человек. Он ненадолго скрылся в своем вагончике, чтобы вылезти оттуда с большим сачком, закрывающейся жестяной банкой и в белой панаме на лысине. А потом начался цирк.

Этот колобок принялся метаться по берегу, периодически

подпрыгивая, теряя поочередно то банку, то панаму и, кажется, время от времени издавая приглушенные боевые вопли наподобие самурайских. Причем все его потуги были тщетны. Дело в том, что летающие насекомые у самого берега отсутствовали – им, наверное, не нравились постоянно дующие тут ветры. А нелетающих надо было ловить, не гоняясь непонятно за кем с сачком, а переворачивая камни и смотря, кто под ними прячется.

– Вот это да! – шепотом хихикнула Настя. – Вернусь в Гатчину, напишу эпическую картину маслом «Чингачгук Большой Змей охотится на мамонтов».

Я наконец превозмог желание заржать в голос, осмотрел уже почти готовую к разделке птицу и предложил:

– Дочь, я дальше и без тебя справлюсь, не хочешь помочь человеку? А то Боря вон, гляди, уже второй раз навернулся. Как бы морду себе об что-нибудь твердое в порыве энтузиазма не расквасил, отчего может сильно пострадать отечественная наука.

– Наверняка и мировая тоже, – подтвердила Настя, вставая. – Дядя Боря, давайте я вам помогу. Каких ловить, специальные указания будут?

– Всяких! – ответил ученый, вытирая панамой лысину и отдуваясь.

Демонстрация научных достижений состоялась ближе к вечеру, ибо, хоть Настя и довольно быстро наловила почти треть банки всякой живности, потребовалась определенная подготовка. Но незадолго до ужина все было завершено.

Боря восседал на раскладном стульчике рядом со своей бытовкой. Справа стоял какой-то пульт размером со средний чемодан, провода от которого тянулись в дверь вагончика. Перед Фишманом была расстелена клеенка в желто-бежевую клетку, на которой стояла банка с насекомыми. Негромко тарахтел бензогенератор.

– Итак, приступим, – торжественно заявило его высокопревосходительство. – Анастасия Георгиевна, не можете ли вы достать из банки кого-нибудь ползающего, причем так, чтобы летающие не разлетелись? Благодарю, вот сюда его, пожалуйста.

Настя положила выловленную мокрицу в центр клеенки.

Боря что-то подстроил на своем пульте и объявил:

– Прошу внимания! Представьте себе, что клеенка – это шахматная доска, а существо посреди нее – пешка. Итак, она делает ход.

Мокрица действительно переползла на соседнюю клетку по направлению к Гоше.

– Допустим, пешка дошла до края доски и превратилась в слона, –

продолжал Боря.

Насекомое действительно бодро поползло по диагонали, ступая только на желтые клетки.

– А теперь оно стало ладьей.

Мокрица поползла прямо.

– Все, свободна! – махнул рукой Боря.

Мокрица бодро, чуть ли не вприпрыжку, покинула клеенку и затерялась в траве.

– Однако это далеко не все, – продолжил Фишман. – Настя, теперь кого-нибудь летающего, пожалуйста. Все, спасибо, можно не держать, никуда она теперь без команды не денется. Приступаем к демонстрации.

Муха ничуть не хуже мокрицы продемонстрировала, как ходят шахматные фигуры, включая коня, а потом, после Бориного взмаха рукой, улетела.

– Обратите внимание, что в первом случае насекомое не делало ничего ему не свойственного. Этой мерзости – Настенька, да где ты только такую взяла – небось было все равно куда ползти. Но муха вела себя совсем не так! Ей наверняка хотелось улететь, но она выполняла мои мысленные команды и улетела, только получив разрешение. Как вам такое? – спросил Фишман, гордо оглядев весьма впечатленную показом аудиторию.

– Потрясающе! – подтвердил я. – Теперь, значит, ос с дачного участка можно будет простым усилием воли переадресовать к соседям? И тараканов с кухни тоже к ним, гадам. Господин Фишман, благодарное человечество вас не забудет. И кстати, как у вас обстоят дела с мышами?

– Пока никак, – вздохнул Боря. – Наверное, нужны совсем другие настройки аппаратуры. И насчет соседей скорее всего выйдет облом. Подозреваю, что такой эффект возможен только здесь, а ни в двадцатом, ни в двадцать первом веке ничего не получится. У меня и так чувствительность приемника на пределе, а там для нормальной работы ее надо будет увеличивать как минимум на три порядка.

– Ладно, для начала и это очень неплохо. Кстати, гонять мух можешь только ты или подобное достижение доступно каждому? А то ко мне в палатку время от времени муравьи заползают.

– Да, ты прав, действительно не помешает проверить, в какой мере эффект зависит от индивидуальных способностей индуктора – так я называю того, кто при помощи моей аппаратуры осуществляет экстрасенсорное управление. Если ты не против, прямо завтра с утра и попробуем, а пока я внесу кое-какие изменения в схему детектирования, а то она, похоже, работает все-таки не очень.

Поначалу у меня ничего не получалось. Несмотря на работу Бориной аппаратуры, и мухи, и мокрицы, и даже бабочки единодушно игнорировали мои потуги хоть что-то им мысленно приказать.

– Пожалуй, не помешает немного увеличить размах несущей, – предположил Фишман и что-то подкрутил на своем пульте.

До сих пор все его действия на меня никак не влияли, но тут я почувствовал нечто вроде удара кошачьей лапой по затылку. И сразу после этого очередная мокрица начала вести себя как радиоуправляемая игрушка. Я даже смог траекторией ее ползания достаточно точно воспроизвести свою подпись.

– Эффект продемонстрировал главное качество любого корректного эксперимента – повторяемость, – резюмировал Боря, выключая свой пульт. – Причем у тебя, похоже, получается даже лучше. Возможно, сказываются многолетние навыки администрирования. В общем, я считаю, что все прошло неплохо.

Я в принципе был согласен со своим старым другом, но с точностью до одного маленького «но». Со мной что-то стало как-то не так. Мне казалось, что еще чуть-чуть – я вспомню что-то забытое, причем очень-очень важное.

Подобное состояние было у меня в моем первом и единственном воздушном бою над Порт-Артуром. Тогда я ухитрился забыть, что «спитфайры» летают тройками, и, сбив двоих, считал себя в относительной безопасности. Вспомнил же я об этом только тогда, когда третий «спит» зашел мне в хвост и открыл огонь. Будет жаль, если и сейчас воспоминания придут с таким же опозданием.

Вспомнить удалось только вечером. Минут пять я сидел, переваривая то, что мне открылось, а потом, буркнув: «Ну, блин, голубь сизокрылый, птица хренова», – встал и двинулся к западной оконечности бухты, где на камнях сидел Гоша и любовался закатом. Нужно было срочно поделиться с его величеством внезапно обретенной информацией.

Гоша воспринял мое сообщение довольно спокойно.

– Я в общем-то и подозревал что-то вроде этого, – заметил он. – Но, разумеется, буду не против точно вспомнить, как все это произошло в действительности.

– А может, не надо? И так все более или менее ясно. А какими именно словами тебя уговаривал тот тип – оно в общем-то и не важно, раз ты в конце концов согласился. Мало ли к каким последствиям может привести воздействие Бориной аппаратуры.

– Согласен, поэтому не будем спешить. Недели, думаю, хватит. Если

гипотетический вред от воздействия на тебе за это время не проявится, то, значит, и мне можно идти тренироваться командовать тараканами.

– Не допускаешь, что это может сказаться и позже – через месяц, например?

– Допускаю, хоть и считаю подобный вариант маловероятным. Но даже тогда у меня будет около недели форы, ибо это самое неизвестно что сначала произойдет с тобой. Просто же так брать и отказываться от части своих воспоминаний я не намерен. В конце концов, они мои собственные, и я сам решаю, что мне помнить, а что забыть.

Глава 29

Солнечным январским утром тысяча восемьсот девяносто девятого года цесаревич Георгий Александрович вышел из своего так называемого дворца, чтобы совершить рекомендованную лечащим врачом ежедневную прогулку, благо тропинку вдоль улицы уже расчистили от снега. Господин Айканов уверял пациента, что такие прогулки обязательно поспособствуют выздоровлению. Мол, уже сейчас можно заметить определенный прогресс.

Впрочем, из его речей бесспорно следовало только то, что уважаемый доктор совсем не умел врать. Цесаревич за время болезни успел достаточно серьезно ознакомиться с литературой о протекании туберкулеза. Правда, и без всяких книжек нетрудно было догадаться, что жить ему осталось не так уж и много. Интересно, вяло подумал Георгий, а сколько именно? На два года, пожалуй, рассчитывать не стоит. Полтора? Нет, если и дальше болезнь будет развиваться с той же скоростью, то не больше года. А если развитие ускорится, то и меньше.

Маршрут прогулки пролегал по единственной улице Аббас-Тумана. Сначала вверх до конца поселка, а потом той же дорогой назад, к дому. Если идти неспешным шагом, то прогулка продлится как раз те самые сорок-сорок пять минут, что рекомендует доктор.

Прогулка почти завершилась, и до поворота на дорожку к дворцу оставалось несколько саженей, когда цесаревич, до того смотревший себе под ноги, поднял глаза и немного удивился. Перед ним стоял незнакомец.

Летом в этом не было бы ничего невозможного, но в январе, да еще после продолжительной метели, которая кончилась только позавчера... разве что он давно тут обретается, но до сих пор не показывался на улице.

Незнакомец был одет несколько странно и, пожалуй, довольно легко для сегодняшней погоды. Он улыбнулся цесаревичу, приподнял свою странную кепочку с большим козырьком и произнес:

– Ваше высочество, позвольте представиться – Христофор Бонифатьевич Врунгель, путешественник. В Аббас-Тумане я проездом, а если точнее, то лишь для того, чтобы встретиться с вами. Вы не могли бы уделить мне несколько минут своего драгоценного времени?

Георгий кивнул, соображая, что от него могло понадобиться этому странному господину. Кто он – эсер-террорист? Непохоже. Проситель? Тогда еще и на редкость неумный, ибо у цесаревича нет не только никакой власти, но и связи даже с Тифлисом, не говоря уж о Петербурге

или Москве. Потому как после метели телеграф не действовал – наверное, опять где-то обрыв провода. Но даже работай телеграф – что с него толку?

– Извините за бесцеремонность, – продолжил тем временем незнакомец, – но вы, наверное, и сами знаете, что скоро умрете. Я могу даже уточнить – этим летом. Если только вы будете продолжать жить, как жили до нашей встречи. Однако я здесь именно затем, чтобы сообщить: у вас есть шанс. И не только у вас, но и у всей Российской империи, которая иначе скоро прекратит свое существование. Вы согласны попытаться спасти ее и себя?

«Не террорист и не проситель, – подумал цесаревич, – а просто сумасшедший. Кажется, с ними рекомендуется соглашаться во избежание обострения». И кивнул:

– Да.

– Увы, такое «да» не может считаться согласием. Дело в том, что вы исходите из неверной посылки. Я не сумасшедший, постарайтесь мне поверить, ведь это ваш единственный шанс. У вас их что, настолько много, чтобы вы ими могли вот так разбрасываться? Итак, я жду ответа на свой вопрос.

– Да! – выкрикнул Георгий и с трудом удержался от того, чтобы не закашляться.

– Вот теперь лучше. Итак, скоро у вас будет возможность познакомиться с одним довольно интересным человеком. Не упустите – это тот самый шанс, о котором я говорил.

– И как же я его узнаю?

– Способ знакомства покажется вам... хм, несколько необычным. Или, точнее, совершенно невероятным. Сами увидите. И помните – он сможет спасти вас. Но спасти Российскую империю вы сможете только вместе. Ну а теперь, опять-таки если вы согласны, я сделаю так, что вы забудете нашу беседу. Если этого не сделать, то возможны непредсказуемые и нежелательные варианты.

– Согласен, – пожал плечами Георгий, – вот только какой смысл меня о чем-то предупреждать, если я все равно все забуду?

– Вы-то забудете, а вот ваше подсознание... или душа, это вопрос терминологии... оно-то все прекрасно будет помнить.

На мгновение у цесаревича потемнело в глазах, но именно что на мгновение, причем очень короткое. В некоторой растерянности он огляделся. Никаких незнакомцев в пределах видимости не наблюдалось.

Георгий достал из кармана часы, убедился, что время, отпущенное на прогулку, истекло. Покачав головой, молодой человек пошел к своему

дому.

В середине апреля две тысячи восьмого года Георгий Андреевич Найденов, московским скутеристам и мотоциклистам более известный как «дядя Жора», решил сделать техобслуживание своей «хонде», благо клиентский «Ирбис» был уже готов, а следующий жаждущий тюнинга обещал подъехать только послезавтра. Но он успел только немного прогреть двигатель и слить масло, как снаружи послышался звук мотора.

Четырехтактный полтинник, работает на переобогащенной смеси, на слух определил Найденов и выглянул из гаража.

Перед ним действительно стоял скутер – китайская копия «Кимко Кобры».

– Не подскажите, где тут бокс номер сто девяносто два? – поинтересовался скутерист.

– Вниз примерно до середины спуска, с правой стороны, – ответил Найденов. – И кстати, вы в курсе, что у вас движок заливает? Долго он так не проработает. Могу посмотреть, если хотите.

– Хотеть-то я хочу, но у меня с собой почти нет денег.

– Это ужасно, я вам сочувствую. Но у меня сегодня какое-то странное настроение – хочется совершить что-нибудь этакое, вплоть даже до того, что бескорыстное. Не знаю, может, за завтраком съел чего-нибудь не того... или просто весна так действует...

С этими словами Найденов быстро свинтил крышку воздушного фильтра. Так и есть – весь поролон уделан маслом. С головки, что ли, натекло? Нет, в этом аппарате дренажный шланг вообще не подсоединен к фильтру, что правильно. И шланг, кстати, сухой. Из карба? Да ну, бред, как бы тогда мотор работал? Остается только одна вероятность – этот самый фильтр аккуратно сняли, макнули в масло и поставили обратно. Причем совсем недавно, оно даже толком растечься по коробке не успело.

– Ну и зачем вам оно понадобилось? – поинтересовался Найденов, поднимаясь.

– Чтобы поближе познакомиться с вами.

– Неужели я незаметно для себя ухитрился стать эстрадной звездой?

– Нет, как раз они меня совершенно не интересуют. От слова «совсем». А вот человек, способный спасти одного довольно симпатичного юношу, а если повезет, то еще и Россию в придачу... или даже сразу две России, чем черт не шутит, – очень даже интересуется.

– Зачем мелочиться, может, мне лучше сразу спасти всю галактику? Или хотя бы только вас, позвонив в психиатрическую неотложку? –

прищурился дядя Жора.

– Нет, с галактикой пока все в порядке. И со мной тоже, вопреки вашим сомнениям. И вообще, я же не прошу вас мне поверить. А прошу, если можно, просто ответить на вопрос: вы бы согласились, если бы вам представилась возможность с риском для жизни сделать то, что я сказал? Если вам так удобнее, считайте, что мне это нужно... ну, скажем, для социологического исследования.

– А, ну тогда пожалуйста.

Найденов выжал поролон фильтра, бросил его в жестянку с бензином и продолжил:

– Насчет риска – по-моему, вы ошибаетесь. Если уж человека угораздило родиться, то ведь через мизерное по геологическим и астрономическим меркам время он без вариантов помрет! Подумаешь, чуть раньше или чуть позже, результат-то все равно одинаковый. Где же здесь риск? Так что, конечно, согласился бы, будь ваш вопрос снабжен хоть какими-то доказательствами реальности предлагаемого. Вы удовлетворены? Тогда вот ваш фильтр, поставить его на место вы прекрасно сможете и сами.

Тут у Найденова ненадолго потемнело в глазах. Он помотал головой, осмотрелся и убедился, что скутерист уже уехал.

Точно, не нужно было за завтраком тех бычков в томате жрать, не зря они мне показались подозрительными, подумал дядя Жора.

Однако что-то ему все-таки казалось неправильным, но он не мог понять, что именно.

А и хрен с ним, решил мастер и вновь занялся своей «хондой».

Вот примерно такие эпизоды Георгий Александрович Романов и Георгий Андреевич Найденов вспомнили в результате воздействия аппаратуры Бориса Иосифовича Фишмана.

Глава 30

После того как император вслед за государственным канцлером научился гонять мух по шахматной клеенке и вспомнил один довольно интересный эпизод своей биографии, прошло десять дней. Разумеется, не в праздности, а в трудах и заботах.

Боря при помощи своей аппаратуры пытался не то чтобы измерить напряженность пресловутого икс-фактора, но хотя бы обнаружить хоть какие-то его признаки в нашем мире. Однако пока безрезультатно.

– Ты хоть отдаленно представляешь себе, что за поле пытаешься найти? – поинтересовался я, когда Фишман явился ко мне со списком приборов и электронных компонентов, необходимых ему для продолжения экспериментов.

– Разумеется, нет, – удивленно воззрился на меня друг. – У меня же только-только началась вторая фаза.

Я кивнул. Все правильно, исследование любого явления природы происходит в три этапа, иначе называемых фазами. Первая – это когда человек убеждается в существовании упомянутого явления. Если взять гравитацию, то первая фаза началась еще у столь любимых Борей австралопитеков – например, когда они всем племенем с интересом рассматривали то, что осталось от их неудачливого товарища после падения с достаточно высокой скалы. Вторая фаза, наверное, стартовала где-нибудь в Древнем Египте, когда люди додумались до весов. То есть начали измерять силу тяжести, не имея ни малейшего понятия о ее сути. И наконец, совсем недавно началась третья фаза – когда Эйнштейн достаточно аргументированно предположил, что гравитация есть всего лишь искривление пространства. И, разумеется, разработал математический аппарат под свою гипотезу. В двадцать первом веке третья фаза все еще продолжается, до полного понимания сути гравитации человечеству еще далеко.

Аналогичная картина наблюдается и с электричеством.

В общем, Боря сейчас пребывал в самом начале второй фазы. То есть пытался измерить, сам толком не понимая, что именно. Впрочем, название для единицы измерения напряженности икс-фактора он уже придумал – фишман. Сейчас чувствительность его аппаратуры приближалась к полутора микрофишманам, но, похоже, искомая напряженность в двадцатом веке была существенно ниже.

Дочь почти все время пропадала в авиаремонтных мастерских Гатчинского аэродрома, где спешно изготавливалась капсула, из которой мы с ней будем пытаться открыть портал с плато у горы Поике неизвестно куда. Я туда тоже заходил, но не очень часто, все-таки из канцлеров меня пока не уволили, и служебные обязанности оставляли мало свободного времени.

Вообще-то изделие, хоть и называлось капсулой, представляло собой дюралевый герметизированный кузов с широкими иллюминаторами из закаленного стекла, водруженный на шасси армейского полноприводного «Руссо-Балта». Мы решили, что так будет лучше, в том числе и в случае непроизвольного переноса типа того, что произошел с «Арктической Зарей». Кроме того, предмет, снабженный колесами и мотором, будет проще втащить на плато. Мы с Настей уже выяснили, что не только оттуда нельзя попасть в двадцатый век. Но и туда тоже не получается, пробуй хоть из двадцатого века, хоть из двадцать первого. А рядом – пожалуйста. Поэтому к месту экспериментов капсула доберется своим ходом. Ну а где возможностей движка и ходовой не хватит, поможет лебедка.

Поначалу я планировал посетить это аномальное место уже на острове Пасхи двадцатого века, но дочь мне сообщила, что она там была. И может точно сказать, что никакого плато там нет, а есть невысокий холмик посреди красной пустыни, весь изъеденный эрозией. Настя даже забиралась на него и ни малейших признаков хоть какой-то аномальности не обнаружила. После чего я со спокойной совестью вычеркнул поход туда из разряда хоть сколько-нибудь срочных дел. Даже если потом окажется, что там есть какие-то отклонения от нормы, привлекать к ним излишнее внимание ни к чему. А чтобы не привлекать, нужно хорошо подготовиться. У меня же пока с трудом получалось выделить время на подготовку к попытке открытия из десятого века.

Экспедиция осуществлялась в несколько этапов. Сначала в десятый век отправились мы с Настей и своим ходом дотопали до плато. Выбрали достаточно удобное место метрах в ста пятидесяти и оттуда перебрались в Гатчину, на полигон, где нас уже ждали император с наследником, Боря со своей бытовкой на колесах и отделение морских пехотинцев в качестве потенциальной охраны, а конкретно сейчас – носильщиков. Это была инициатива Гоши, который на мой вопрос «зачем, сами как-нибудь все барахло перетащим» ответил:

– Вот представь себе, открыл ты портал неизвестно куда. А вдруг оттуда полезут всякие чужие, хищники и прочая мерзость?

- Закрою дыру, и все.
- Если успеешь.
- Перестраховщик ты, ваше величество. Зачем тогда сам туда лезешь?
- На моей должности иначе нельзя, – убежденно заявил император. –

А лезу именно оттого, что перестраховщик. Случись с тобой что, кто тебя вытаскивать будет?

И наконец, когда блиц-проверка показала, что вроде бы все готовы, никого и ничего не забыли, Гоша с Володей открыли портал туда, откуда недавно явились мы с Настей. Свежая, неутомившаяся пара открывателей была задействована для получения возможности открыть дыру пошире и держать ее подольше, чтобы успеть переправить все запланированное за один раз даже в случае какой-либо непредвиденной задержки.

Два дня ушло на обустройство лагеря и затаскивание капсулы на плато. Потом Боря на ее крыше установил измеритель напряженности икс-фактора с выдвигающимся на телескопической штанге щупом и в ответ на мою просьбу обучить меня или Настю управлять данным приспособлением заявил, что он намерен сидеть в капсуле и заниматься этим лично. Я вздохнул и начал прикидывать, что из аварийного запаса теплой одежды можно выкинуть, дабы внутри поместился еще и Фишман.

И вот наконец настал торжественный момент первой попытки открытия. Все почему-то ждали немедленного результата, хотя я заранее объяснил, что вероятность сразу чего-то добиться в самом оптимистическом случае составляет не больше одной двенадцатой – это если исходить из предположения, что в конце концов у нас все обязательно получится. Если же такое предположение неверно, то вероятность может вообще стать неотличимой от нуля. Однако всем, и даже мне в том числе, хотелось чуда. И естественно, в полном соответствии с законом подлости получился облом. Ничего никуда не открылось, как мы с Настей ни старались. То есть праздник кончился, и началась планомерная работа.

Она заключалась в том, что мы искусственно сужали обзор из переднего иллюминатора шторами примерно до тридцати градусов, фиксировали направление и начинали пытаться открыть портал. На одном месте и с одной ориентацией попытки делались четыре раза – ранним утром, в полдень, сразу после заката и в час ночи. После того как все эти потуги оказывались безуспешными, капсула поворачивалась на тридцать градусов по часовой стрелке, и на следующий день цикл повторялся. На всякий случай у меня имелся план, что делать после того, как капсула

безрезультатно сделает полный оборот и займет первоначальное положение, но он не понадобился. Утром одиннадцатого дня у нас наконец получилось.

Дырка возникла на высоте около метра над поверхностью земли и имела сантиметров тридцать в диаметре. По ту сторону портала было то же самое, что мы за мгновение до открытия видели по эту: качающаяся от ветра трава на пригорке, а над ней – край подсвеченного восходящим солнцем облака. Значит, я правильно предположил, что совпадение пейзажей тут и там является необходимым условием открытия первого портала. Потом, скорее всего, будет проще.

– Ой, ё-ё! – спохватился Боря и защелкал тумблерами управления измерительным щупом.

На крыше капсулы зажужжало и залязгало. В поле зрения вползла удлиняющаяся телескопическая труба с утолщением датчика на конце. Она чуть повернулась, наклонилась и с торжествующим «вжик» удлинилась настолько, что датчик проник аж на метр за портал. Да уж, не то что промаха, а просто не ювелирной точности ждать от Бори не приходилось. Он, если так можно сказать, с детства регулярно тренировался попадать щупом в отверстие с первого раза. Но комментировать его выдающиеся способности я не стал, дабы не отвлекать Настю от усилий по поддержанию портала.

– Готово, я закончил! – сообщил Фишман секунд через десять.

Щуп убрался на свое место. Мы с дочерью с облегчением закрыли портал – все-таки и открывать, и поддерживать его оказалось заметно труднее, чем обычный.

– Точнее смогу сказать только после расшифровки, но на глаз – результат просто фантастический! – поделился восторгом Боря. – Уже все, можно вылезать?

– Нужно, а то нам мимо тебя не пробраться. Дамы и господа, поздравляю с успехом нашей операции. Не очень понятно, чего именно мы достигли, но сам факт достижения бесспорен.

– Кажется, по ту сторону справа, на самой границе видимости, в момент открытия что-то мелькнуло, – пробормотала Настя, вылезая вслед за Фишманом.

Поначалу к каждой попытке открытия собиралась толпа зрителей, но где-то на пятый день энтузиазм угас, и сейчас в лагере бодрствовал только часовой. В силу чего мы смогли спокойно, без суеты просмотреть записи.

Боря вообще впал в неумный восторг, а на мой вопрос, что же там

такое замечательное обнаружилось, он гордо заявил:

– Не менее полутора мегафишманов! Может, и больше, на такой огромной напряженности я еще, понятное дело, измеритель не градуировал. Да там любой дебил мгновенно станет натуральным чудотворцем!

– Вот то-то и оно, – озабоченно кивнул я. – Поэтому любых дебилов мы туда не пустим, а только некоторых избранных.

На записи с моей видеокамеры сразу обнаружилось, что же там такое мелькнуло справа. Это оказалась нога в синей штанине, а остальные части неведомого организма в кадр не попали. Причем она присутствовала только на первых трех кадрах, а начиная с четвертого бесследно исчезла.

– Жан, – уверенно заявила Настя, просмотрев запись. – Это его джинсы, я их узнала.

– К тому же исчез он не через портал, а телепортировался куда-то, как при эффекте Арутюняна, – уточнил я. – Учитывая, что и сам он что-то такое вспоминал, можно предположить, что в момент вашего с Кобзевым эксперимента его сначала забросило туда, а сразу после открытия нашего портала – сюда, в десятый век.

– Какой пронырливый юноша! – сокрушенно вздохнула дочь. – А ведь поначалу казался совсем приличным... я даже к нему чуть высокими чувствами не воспылала. Хорошо, вовремя вспомнила о Патрике и одумалась. Может, с мсье Дювалем пора что-нибудь делать?

– Почти все необходимое мы уже сделали, а для завершающего штриха время еще не настало.

Я, кажется, потихоньку начинал понимать логику происходящего.

Глава 31

Многие не без оснований считают, что, чем выше общественное положение человека, тем более он свободен в своих перемещениях. Например, свобода бомжа ограничивается рамками пешего перехода от помойки до магазинчика, где продается стекломой, и обратно. Пенсионер, даже если ему не помогают дети, уже имеет какой-то выбор. Он может сходить на упомянутую помойку и посмотреть, нет ли там чего-нибудь не лишнего по хозяйству или пригодных к сдаче бутылок. Может остаться дома и смотреть телевизор. Может съездить на дачу. Наконец, если здоровье и бюджет позволяют, раз в несколько лет, а то и чаще он может отдохнуть на море. Председателю совета директоров крупной компании, особенно если она с государственным участием, ничто не мешает на выходные слетать на Сейшелы или Канары. А уж президенту страны и вообще...

Но вот тут вышеописанная закономерность работать перестает. Да, президент в случае чего-нибудь чрезвычайного может очень быстро оказаться в любой точке своей страны и почти в любой из мировых столиц, но в нормальной обстановке его маршруты расписаны на недели вперед. У английской королевы – на месяцы. Японский император вообще никогда не покидает пределов Японии.

Так как моя племянница Маша являлась одновременно и президентом, и королевой, и императрицей, то, понятное дело, она не смогла вылететь в Израиль в тот же вечер, когда ей этого захотелось. И на следующий день тоже. И через неделю. На подготовку визита потребовался почти месяц.

Но наконец закончилась не только подготовка визита, но и наши с императором походы из двадцатого века в десятый с открыванием оттуда портала уже вообще неизвестно куда, и ее величество Мария Александровна Романова-Курильская с большой помпой отбыла в свою страну, где до этого как-то не удосужилась побывать ни разу в жизни.

Как уже говорилось, сопровождать племянницу я не считал необходимым. Однако оперативная информация о протекании визита шла в мой секретариат непрерывно, а спустя весьма небольшое время в Гатчине появились видеозаписи с нескольких точек, а также показания сотрудников нашего посольства в Израиле, протокольной группы, охраны и нескольких посторонних свидетелей. Венчал всю эту кучу информации обобщающий доклад Танечки, так что я могу подробно и аргументированно рассказать,

что же произошло в Тель-Авиве после посадки борта № 1 Российской империи.

Маша, разумеется, знала, что в стране, где она работает президентом (и, кстати, получает зарплату более чем в три раза превышающую мое содержание как принца-консорта Ирландии), довольно много корейцев и китайцев. Все-таки уровень жизни в Израиле был заметно выше, чем в граничащих с ним Манчжурии и тем более Корее. Понятно, что народ туда стремился, несмотря на немалые трудности. Даже вид на жительство там давали только рабочим и специалистам востребованных профессий, а уж получить гражданство было и вовсе не легким делом. Для этого требовалось иметь в активе не менее пяти лет безгрешной жизни с видом на жительство – то есть без единого нарушения не только уголовного, но даже административного кодекса. Кроме того, вместе с прошением о гражданстве требовалось представить справку о принятии иудаизма и прохождении сопутствующей ему медицинской процедуры – на мой непросвещенный взгляд, далеко не самой приятной. Правда, имелось и два других пути – совершить беспрецедентный подвиг во имя Израиля или внести в его бюджет крупное (не менее полумиллиона шекелей, то есть примерно ста пятидесяти тысяч рублей) пожертвование. Но по вполне понятным причинам для большинства иммигрантов эти способы не подходили. В основном люди как-то получали вид на жительство и им довольствовались, не помышляя о гражданстве. Короче, экземпляры восточноазиатской внешности в Израиле присутствовали. Но вот их количество стало для королевы-императрицы сюрпризом. «Как будто в Хошимин прилетела», – поделилась потом со мной племянница.

Именно поэтому появление среди множества встречающих невысокого пожилого господина абсолютно не еврейской внешности никого не заинтересовало. Хотя он был не китайцем и не корейцем, а бурятом.

Надо сказать, что Израиль – это страна, во-первых, довольно молодая. А во-вторых, не особо избалованная визитами глав государств. Если точнее, то такой визит в истории случился всего один раз четыре года назад, когда Тель-Авив посетил монгольский президент. Но он приехал на поезде. Да и не та это была фигура, чтобы ради нее разрабатывать какой-то особый протокол встречи! Пусть скажет спасибо, что на вокзале ему не пришлось искать встречающих.

С небес же в эту прекрасную страну являлись в основном господин Токигава, его светлейшее высочество лорд-протектор и ваш покорный слуга. Как правило, наши визиты были совершенно неофициальными,

а иногда откровенно тайными, поэтому никаких не то что традиций, а даже простого опыта торжественной встречи высоких гостей у израильтян не имелось. Кроме того, здания аэропорта строились последовательно начиная с простого сарайчика, бессистемно и без всякого генплана. В рекламных буклетах говорилось, что в результате получился неповторимый архитектурный ансамбль. С моей же точки зрения, это был просто строительный бардак, хотя, возможно, действительно неповторимый.

Когда борт № 1 остановился и спустил трап, ибо своими самоходными трапами для лайнеров класса «Аиста» аэропорт еще не обзавелся, перед ним, как и положено, расстелили ковровую дорожку. Я бы даже сказал, ковер. Или коврик. Конечно, побольше тех, что кладут перед дверьми, но ненамного.

Маша с удивлением воззрилась на это произведение ткацкого искусства, потом решительно вытерла об него ноги и двинулась к группе встречающих, пытаясь на ходу определить, который тут в этой толпе премьер-министр. В отличие от президента, они в Израиле сменялись довольно часто, и теперешнего Маша живьем не видела ни разу. Правда, перед отлетом она все-таки посмотрела на его официальный портрет, но, согласитесь, эти самые официальные портреты довольно редко страдают фотографической точностью. Мне в этом отношении было проще – если на официальном приеме присутствует тип в мундире а-ля Штирлиц, с бородой и в зеркальных очках, то это наверняка государственный канцлер. Или в крайнем случае его двойник. А вот израильский премьер до сих пор не обзавелся легко узнаваемой униформой.

Наша система охраны первых лиц государства постоянно совершенствовалась на основе всей доступной ее планово-аналитическому отделу информации. Поэтому нет ничего удивительного, что после попытки похищения Рекса были сделаны соответствующие выводы. Похитили кота – значит, если охрана будет хлопать ушами, в следующий раз могут похитить и охраняемую персону. В силу каких-то причин ушами никто не хлопал.

Все эпизоды кражи Настинного кошака были тщательно проанализированы. Выяснилось, например, что, будучи загипнотизированным, он двигался по прямой от кухни, где его накрыло, к рощице, где скрывался экстрасенс. Все остальные эпизоды тоже подверглись скрупулезному рассмотрению. Потом были написаны соответствующие инструкции, проведены неоднократные учения, и теперь подобная ситуация не должна была стать для охраны сюрпризом.

Как только Маша неожиданно пошатнулась, обхватила руками голову и сделала неуверенный шаг явно в сторону от группы, в центре которой стоял премьер, был подан сигнал «внимание, опасность по пункту шестнадцать». По этому сигналу в направлении предполагаемого движения королевы-императрицы ломанулись двое мордovorотов – это была группа отвлечения внимания. За ними далеко не так демонстративно двигались еще трое – группа захвата. Бодигарды ближнего круга придвинулись к Маше почти вплотную, готовясь зафиксировать ее в случае развития нештатной ситуации.

Оба отвлекателя внимания вдруг упали, не добежав до пожилого бурята метров сорок. В группе захвата тоже возникла какая-то заминка, и координатор обозначил цель и приказал приготовиться снайперу третьего поста. Тот прикинул к окуляру оптического прицела.

Так как ближний круг почему-то мешкал с фиксацией объекта, координатор после секундного колебания буркнул в микрофон:

– Третий, огонь! Второй и четвертый, приготовиться.

Третий пост располагался в старом помещении диспетчерской примерно в полукilометре от места событий. Может, экстрасенс смог бы дотянуться до стрелка и на таком расстоянии – если бы знал о его существовании. Но он не подозревал о снайпере до того мгновения, когда двенадцатимиллиметровая пуля, летящая со скоростью более семисот метров в секунду, ударила его в грудь. После таких попаданий люди не выживают независимо от наличия бронежилета, и пожилой бурят не стал исключением. И таки да, бронежилет на нем был.

Маша потрянула головой, освобождаясь от наваждения, и заинтересовалась у референта:

– Не подскажете, что тут происходит?

Тот достал из кармана рацию, некоторое время слушал ее, а потом сообщил:

– Была попытка покушения на вас. Она уже нейтрализована, визит продолжается, но, естественно, при повышенных мерах безопасности. Видите среди встречающих бородатого здоровяка азиатской внешности в красном халате? Премьер – это тот, что стоит справа от него.

– Спасибо, – кивнула королева-императрица и, придав лицу по возможности доброжелательное выражение, направилась к встречающим.

– Ваше двойное величество и превосходительство, – метнулся ей навстречу премьер, – мы потрясены попыткой совершения ужасного злодеяния! Разумеется, оно будет расследовано.

– Расследование уже идет, – уточнила Маша, – и, насколько я в курсе, довольно успешно. Давайте не будем ему мешать. Что там у нас предусмотрено дальше в программе визита?

Тут опомнились впавшие было в ступор музыканты. Оркестр, расположенный сразу за встречающими, заиграл «Боже, царя храни», а тот, что остался у трапа, выдал израильский гимн. В общем, с моей точки зрения, получилась довольно оригинальная композиция. Маша ободряюще похлопала по плечу премьера – мол, ничего, мне и не такое доводилось видеть и слышать, – и вся орава отправилась к ожидающим высоких гостей лимузинам.

– Труп однозначно идентифицирован как Бадмаев, – сообщила Танечка в конце своего доклада. – Ошибка крайне маловероятна. Сейчас идет активный поиск сообщников. Двоих уже вычислили и пасут. Брать будут позже и при участии господина Ли-младшего. Он уже вылетел во главе экстремальной группы и будет в Тель-Авиве часов через шесть.

Глава 32

Вопреки моим опасениям, никакого ажиотажа в прессе в связи с событиями в аэропорту не случилось. Одна не самая заметная местная газетенка тиснула материал о том, что в аэропорту не то кто-то убил, не то кого-то убили. И все. Никаких журналистских расследований не проводилось. Просто потому, что пресса в Израиле была очень демократическая и за голую благодарность читателей, а уж тем более из любви к истине напрягаться не желала. Она могла это сделать либо в надежде на увеличение тиража, либо по прямому и предварительно оплаченному заказу. Так вот, люди уже давно поняли, что вмешательство в операции русских спецслужб чревато, ибо никаких финансовых выгод точно не принесет, зато очень даже может принести обратное. А о том, что расследованием занимаются именно они, кому надо намекнули сразу.

В нашей же прессе по этому поводу вообще царило полное молчание. И вовсе не из-за того, что кто-то препятствовал распространению информации. Нет, просто всем было не до нее. Пишущий народ исходил эмоциями на тему грядущей военной реформы. Те, кто еще года три назад горячо упрекали военное министерство, канцлера и иногда даже лично императора в выходящем за грань разумного милитаризме и слезно рассуждали, сколько тысяч голодных детей можно накормить за цену одной крылатой ракеты, теперь вдруг прозрели и завопили об уничтожении армии, после чего Россию смогут завоевать все, кому не лень, вплоть до Румынии. И нельзя сказать, что визг поднялся совсем уж на пустом месте. Наши вооруженные силы предполагалось сократить процентов на тридцать – за счет сокращения срока службы призывников с нынешних трех-четырёх лет до двух. Ну и слегка изменить штатное расписание, из-за чего численность офицерского корпуса должна была даже немного увеличиться.

Никакого беспокойства эта истерика у меня не вызывала. Наоборот, по ней можно было точнее понять, кто есть ху из пишущей братии, чем и занимались соответствующие отделы информбюро и ДОМа.

Однако проблема заинтересовала Никонова – возможно, потому, что в Федерации тоже занимались реформированием армии. Правда, там были несколько иные задачи. Требовалось не столько оптимизировать структуру вооруженных сил, сколько ликвидировать последствия катастрофического разгрома армии и особенно военной промышленности

в 90-х годах прошлого тысячелетия.

Решив, что перед публичными выступлениями на данную тему не помешает слегка потренироваться, я произнес перед Петром Сергеевичем пятнадцатиминутную речь о невероятном, просто-таки выходящем за грань представимого миролюбии руководства Российской империи в общем и ее государственного канцлера в частности.

– Ясно, – разочарованно сказал Никонов, – вы не хотите об этом говорить.

– Зря вы так думаете. Хочу. И буду. А вот что именно говорить – пока не очень понятно, вот я и решил, так сказать, провести натурные испытания одного из вариантов.

– А, понятно, – рассмеялся полномочный представитель, – захотели, как говорится, потренироваться на кошках. Теперь вас интересует мое впечатление?

– Если вас не затруднит, будьте добры.

– Это оголтелая демагогия.

– Тоже мне новость, а то я не знаю. Про ее качество что вы можете сказать?

– Так себе, – пожал плечами Никонов. – На думающих людей может и не подействовать.

– Вообще-то я эту речь планировал произнести в Думе.

– А, тогда сойдет. Но мне-то вы можете объяснить, зачем планируется снизить боевые возможности армии? Ведь что бы там ни говорилось, конечным результатом вашей реформы будет именно это.

– Не совсем – снизятся только наступательные возможности. Оборонительные даже несколько повысятся. А главных причин две. Желание сэкономить немного денег и обстановка в Штатах.

– Но ведь, насколько можно судить из прессы, там расцветает самый что ни на есть махровый реваншизм! И их армия постоянно увеличивает и численность, и свои боевые возможности.

– Может, и постоянно, но совершенно недостаточно. У них есть возможность гораздо более глубокой модернизации армии и флота, но они ею не пользуются. Потому как понимают, что это им ничего не даст – Четверка все равно будет сильнее. Вот, значит, на последнем совещании в верхах мы и решили ее слегка ослабить.

– Странное решение, – не понял постоянный представитель.

– Наоборот, вполне логичное. Такой союз, как Четверка, может устойчиво существовать либо при наличии общей великой цели, либо при наличии общего сильного врага. Работы над выработкой цели уже

ведутся, но им пока далеко до завершения. Значит, надо не дать раньше времени издохнуть уже имеющемуся врагу! А он к этому близок. Ведь сейчас совместная операция России, Германии и Японии может уничтожить Штаты за пару месяцев... и среди генералитета уже появляются горячие головы, считающие, что так и надо сделать. Нет, без дееспособного врага нам пока нельзя. Это отлично понимают и наш император, и кайзер, и микадо. И даже Никола.

– Черногорский император? Да у него же болезнь Альцгеймера!

– Видимо, она не очень мешает ему стоять во главе державы. Во всяком случае, там тоже планируется довольно значительное сокращение вооруженных сил – с трех батальонов до двух.

Впрочем, я общался с Петром Сергеевичем далеко не первый раз и успел заметить, что он не любит переходить сразу к сути вопроса, даже если этот вопрос достаточно важен. Причем расцвела эта черта его характера именно после контактов с нашим миром. Все правильно, даже если он здесь развеет словоблудие на неделю, в двадцать первом веке от силы пройдет несколько часов. И что характерно, постоянный представитель уже успел продемонстрировать определенный шаблон поведения. Если главным его интересом было получить от меня какую-то информацию, то он начинал беседу с того, что сам о чем-либо рассказывал. Если же ему было поручено что-то сообщить, то на него тут же нападало непреодолимое желание перед сообщением прояснить какой-либо животрепещущий вопрос. Вроде бедственного положения чиновничества в империи или, как сейчас, катастрофического сокращения армии. Причем поверить в то, что Никонов всерьез озабочен опасностью завоевания горячо любимой им Российской империи агрессивными Штатами, лично мне было затруднительно. Так я ему и заявил.

– Ну почему же, – возразил Петр Сергеевич, – у меня не без вашей, кстати, помощи в здешнем мире появился неплохой земельный участок с особняком в Ораниенбауме. Естественно, я заинтересован в безопасности инвестиций – ведь мне пришлось вложить туда не только заемные, но и свои средства. По моим меркам – очень немалые. Однако вы правы, я должен сообщить вам одну не самую приятную новость. К сожалению, осложнения в международной обстановке привели к тому, что, возможно, темпы создания Курильского королевства несколько замедлятся относительно согласованных сроков.

– Так это же было ясно с самого начала. Вполне естественный алгоритм – втихую затягивать сроки до того момента, когда до выборов останется настолько мало времени, что Иосифу Виссарионовичу его просто

не хватит на нормальную избирательную кампанию. Увы, я вам уже неоднократно говорил, что всякая проблема имеет как минимум одно очевидное, простое и всем понятное неправильное решение. Боюсь, что ваше руководство приняло именно его.

Похоже, Никонов ожидал, что ему сейчас объяснят, в чем тут ошибочность, но я не торопился – пусть сначала сам подумает. И он действительно начал напрягать мыслительные способности.

– Раз уж вы изначально прогнозировали подобное развитие событий, то, значит, у вас есть четкий план действий именно в таких граничных условиях. Самое очевидное – ваш... хм... кандидат возглавит оппозицию. Однако в свете вашего последнего заявления меня одолевают сомнения.

– И правильно, что одолевают. Во-первых, Иосиф Виссарионович человек хоть и не брезгливый, но все же не до такой степени, чтобы возглавлять это... ну, в общем, это. Во-вторых и в-главных, есть куда более эффективный путь. Вам подсказать какой или сами догадаетесь?

– Ничего не могу придумать, кроме обратного варианта. Но это же...

– Да, это озарение. Вот видите, стоит только подумать, и вы быстро находите единственный правильный выход. Не будет товарищ Сталин связываться с вашей оппозицией. Наоборот, перед самыми выборами он заявит, что не видит для России лучшей кандидатуры в президенты, чем бывший президент, а ныне премьер, включая и его самого. Мол, именно поэтому он не выдвигал свою кандидатуру.

– Но почему?!

– Потому что нынешний премьер и без его поддержки выиграет. Правда, не так убедительно, но это не суть важно.

– Откуда вы это знаете? И про будущее Украины вы мне говорили так, будто оно вам известно абсолютно точно и в мельчайших подробностях. Но как это может быть?

– Очень просто – я взял и посмотрел своими глазами. Что-то запомнил, что-то пришлось записать.

– Вы можете смотреть в будущее нашего мира?

– Нет, не вашего. Но совпадающего с ним почти полностью. Во всяком случае, Российская Федерация там точно такая же, и все ее ключевые фигуры пребывают на тех же постах.

– Хм... но лично мне все равно непонятно, почему мы должны испугаться поддержки господина Джугашвили.

– С чего вы взяли, что вас кто-то собирается пугать? В ближайшие три-четыре года вашу Россию ждут очень непростые времена, и поддержка человека, имеющего такой авторитет в народе, окажется совсем не лишней.

Кстати, я из чисто альтруистических побуждений могу поделиться сведениями об отдельных персонах из элиты. Нет, это будет не компромат, его вы и сами при желании нароете вполне достаточно. Просто некоторые индивидуумы в сложной обстановке поведут себя далеко не лучшим образом, и я хочу, чтобы высшее руководство Федерации подготовилось к этому заранее. И напоследок дам один совет. Если уж будет принято решение кого-то сажать, то надо именно сажать, то есть как минимум лет на десять, а не на четыре недели с условно-досрочным освобождением. Народ такого точно не поймет. Впрочем, вот тут-то Иосиф Виссарионович вам обязательно поможет, даже не сомневайтесь.

А через день в мой секретариат пришла телеграмма следующего содержания:

ПРЕДЛАГАЮ В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ВСТРЕТИТЬСЯ В МЕСТЕ ЗПТ ГДЕ ЛЮБОЙ ДЕБИЛ СТАНЕТ НАТУРАЛЬНЫМ ЧУДОТВОРЦЕМ ТЧК ИСКРЕННЕ ВАШ ПТИЦ ТЧК

Отправлена она была из моего почти родного села Кесова Гора Тверской губернии.

Глава 33

Естественно, в лагере у подножия плато мы застали ту же картину, что оставили, покидая его. Теперь в десятый век переместилось на два отделения морских пехотинцев больше, чем в прошлый раз, и на одного императора меньше. Маша смогла убедить мужа, что и в Российской империи на всякий случай должен остаться кто-то из высшего руководства, ибо встречаться с таким непонятным и потенциально опасным типом – это далеко не то же самое, что гонять тараканов по клеенке. А вот Владимир принял участие в экспедиции. Они с Настей составляли резервную пару открывателей на случай, если меня придется срочно вытаскивать из-за портала, а сам я при этом никакой помощи оказать не смогу. Штатными открывателями были мы с Настей, как уже достаточно поднаторевшая в этом деле пара.

Сначала мы образовали небольшую дырочку, дабы оценить атмосферное давление по ту сторону и снять показания таймера с радиоканалом, заброшенного в тот мир при предыдущем открывании. Оказалось, что времени там прошло почти столько же, сколько в двадцатом веке, но все же на полчаса меньше.

– Странно, – заметила Настя.

– Да там вообще все странное. Ладно, разворачиваем портал в полный размер.

Я шагнул в неизвестность, обернулся, махнул дочери рукой, и дыра в десятый век закрылась. Сразу же в голове возник тревожный вопрос Насти:

– Пап, как ты там?

– Да все нормально, не мельтеши.

Причем, что интересно, я воспринимал дочкины мысли в нормальном темпе, то есть время здесь и в десятом веке текло одинаково.

Я огляделся. Плато явно было тем же самым, а вот остров – не совсем. На месте Поике вздымалась довольно высокая гора с чуть дымящей вершиной, зато все остальные горы исчезли. И сам остров, насколько я смог рассмотреть с плато, несколько уменьшился, но зато из треугольного стал более или менее круглым.

Впрочем, особо заикливаться на особенностях здешней географии я не стал, ибо это было не совсем уместно. Примерно там, где в десятом веке располагался наш лагерь, горел костер, а рядом с ним сидел человек.

Скорее всего, это был искомый сизокрылый голубь, и ждал он именно меня.

Я чувствовал какую-то необъяснимую эйфорию. Хотелось бегать, прыгать, издавать несоответствующие сану канцлера вопли и даже, если уж совсем расслабиться, набить кому-нибудь морду. Но мне удалось быстро взять себя в руки, и, степенно, то есть почти не вприпрыжку, спустившись с плато, я двинулся к костру и, подойдя, представился:

– Георгий Андреевич Найденов, канцлер. Прибыл сюда по вашему приглашению.

– Роберт Джон Дюваль, путешественник, – встал собеседник. – Пребываю тут по своей инициативе. В этом времени мне гораздо удобней, нежели в любом другом. Присаживайтесь, вряд ли наша беседа уложится в минуты. Рыбки отведайте, мне, кажется, сегодня неплохо удался шашлык из золотой макрели. Вот только к шашлыку, к сожалению, ничего нет. В месте, откуда я сюда переместился, с этим делом не очень.

Собеседник повернулся, чтобы поворошить угли, и я получил возможность рассмотреть его сбоку. Во время нашей предыдущей беседы у гаражей он был в шлеме и стоял ко мне лицом, так что тогда это не бросалось в глаза, но теперь стало ясно, кто послужил источником вдохновения для скульпторов с острова Пасхи.

Я поставил рюкзак на траву, достал оттуда раскладную табуретку, сел на нее и успокоил Дюваля-младшего:

– Не волнуйтесь, в отличие от вас, свой рюкзак я собирал еще в Гатчине, а там с «этим делом» никаких трудностей.

И, достав из рюкзака ноль семь фишмановки и пару бутылок пива, поинтересовался:

– А вы, если не секрет, сюда из каких мест и времен пришли?

– Времена – те самые, когда вы собирали свой рюкзак, а место – село Кесова Гора. Там даже смирновки не купишь, не говоря уж о чем-то лучшем. А искать, кто там гонит, да еще и качественно, у меня просто не было времени. Я же не знал, как быстро вы соберетесь, и поэтому спешил.

– Надеюсь, вы тут не утомились, ожидая меня?

– Что вы, я здесь отдыхаю душой, и мне не составило бы никаких неудобств подождать вас хоть месяц. А ближайшее извержение Поике ожидается только лет через семьдесят, так что спешить пока некуда.

Мы помолчали, потом степенно приняли по сто грамм, закусили и только после этого продолжили беседу.

– Должен выразить вам благодарность, – усмехнулся Роберт. – Если бы

ваша дочь с тем верзилой не залетели в десятый век и не инициировали бы этим врожденные способности моего отца, которыми он, к сожалению, так и не научился пользоваться, у меня бы их тоже не было. Да и вообще, они с матерью, скорее всего, не познакомились бы вовсе.

– Взаимно, – кивнул я, – вы ведь оплатили той же монетой, инициировав нас с Георгием Александровичем. Без чего Настя бы вообще не родилась, а лаборант так и остался бы в своем времени.

– Не совсем так, – уточнил Дюваль. – По-моему, запускающим фактором для всей цепочки событий стало нештатное срабатывание установки Арутюняна, а это произошло независимо и от вас, и от меня.

– Вполне возможно. Кстати, мы с Георгием Александровичем были единственными, кому вы, так сказать, передали часть своих способностей?

– Увы, нет. Первым был небезызвестный вам Бадмаев. Но оказалось, что я ошибся, думая, что смогу его инициировать в нужном ключе. Возможность открывать порталы он не приобрел, зато сильно выросли его врожденные способности гипнотизера и экстрасенса. Только потом до меня дошло, что здесь нужны сразу двое, причем из разных миров. Ну а Бадмаев, по-моему, узнав, что кто-то приобрел то, что не удалось получить ему, вообще пустился во все тяжкие. Кажется, вы его недавно?..

– Не совсем я, но да. И, если позволите, еще один вопрос. Как-то я себя чувствую несколько необычно. Не подскажете, с чем это связано?

– Не волнуйтесь, ничего, кроме пользы, причем немалой, вам от пребывания здесь не будет. И вообще, я вам оставляю этот остров и всю остальную Землю в плейстоцене в придачу, за исключением того места, которое так понравилось вашей дочери. Острова Лорд-Хау. Я собираюсь прожить там то небольшое время, что мне еще осталось. Но перед этим у меня к вам будет просьба...

Мы с Настей стояли метрах в двухстах от лагеря в десятом веке и смотрели, как Роберт Дюваль открывает портал в место своего последнего пристанища. В общем, все было как у нас, только он все сделал один, никакой напарник ему не понадобился. Бывший человек-птица шагнул на песчаный пляж и, не оборачиваясь, медленно двинулся в сторону небольшой пальмовой рощи на пригорке. И дырка захлопнулась.

– Уф, – сказала Настя, отдуваясь. – Кажется, получилось.

Я не стал спрашивать, что именно, ибо у меня получилось то же самое. Но Настя все же решила уточнить:

– Я попыталась задержать закрытие портала, и у меня это вышло примерно на полсекунды. А потом он еще треть секунды держался сам.

– Не сам, это уже я притормозил его закрытие. В общем, теперь мы с тобой при желании сможем туда попасть.

– Но ведь Роберт просил его не беспокоить?

– А мы и не будем. Но как ты думаешь, зачем он отправился на Лорд-Хау из плейстоцена именно через десятый век? У него наверняка имелось множество других точек привязки. Но нет, он перешел сюда со мной и не возражал против твоего присутствия. Так вот, беспокоить его мы не станем, обещания надо выполнять. Но когда он умрет, теперь есть кому его по-человечески похоронить.

– Как же мы это узнаем?

– По скорости течения времени. Пока он жив и в плейстоцене, оно будет течь с той же скоростью, как в мире, где находятся все остальные открыватели, а как помрет – оно там без него и без нас встанет. Относительно нашего мира, естественно. В общем, теперь надо подумать, как мы будем спасать его родителей, раз уж обещали, коли сам он не смог. Хотя, по-моему, просто не решился. Старший ликтор Найденова-Романова!

– Я!

– Вам поручается изучение материалов, разработка самой операции и руководство ее проведением. За текущей помощью можете обращаться к Татьяне Викторовне. При необходимости разрешается привлекать канцлера и генерального комиссара Фишмана, а в случае крайней необходимости – императора и цесаревича. Вопросы есть?

– По делу – пока нет, шеф.

– Ладно, теперь можешь и не по делу.

– Пап, но почему я?

– А кто должен, я, что ли? Ты ведь чуть не начала неровно дышать к Жану Дювалю. Вот теперь и спасай его, тем более что, оказывается, ты ему обязана своим существованием почти в той же мере, что и мне. У нас же с императором и без того дел намечается выше маковки, хотя, как уже говорилось, помогать тебе никто не отказывается.

– Хорошо, сделаю. Думаю, как-нибудь спасем мы этих родителей. Кстати, будет интересно посмотреть, кого именно мой ненаглядный Жан предпочел наследной принцессе.

Эпилог

Император вместо вдумчивой дегустации достижений дворцовой кухни взволнованно ходил по своему малому кабинету. Впрочем, терял он немного, потому как шла Страстная неделя, и блюда были не только без мяса, но и без масла, даже растительного. И кажется, солить их тоже никто не собирался. Я уже решил, что сразу по возвращении в Гатчину возьму грех на душу, залезу в холодильник и сожру во-о-от такой кусок колбасы, причем произведенной отнюдь не на Ярославском мясоколбасном заводе. И – грешить так грешить! – не просто так, а под бутылочку-другую пива. Ничего, батюшка потом отпустит грехи. Правда, не мне, а моему двойнику, но ведь он будет выступать от моего имени и озвучивать утвержденный мной текст, так что на небе, наверное, разберутся. Тем более что в свете недавно полученной информации можно предположить, что у меня будет более чем достаточно времени нагрешить куда серьезнее. Ну а пока, пожалуй, следует несколько успокоить его величество – ведь у него же в Зимнем нет своего личного холодильника! Или все-таки есть? А еще говорят, что спецслужбы канцлера проникли во все щели... фигушки! Я вон даже таких элементарных вещей не знаю. Но до чего там дошел Гоша в своем недоумении? Хм, уже до сути. То есть вопрошает:

– Выходит, что мы познакомились и получили способность открывать порталы потому, что ее дал нам Роберт Дюваль, который сам приобрел упомянутую способность именно в результате наших совместных действий? Это же просто какая-то сказка про белого бычка получается.

– Что же тебя удивляет? Самый что ни на есть обычный закольцованный процесс, с которыми ты наверняка неоднократно сталкивался, просто не обращал внимания. Генерального следователя Гниду помнишь? Почему, по-твоему, он каждый вечер нажирался до свинского состояния? Да потому, что у него утром так руки тряслись, что он и одеться-то толком не мог, куда там работать. Вот он и принимал стаканчик-другой для поправки здоровья, а дальше уже все шло само собой. А почему ему с утра требовалось похмеляться? Да потому, что он предыдущим вечером нажрался как свинья. Вот тебе причинно-следственное кольцо – причем, в отличие от нашего, совсем коротенькое. Или могу привести пример, наоборот, самого длинного, какое только может быть в природе. Как ты думаешь, что будет после тепловой смерти вселенной? Я считаю – Большой взрыв, в результате которого она

и возникла. Но, кстати, в случае с Дювалем все не так просто.

После чего я вкратце рассказал императору, каким образом в этой истории оказался замешан Арутюнян.

– Но это еще ничего не доказывает, – усмехнулся Гоша. – Если ты прав, то младший Дюваль, шарахаясь по мирам и временам, мог каким-то образом незаметно для себя способствовать открытию Сергея Гайковича. Или даже его рождению. Или нештатному срабатыванию аппаратуры. Ладно, давай начнем думать, что нам-то теперь делать дальше. Сколько, ты говоришь, он уже прожил?

– Что-то около девятисот лет, точно он сам не знает, сбился со счета где-то на третьей сотне. Причем лет до пятисот он вообще чувствовал себя великолепно, а потом понемногу начал сдавать. Сейчас он уже не может хоть сколько-нибудь долго просуществовать нигде, кроме плейстоцена. Да и там ему немного осталось. Все правильно, на вечную жизнь человеческий организм не рассчитан. Наверное, девятьсот плюс-минус десятка три – это и есть естественный предел долголетия. Так и в Библии написано. Ничего, нам, я думаю, времени хватит. И на то, чтобы научиться всему, что он сейчас умеет, плюс, конечно, еще чему-нибудь. И на главное.

– Вот-вот. Я правильно понимаю, чем ты решил всерьез заняться?

– Разумеется, а что еще прикажешь делать – карандаши точить столетиями подряд? Кстати, не «ты», а, как я весьма обоснованно подозреваю, «мы». Раньше было как-то боязно – мол, дело это долгое, мало ли во что могут превратить наши благие начинания далекие потомки. Но теперь все ясно: мы им просто не дадим напортачить. Вот, значит, так прямо с завтрашнего дня и начинаем строить коммунизм.

– Завтрашний день начинается через четыре минуты, – заметил император, глянув на часы. – Успеешь до его наступления завершить всю текучку?

– Разумеется.

Я взял лист бумаги, ручку и быстро написал документ. Это было распоряжение в школу комиссаров – послать практиканта в одно симпатичное село Тверской губернии на предмет выяснить, как в тамошних магазинах и лавках обстоят дела с ассортиментом товаров первой необходимости.

– Все, текучка завершена, и я готов, прямо как какой-нибудь юный пионер. Пора начинать соображать, к чему именно.